

**Александр Драгункин
Александр Образцов**

**АМУР
И
АТЛАНТИДА**

Дальневосточная элегия
в синергизме
с работами Александра Драгункина

ООО «**Время чайки**»
Издательский дом «**АНДРА**»
Санкт-Петербург
2006

Оглавление

ББК 81.2 Рус.

Д 72

А. Н. Драгункин, А. А. Образцов

Д 72 Амур и Атлантида. — СПб.: ООО «Время чайки», Издательский дом «АНДРА», 2006. — 352 с.

ISBN 5-87852-163-6

Новая книга известных петербургских авторов Александра Драгункина и Александра Образцова – теперь уже «дальневосточная» – продолжает и развивает тему *России*, её места в этом мире, её исторической миссии и сохранения её целостности.

© Драгункин А. Н., 2006

ISBN 5-87852-163-6

© Издательский дом «АНДРА», 2006

Издание печатается в авторской редакции.

Авторские права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена, передана в любой форме и любыми средствами: механическим, электронным, с помощью фотокопирования, звукозаписи и т. п. без предварительного письменного разрешения авторов.

При цитировании и при использовании авторских методик ссылки на данную книгу и на фамилию А. Драгункина являются обязательными.

Драгункин Александр Николаевич

Образцов Александр Алексеевич

АМУР и АТЛАНТИДА

Подписано в печать 05.11.05. Формат 60×88/16. Гарнитура Times.
Бумага типографская. Печать офсетная. Объем 21 печ. л. Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издательский дом «АНДРА»

E-mail: andrapublish@yandex.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Северо-Западный Печатный Двор».
188350, Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Солодухина, 2

Вступление 7

Велимир Хлебников

«О Азия! себя тобою мучу!» 12

ЧАСТЬ I ВОСТОЧНАЯ РОССИЯ

Александр Образцов

Необычная страна 15

Налог на язык 17

Гуманитарии и разнорабочие 19

Декларация прав культурного меньшинства 23

«Пилка дров» (*ньеса*) 24

Атлантида = Япония = Америка 31

Моя лампа во тьме времён 33

Александр Драгункин

«Альтернативная история расселения народов» 48

Происхождение *цифр* и *букв* 57

П. А. Столыпин

Речь о сооружении амурской железной дороги,
произнесённая в Государственной Думе 31 марта 1908 года. 70

Александр Драгункин

Из книги «Происхождение японского языка» 84

ЧАСТЬ II ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Александр Образцов

Неутешные опыты любви к родине. Восточный роман 121

Похожая на улитку 121

Сватовство 122

Джелтулакский район 124

Свободный 126

Центральная площадь Соловьёвска 127

Время 128

Тема 129

За речкой 130

Брусника 130

Как писать пьесы	131
Как описать великолепие	132
Ещё тема	133
Жанр	134
Амурская область до последней капли крови. Вступление	136
Заявка гл. редактору газеты «Вечерний Петербург»	136
Заявка гл. редактору «Независимой газеты»	137
На живую нитку	141
Московское время. I	141
«Линия перемены дат». Книга 1	144
Восточнее Ярославского вокзала	159
Амурская область до последней капли крови. Эпос	164
Когда сидишь у окна	164
Отъезд. Третья попытка	164
Письмо в редакцию 1	165
В метро	167
Полёт (информация)	168
Капитан	168
Письмо в редакцию 2	170
Демография	171
Письмо в редакцию 3	173
Полёт	174
Аэропорт. Благовещенск	174
Ещё письмо в редакцию	175
Майская ночь	176
Ещё Благовещенск	177
Из газеты	179
Шестидесятники	182
Прямоугольный город в тумане	182
Одинокий пограничник	182
И ещё письмо в редакцию	183
Пьеса «Китай»	184
Шадринская церковь	184
Чурин	185
Деревья	186
Две якутки	186
Обменялись	189
Зоны	189
В музее	190
Ещё Чурин	191
Нарыв	192
Встреча с читателями	193
Фразеологическое путешествие в автобусе «Благовещенск–Свободный»	196

КСД	197
В парке	206
Больничные стихи	207
Приоритеты	208
Вредители	209
Рассказ вольнонаёмного	209
Нектар	211
О городах	212
Мыслящий человек	212
Кладбище	212
Старик на Инженерной	214
Ностальгия	217
Демография (2)	217
Отцы	218
Моя жизнь	218
Из газет	219
Операция в противогазах	220
Фамилия	220
Хроника	220
Правительственное сообщение	220
Она была.. ..	221
Аня. «Столичная жизнь»	224, 229
Весёлый «Улан-Батор»	247

ЧАСТЬ III

«ЛИТЕРАТУРНАЯ»

Александр Образцов

Сон	253
Шести лет я чувствовал себя уютно в этом мире	255
О рыбалке	257
Чернильница	258
«На дороге» (пьеса)	259
«Волшебный сад» (пьеса)	268
«Линия перемены дат». Книга 2. Московское время. II	272
В коридоре купейного вагона	273
В купе	274
Двое играющих в карты	274
Хутор	275
В ПТО	275
В доке	275
Заместитель начальника мастерских	276
На балконе гостиницы	277
У кассы	277

ВСТУПЛЕНИЕ

Александр Драгункин

«Только прорыв к осознанию себя *русским* наконец придаёт смысл существованию».

А. Драгункин

Мы с моим уважаемым соавтором Александром Образцовым исходим из того неоспоримого для нас факта, что ранее *вся* Евразия была одним единым государством – одной огромной (*славяно-балто-тюркской*) Русью.

При принятии этой точки зрения многие *напонятки* всемирной истории становятся понятными и логичными.

Именно в этом случае понятной становится и позиция китайских императоров, рассматривавших *всю* Азию (включая Сибирь и Дальний Восток) как *свою* территорию – но ведь именно так оно и было, пока (*или: поскольку*) китайские правители были *наместниками*, назначавшимися русской *Ордой* и управлявшими *вверенной* им территорией.

Соответственно этому, все «*движения*» русских на восток – включая псевдо«*завоевание Сибири*» и заселение Дальнего Востока – были просто теми или иными *передвижениями* русских по своей же *собственной* территории, освоение её.

Однако в этой книге я хочу дать и *формальный* вариант истории *освоения* русскими этого региона.

В сквере	278
Два чемодана	278
Толик Уваров	279
Племянник Толика	280
По вагонам	280
В вагоне-ресторане	281
Разошлись	282
Невский проспект	283
О фотографии	286
Снова Толик	287
Диана	288
Новая встреча	289

Александр Драгункин

Происхождение русского <i>мата</i>	292
О названиях <i>денежных единиц</i>	295
Русско-японский <i>этимологический</i> словарь	309

Велимир Хлебников

«Единая книга»	338
----------------------	-----

ЧАСТЬ IV

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ

Александр Образцов

Оранжевый ужас	341
Чужие	347
Выступление на учредительном съезде партии «Мать Россия»	350

Краткая (*формальная*) история освоения русскими Сибири и Дальнего Востока.

Согласно истории в её общепринятом варианте Россия начала своё продвижение на восток ещё в XIV веке, а в веке XV уже были установлены контакты с Хивой, Бухарой, Кокандом и с другими государствами этого региона, причём всех своих целей – включая подведение под юрисдикцию России всё новых и новых земель и народов – Россия добивалась чисто дипломатическими путями. В результате этого процесса Россия стала для Европы как бы «воротами» в Азию – и в Среднюю, и в Центральную, и на Дальний Восток, и в Китай, и в Индию, тем более, что на тот момент поиски кратчайшего сухопутного пути в Китай и в Индию стали одним из главнейших приоритетов многих европейских стран. И как только явным стало желание Англии самостоятельно искать подобный путь, Россия в 1608 году осуществила первую попытку и в этом направлении, отправив по указу царя Василия Шуйского группу томских казаков на поиски Алтын-царя и пути в Китай.

Однако русская «колонизация» Сибири началась значительно раньше, при этом – как сказал Игорь Попов в своей прекрасной книге «Россия и Китай. 300 лет на грани войны» – «В отличие от европейских колониальных держав Россия следовала своему цивилизаторскому влечению, а не стремлению захватить ... новые земли и рынки. “Наступательное движение” России на восток носило в основном *стихийный* характер, а главную роль в этом играли казаки» (*курсив* мой – А.Д.). К этой цитате следует добавить и высказывание Н. Штейнфельда, действительного члена Императорского общества востоковедов, также цитируемого в вышеупомянутой книге (пунктуация сохранена): «... надо отнести и наших сибирских казаков, без видимой надобности на собственный страх и риск продиравшихся через дебри Сибири вплоть до берегов Тихого океана. Удадь казаков всегда пленяла умы русских, ... здраво рассуждая, у России не было решительно ни-

каких других поводов искать новых земель и притом таких же неприветливых и холодных, как свои собственные». (Но если предположить, что эти земли **и так** были её **собственными** землями, то все противоречия исчезают! – А. Драгункин).

Вновь завоёвывая и осваивая сибирские территории, казаки приводили местное население в российское подданство, но – в отличие от европейских колонизаторов – позволяли аборигенам сохранять не только присущий им *уклад жизни*, но даже и местное самоуправление, хотя очень многочисленными были и случаи грабежей, насилия и конкретной уголовщины со стороны казаков в отношении мирного населения. Ведь люди, осваивавшие новые территории, зачастую сами были, мягко говоря, «не в ладах с законом». Например, пятидесятник Никифор Черниговский, в 1661 году достигший с отрядом казаков город Албазин и тем самым оказавший городу огромную услугу, совершил столь героический поступок, будучи – оказывается – вынужденным просто бежать из Усть-Кута после убийства им илимского воеводы. Да и сам Албазин после захвата его казаками, считался властями настоящим «воровским острогом».

Постепенное продвижение русских на восток создало предпосылки для строительства на новых территориях острогов, поселений и – позднее – городов. На карте Сибири появились Тобольск, Томск, Якутск, Нерчинск и др., в 1643-1646 годах экспедиция В.Д.Пояркова, пройдя Приамурье (то есть через Даурию), посетила Пекин, а в 1650 году отряд сибирского промышленника Е.П.Хабарова в составе 70 человек вышел и на сам Амур, причём у Хабарова была выданная ему Якутской приказной избой «наказная память» (= письменный приказ), содержавшая достаточно строгие инструкции о приведении (о *возвращении?* – А.Д.) Приамурья в российское подданство. Известно, что продвигаясь вглубь Даурии, отряд Хабарова сталкивался с ожесточённым сопротивлением дауров, а придя на Амур и захватив в 1651 году даурский

городок Албазин, Хабаров положил начало и военному противостоянию России и Китая (хотя в первые годы существования «русского» Албазина даже *тунгусам* удавалось одерживать над русскими небольшие временные победы). В 1689 году, после длительной войны с Китаем за Албазин, был подписан Нерчинский мирный договор, которым в качестве *линии размежевания* (то есть *границы*) России и Китая навеки закреплялась река Амур. Но ещё в 1672-1673 годах из Нерчинска в Приамурье для организации «*правильного земледелия*» было направлено определённое количество крестьянских семей уже на *постоянное* проживание. Так начиналась русская колонизация (А может, *восстановление* русской власти?) Приамурья в частности и Дальнего Востока в общем.

Продвижение русских на восток шло, конечно же, в нескольких направлениях – в том числе и в сторону северо-востока, то есть в сторону Чукотки и Камчатки. Правда, туда русские пришли чуть позже, но и там их продвижение (хотя и было успешным) зачастую сталкивалось с мощным противодействием местных племён. Самое сильное сопротивление было оказано племенами *юкагиров* и *ительменов*, неоднократно бившими казаков ...

Говорят, что именно русские принесли в те края *оспу*, *сифилис*, *туберкулёз* и *водку* ... – но англичане, например, сделали бы **то же самое** и ещё раз в 100 хуже ... – вспомните хотя бы организованное ими *насильственное одурманивание* Китая опиумом или физическое уничтожение *индейцев* ...!).

Александр Образцов – из сибирского городка Свободный, моя бабушка со стороны матери, Надежда Гладышева – из Томска, поэтому ширь Сибири и казацкий размах не чужды нам обоим (+ мой дед с Волги!) ... А посему ... – не видать басурману сибирской или камчатской земли – таково наше общее с Образцовым мнение!

Александр Образцов

В сущности «завоевание» казаками Сибири и Дальнего Востока в 17 веке повторилось в 1918-22 годах. Только в роли тех, прежних романовских казаков, были *красные*. Перед нами яркий пример того, как история повторяется, но не в виде фарса. Это только в столичных театрах разыгрываются фарсы. А подлинная история повторяется, выявляя при этом свой грозный, огненный смысл. И в этом огне истории плавятся немыслимые противоречия, о которых в дальнейшем даже не подозревают позднейшие историки, по своей злой воле спрямляя и обесценивая Божью прихоть.

Велимир Хлебников

О Азия! себя тобою мучу.
Как девы брови я постигаю тучу,
Как шею нежного здоровья –
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день свободных ласк предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия обвила бы колени,
И дева прошептала бы таинственные пени
И, тихая, счастливая, рыдала,
Концами кос глаза суша.
Она любила. Она страдала,
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы в сердце чувства,
Вдруг зажигая в сердце бой,
И Махавиры, и Заратустры,
И Саваджи, объятого борьбой.
Умерших снов я стал бы современник,
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы,
– Учитель, – ласково шепча, –
Не правда ли, сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?

1920 г.

(Авторская пунктуация сохранена).

ЧАСТЬ I**Восточная Россия**

Александр Образцов НЕОБЫЧНАЯ СТРАНА

«Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». В этих словах Н. Некрасова больше недоумения, чем констатации.

«В Россию можно только верить», – вторит Некрасову Ф. Тютчев.

«Пора, пора, такую мать, умом Россию понимать», – жизнерадостно итожит автор «Гариков». Тоже, впрочем, не без сочувствия.

Мне кажется, что недоумение великих (и не только) русских поэтов, которых невозможно обвинить в недостаточной любви к Родине (скорее – наоборот, что на посторонний взгляд абсурдно, неназываемо. Но это так. Любовь к Родине Есенина или Рубцова жертвенна и абсолютна, священна. Так даже мать не любят), повторяю, недоумение при великой любви Деникина и Чехова, Рахманинова и Солженицына, и многих других детей России – ещё и в нескончаемости данного предложения... Никак его не закончить... Невозможно... Подступают рыдания тоски и непонимания. За что..? Ведь все мы её так любим!

Но она встаёт вдруг поперёк нашей любви как бревно. Упрямая, косная, делающая назло себе и людям, её населяющим.

И вот назвал я этот очерк «Необычная страна». И как бы даже оскорбил. Хотя на самом деле в очередной раз полюбил, выделил среди прочих, которые «обычные»... Нет, здесь есть оттенок оценки. Разве можно оценивать любовь?!

И пошло, поехало. Здесь недалеко до истерики, заламывания рук, запоя и безумной жертвы.

А если трезво?

Трезво получается следующим образом: Некрасов написал в сущности кошунственные строки: «Создал песню, подобную стону, и навеки духовно почил». Это о своём народе?! Как о стае бродячих собак, которые только и способны выть на луну?!

А Кирша Данилов и Киреевский собирали былины и песни в 19 (!) веке. И всё похваливали русский народ и умилялись

тому, что вот считали русских варварами и пьяницами, а они умудрились, несмотря на свою дурную славу, что-то сохранить в своей тёмной памяти.

А «Слово о полку» до сих пор многие считают поздней стилизацией.

Но почему ни у кого не созреет вполне доступная мысль о полном уничтожении после 1612 года **всего культурного наследия** русского народа? И «Слово», и былины, и песни – это ничтожная, чудом сохранившаяся часть величайшей культуры, сожжённой, вытоптанной, оплёванной безродными романовскими оккупантами! Одна церковь Покрова на Нерли должна была рассказать кабинетным сентименталистам об истинном положении дел. Но они и Андрея Рублёва поместили в банку, как заспиртованного уникама посреди всеобщей дикости.

«Рукописи не горят».

Разве? Что знал о жизни человек, написавший эти бессовестные слова? Неужели он не видел никогда костров из писем и воспоминаний? И дым от сжигаемых русских архивов через триста лет не застилал ему поля зрения?

Так вот совершенно трезво: назовите мне другой такой народ, который после четырёхсот лет безжалостного и угрюмого террора изнутри (оккупационной администрацией) и извне (Западным миром) вывернулся из удушающего захвата и первым был в космосе, на Луне, в танкостроении, в балете, в литературе, в живописи, в хоккее, в музыке, в траволечении, в селекции растений, в терпении и терпимости, в доблести и славе, в духовном и душевном пьянстве, в безрассудстве и удали, в изготовлении ватников и валенок, в театре и кино, в прыжках в высоту и в художественной гимнастике, в авиации, в артиллерии, в пехоте и кавалерии, в красоте женщин и в любви матерей, и если вы по-прежнему будете гнусавить о миллионах жертв при этом, вы – просто подлец и расист. И к нашей великой, горестной общности не примазывайтесь. Учите другой язык.

На русский у нас патент.

НАЛОГ НА ЯЗЫК

Является ли язык собственностью народа или это нечто эфемерное, принадлежащее всем? Вопрос забавный, но на самом деле, при размышлении, не такой уж и забавный. Конечно, каждый имеет право изучить язык и говорить на нём. Такое развитие событий даже лестно для хозяев языка. К тому же некоторым это приносит неплохие доходы. Косвенные, правда, но очень и очень неплохие.

Существует в мире несколько языков международных. Это английский, испанский. В какой-то мере французский, арабский. В странной мере русский. Казалось бы, что за вопрос? От Китая до Лондона, от Австралии и Латинской Америки до Брайтон-Бич русский язык помогает в общении сотням миллионов людей.

Но!

Но русские почему-то должны быть благодарны людям, изучающим русский язык. Хотя я не встречал (и не встречу никогда) человека, который сам, без всякой объективной причины взялся бы за изучение этого чудовищно трудного языка. Может быть, именно трудность в изучении заставляет русских почти благоговеть, почти раболепствовать перед инородцами, которые этот язык осваивают?

Но почему тогда американцы, англичане, французы, немцы и прочие народы бывают недовольны, если на их языке говорят с акцентом, они высмеивают «производителей акцента» и презирают их, а русские только умиляются и начинают любить их больше, чем соотечественников? Где кончается обычное (пусть и гипертрофированное) гостеприимство и начинается пресмыкание?

Граница здесь неразличима. Но данный феномен говорит только об одном: об удивительном простодушии русских. О простодушии, которое люди западные – цинические и убогие – не могут себе даже представить в его истинном значении и объёме. Ибо простодушие русских – это их особая честь

– и подобие креста. И если уж говорили в прошлые века о народе-богоносце, то правильно, всё это о нём – о русском народе.

Александр Драгункин

«Простодушие» – это наша *сила* ... Мы **можем** *позволить себе* быть «*простодушными*». И ведь на славянских языках “*prosto*” значит «*прямо-*» ..!

Вся история России – соединение немислимого терпения и вселенских забот об общем доме человечества. Никогда ни один генерал не становился здесь диктатором, царём и проч. Больше того, зачастую люди, почти не говорившие по-русски (вспомним Петра III, Екатерину, Сталина), становились здесь правителями по закону наследования (часто самозванного, как у Романовых, Брежнева и Ельцина).

Я далёк от мысли, что данные заметки как-то повлияют на дальнейшее поведение народа. Он по-прежнему будет горячо приветствовать Пушкина, Айтматова и Искандера. Но я должен вбросить в общественное сознание мысль о национальной гордости. Не о *гордыне*, являющейся одним из основных грехов. А о *гордости*, которая наряду с *честью* является обязательной для любого народа, мыслящего себя великим (опять же *чести* и *гордости* я не нахожу в действиях западных народов: одну только *гордыню* плюс нарушение договоров и Священного писания).

Так вот: я призываю русский народ ввести налог на язык.

Что это значит? Надо запретить по-русски оскорбительно говорить о России и о русских. Пусть говорят через переводчиков. Надо запретить использование русского языка всуе. Не надо приветствовать желание говорить по-русски. Если тебе надо, сам научись. Плевать нам на то, говоришь ты по-русски или нет. Это твои проблемы.

Куда вы все денетесь? Чаще смотрите на карту полушарий.

ГУМАНИТАРИИ И РАЗНОРАБОЧИЕ

Мне очень нравится социологическая разбивка населения. Она так деловита, так аморальна, что я с удовольствием перечислю всех нас по порядку: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, служащие без квалификации, служащие средней квалификации, студенты и учащиеся, техническая интеллигенция, гуманитарная интеллигенция, руководящие работники, военнослужащие и милиция.

Здесь меня интересуют две категории: неквалифицированные рабочие и гуманитарная интеллигенция. Потому что остальным есть, что терять. А этим терять нечего. И именно они являются кулаками и мозгом любой русской неприятности.

Неквалифицированные – чернорабочие, по нашему – носят свой инструмент, то есть *руки*, всегда с собой. А гуманитарии не нуждаются ни в компьютерах, ни в таблицах. Всё у них в голове. Поэтому не случайно взаимное притяжение дворников и поэтов, кочегаров и актёров, вахтёров и художников. Они всегда готовы к перемене мест и времён. Им всё равно, где жить – при феодализме или в постиндустриальном обществе. Везде они парии. В самом деле – каждый сможет кинуть лопатой. И, с другой стороны, каждый сможет книжку надиктовать. Поэтому вершинные люди современной литературы Венедикт Ерофеев и Олег Григорьев были уже попросту растворены в этих двух состояниях – в *неквалифицированном* и в *гуманитарном* одновременно.

Так получилось, что русской культуре удалось-таки замкнуть вожделенное объятие: слившись с землекопами и бомжами, она достигла внутреннего и внешнего единства с народом. Однако народ (весь) оказался как бы прокладкой в этом объятии. Ещё и этим объясняется беспрецедентное охлаждение масс к отечественной культуре.

Однако – какова история вопроса?

Общеизвестно: как только гуманитарная интеллигенция в России собиралась в поход, остановить её не мог никто – ни Бог, ни царь и не герой.

Где-то во времена Радищева-Белинского обозначился – то ли под воздействием коренных славянофилов, то ли европейские ветры какую-то гуманитарщину нанесли – но обозначился социальный наклон интеллигенции. Потянулась она к самому простому человеку, страдавшему под ярмом (к бурлаку, боссяку, беглому каторжнику). Никто этого человека до революционных демократов не защищал. Впрочем, он, этот простой человек, и не предполагал, что его защищать и освобождать надо. Жил себе и жил, купаясь в фольклоре и подчиняясь общине. Надо всем должен быть хозяин: над простым человеком – господин, над господином – царь, над царём – Бог. Когда же в щели между сословиями стало набиваться много посторонних, машина начала буксовать. После Октября гуманитарная интеллигенция, засучив рукава, принялась воспитывать народ.

И здесь выяснилось окончательно – к величайшему изумлению гуманитариев – что народ воспитываться не желает. Народ хочет сам по себе.

Тогда за него, отодвинув гуманитариев, принялся товарищ Сталин. А Сталин, можно сказать, сам был плоть от плоти интеллигент-гуманитарий. Нельзя же отказать ему в начитанности, в почитании русской культуры прошлого века и развитой до чудовищных размеров памяти. А некоторая жёсткость концепции была обусловлена идеей освобождения простого народа.

И после Сталина, и после Хрущёва, и даже после Брежнева гуманитарная интеллигенция в массе свято верила в свою основную идею и служила ей, как могла. Хотя, как известно, гуманитарии всегда оплачивались хуже всех, наравне с разноработчими.

Что же отбросило гуманитариев от коммунизма?

Думается, что система спецхранов, куда гуманитариев допускали не по необходимости, а по благу, развила в них такие обиды, что от этих обид закачался и рухнул дворец коммунизма.

Действительно, ведь ничего люди не просили, кроме знаний, фильмов и музыки!

К тому же в начале 80-х годов появилась некая растерянность в среде гуманитариев: а такие ли мы передовые в литературе и везде? Действительно ли Распутин – наследник Льва Толстого, а Трифонов – Флобера и Диккенса? Что у нас в кино? Почему Тарковский нас покинул? А главное – Набокова нам не показали, мерзавцы!

И поехало. Гуманитарная интеллигенция снова собралась в поход. Куда? А кто его знает! Главное – по ко́ням! И вдаль от коммунизма!

А что же простой народ? На кого он покинут?

На самого себя.

И слава Богу.

Но не зря – ох, не зря простой народ так ворчлив по отношению к гуманитарной интеллигенции!

Народ всегда прав: «заведут незнамо куда, а потом ищи, кто первый позвал».

Однако народ и на себя должен принять часть вины: не лезь, если не доверяешь. Но как же не доверять, если ведущие сами голы-босы и ни на какие материальные блага не претендуют? Если живут ещё хуже простого народа? Если власть завоюют – и тут же отдадут её первому встречному (а первый встречный по закону подлости ещё и самый наглый, и самый злобный, и самый глупый)?

Однако сказать, что гуманитарная интеллигенция и простой народ не любят друг друга – значит сказать сущую нелепицу. Дело-то всё в том, что они жить друг без друга не могут, образуя временами комическую парочку.

– Так ты идёшь? – строго спрашивает гуманитарная интеллигенция у лежащего на боку простого народа.

– А ну тебя, – говорит народ. – Прошлый раз пошёл, и что? Мне морду набили, а тебя в выгребную яму сунули. Не пойду. И не приставай, а то по шее получишь!

– Ну и чёрт с тобой! – говорит гуманитарная интеллигенция и идёт. Идёт, зная, что народ поворчит-поворчит, а встанет и следом тронется.

И ещё, если уж смотреть беспартийно и в корень, кто был инициатором и вдохновителем побед над самодержавием, Временным правительством, немецким фашизмом, КПСС, КГБ и прочими монстрами? Конечно, гуманитарная интеллигенция. Слеза восторга просится нечаянно из глаза при виде подобного невиданного в мире упорства – да тут же её и осушит суеверный ужас, как только вспомнишь, что из подобного самоуправства происходит, когда эмоций до хрена, а голову напрячь – это уже прагматизм и бесовство.

И нет ответа на один вопрос – куда? Куда – лезли и лезут? Куда несёт её, нашу родную и беззащитную учительницу, нашего нищего непризнанного режиссёра, нашего замордованного адвоката и малооплачиваемого журналиста?

Приходится признать, что гуманитарная интеллигенция на этот раз, в отличие от прошлого века, не имеет в своём движении определённой цели. Она бежит от себя самой. Она бежит от дела рук своих и готова к покаянию. Она сардонически хохочет над вчерашними своими идеалами и смертельно тоскует по новым.

Где они, новые идеалы? За кого заступиться, кого свергнуть?

Даже порнографию нет сил задвинуть в сексшопы. Даже на журнал нет воли подписаться. Даже в церковь стыдно пойти.

Однако именно от неё ждёт русское общество основного решения – куда идти?

И приходится, сцепив зубы и пальцы, входить в лихорадочный мир. Приходится в элементарном, убогом, двухмерном пространстве наживы и покупок отвоёвывать уголки для шестого чувства и четвёртого измерения.

Ибо Россия выделилась в варварском евразийском и мировом просторе снегов и пустынь только одним – качеством мозгов своих париев.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРНОГО МЕНЬШИНСТВА

Прошла эпоха власти безмерной. Судорожный прикус, которым держава закусилась всех без исключения подданных, когда-то должен был безвольно разжаться.

Прикус разжался.

Прикушенные рухнули.

Наступила свобода.

Самые живучие бросились к кассам.

Стальной кулак перешибает любой высокий лоб.

Но, как известно, высокие лбы выработаны человеком не для этой цели.

Россия в последние века получила известность в мире двумя своими феноменальными способностями: способностью в момент наивысшей опасности сжиматься подобно стальной пружине и отбрасывать любые внешние армии как щепки, и способностью создавать вечные культурные ценности тогда, когда слово «культура» заносилось в разряд бранных слов.

Сейчас такое время.

Петербург – цитадель русской культуры. Он в руинах. Но каждая из руин, каждая коммуналка, спальные районы, Невский, Эрмитаж живут отдельной, крошечной жизнью разобщённых сообществ. Они не нужны сейчас. Те, кто решил переместиться западнее, уже сделали это. Остальные ностальгируют по временам, когда журнал «Новый мир» шёл тиражом под два миллиона и был нарасхват в библиотеках. Когда имена Мандельштама и Платонова стали известны водопроводчикам и портнихам. Когда спектакль БДТ обсуждался в рабочих общежитиях.

Массовая теле- и книгопродукция в один миг лишила смысла всю двухсотлетнюю историю русской культуры.

Куда пропал прежний читатель, зритель, слушатель? Не бывает так, чтобы целый континент людей, поддавшихся культуре, обогретый ею, вдруг ошетинился дурным вкусом.

Значит, сама культура, ностальгирующая по старым отношениям, не смогла создать новые формы общения со своим народом.

Сама культура должна сделать тяжёлый, мучительный выбор.

Или индивидуализм, закапывание себя в тёмные ходы и норы художественного беспредела – или объединение разных, полярных индивидуальностей для создания мощного нового поля культуры. Третьего пути нет.

Трудно представить себе поэтов, прозаиков, художников, композиторов, собравшихся с целью выживания.

Только театр, как синтез искусств, способен поставить себе прямой целью создание культурной среды, потому что театр обладает возможностью чувственного контакта со зрителем. Театр – это то, что здесь, сейчас, в одном помещении. Он в блеске глаз, в дыхании женщин, в таинственной глубине сцены, в детской условности совместной игры.

Давайте выберем театр. Давайте сварганим замечательную русскую пьесу. И поставим её как башню. Давайте спастись.

«ПИЛКА ДРОВ»

Несколько брёвен лежат на снегу. Слева крыльцо дома. Справа, за заплотом из горбыля – стайка. Из неё, из-за закрытых дверей, поднимается парок – значит, там стоит корова. За стайкой видны молодые, голые сейчас лиственницы, деревянная дощатая крыша больницы.

На переднем плане – козлы. На них лежит снег.

Входит отец с двуручной пилой на плече. Отец сутуловат, хмур, раздражителен. Он в старой телогрейке, застёгнутой на две сохранившиеся пуговицы, в подшитых валенках и в суконной шапке с завёрнутыми ушами.

Отец садится на козлы, смахнув рукавицей снег, достаёт папирасы, закуривает. Он не столько курит, сколько на-

дувается от негодования. Бросает свирепые взгляды на крыльцо. Наконец, не выдерживает.

Отец (кричит). Ты скоро там?

Голос сына. Чего ты, бать?

Отец (кричит). Я жду!

Голос сына. Да вот... валенок не найду... Второй мешок перетряхиваю... Надо ж, сколько всего накопил...

Отец (кричит). Чего ты там?

Голос сына. Да ничего... Термос какой-то... Китайский, что ли..? Китайский... Да он же разбит! Батя!

Отец (кричит). Ну, что ты там ещё?

Голос сына. Здесь же эта... колба лопнувшая! Ты чего его хранишь?

Отец (кричит). А твоё како дело? Идёшь ты или нет?!

Швыряет пилу о козлы. Она со сложным музыкальным звуком и с движением выпрыгнувшей из воды щуки ныряет в снег.

Голос сына. Э-э... вот и он... вот и валенок номер два... Ну, бать, а чё это у тебя за трансформатор?

Отец молчит. Он встаёт и, сцепив руки за спиной, начинает ходить у козел. Взад-вперёд.

Голос сына. Иду, бать. Уже иду. Только рукавицы возьму на кухню. Они у меня на печке греются. Люблю, бать, когда руки в тепле...

Хлопает дверь.

Отец. Что ж я его родил-то такого на свою голову..? Что кормил, одевал? (Кричит.) Для чего я тебя, спрашиваю, на свет произвёл?

Голос сына (почти неслышно, из дома). Иду, батя! Уже иду! Щас один пирожок... с капустой... (Заметно слышнее, из сеней). Таких пирожков, батя, с капустой я даже в Благовещенске не ел. Вот что может мать, то может. А в Чите тем более.

Выходит на крыльцо. Одет ещё более рвано, чем отец.

Сын. А-а, батя! А снегу-то, снегу в этом году..! А-а! Просто зимняя сказка!

Отец (орёт). Иди работать! Скоко ждать!

Сын (спускаясь со ступенек). Орёшь ты, батя, орёшь... всю жизнь орёшь... А добра – термос лопнувший да трансформатор... А телогрейки? Срам. Кто с улицы увидит... Ты ко мне приходи, я тебе и валенки дам... Э-эх... (Нагибается за пилой). Лучше б за «Дружкой» я к Номоконовым сходил... У Семилетова-то цепь лопнула... Не знаю... Может, Прядкин даст, а?

Отец (вырывая пилу). Сам..! Сам буду пилить! Иди! Уходи!

Сын (не выпуская пилу). Ну чё ты, батя... Чё ты... Сейчас напилем тебе дров, до июня хватит...

Отец. Сам напилю! (Тянет пилу).

Сын. Ну чё ты, батя... Тоже – обиделся... Кто вручную пилит? Ну кто? (Не отдаёт).

Отец. Давай! Давай пилу! (Тянет пилу).

Сын. Это батя, нерациональная трата сил... (Не отдаёт).

Отец. Зачем я тебя родил такого? (Тянет пилу).

Сын (обижен, отпуская пилу). Ну ты глянь..!

Отец падает вместе с пилой на задницу. Сын хочет помочь ему встать, но отец со свистом и тонким звоном крутит пилу над головой, не подпуская сына.

Отец. Уйди, говорю! Уйди!

Сын. Ну чё ты, батя... Совсем озверел.

Отец поднимается. Держа пилу под мышкой, пробует завести один конец бревна на козлы. Пила мешает. Отец теряет силы от бешенства, бревно падает ему на ногу. Отец отшвыривает пилу, хватается за ногу, воет.

Сын, громадным усилием воли подавив смех, уходит в дом. Хлопают двери. Из кухни доносится его хохот, сердитый женский голос.

Отец, ссутулившись, обиженный, глубоко несчастный, в одно мгновение становится похож на глубокого старика. Он шмыгает носом, садится на козлы спиной к крыльцу, дрожащими пальцами достаёт папироску, закуривает. Что-то шепчет. Он настолько занят своим горем, что не слышит, как сын выходит на крыльцо.

Сын молча смотрит в спину отцу. Громадная печаль овладевает им.

Очень тихо.

Отец оглядывается.

Отец (вздвигнув). Чего ты?

Сын. Чего?

Отец. Стоишь..?

Сын. Да... ничего.

Отец. Ну так... иди.

Пауза.

Сын (тихо). Давай я, батя, к Прядкину схожу.

Отец. Иди, иди. Куда хочешь иди.

Сын. Ну чё ты? Здесь работы с «Дружкой» на двадцать две минуты!

Отец. Вот иди и работай, где хочешь. А я как-нибудь сам...

Всю жизнь пилил, и ничего, пока жив. А ты иди.

Сын (вздыхает). Эх, батя... Чё ты такой упрямый? Чем дальше, тем упрямей.

Отец. Зачем я тебя родил такого..?

Сын. Ты глянь – опять!

Уходит в дом, хлопнув дверью. Отец, горько улыбаясь, начинает заносить конец бревна на козлы.

Сын (появляясь на крыльце). Ну что ты снова один корячишься?!

Отец от неожиданности выпускает бревно, оно падает на ногу. Он воет.

Сын. Батя, это уже даже не смешно, понял? Это упрямство твоё! Ты ещё лучковую пилу возьми и пили дрова! Или ножовку по металлу! Сказал ведь – пойду к Прядкину и попрошу «Дружбу»! Так нет! Ноги себе все переломает, а сделает по-своему!

Отец (тихо). Так что ж с утра не принёс?

Сын. Чего?

Отец. «Дружбу» что ж с утра не принёс?

Сын. Так мне у тебя спросить надо было! Я же ещё ма-аленький, на горшок хожу!

Отец (задумчиво). Почему я тебя *т о г д а* не порол?

Пауза.

Сын (с жестокой обидой). Ты хочешь, чтоб я совсем ушёл?

Отец. Уходи! Иди!

Сын. Хочешь, может, чтоб и... не приходил вообще?

Отец. И не приходи! Сами... сами!

Сын (дрогнувшим голосом). Ну... смотри!

Уходит в дом. Отец ходит, в негодовании размахивает руками, возмущённо фыркает. Постепенно пыл его угасает. Он, вздыхая, садится на козлы, достаёт папироску.

Выходит сын, одетый в чистый тулупчик, пыжиковую шапку, австрийские сапоги. Он спускается с крыльца, идёт к

калитке, не глядя на отца. Отец привстает с козел, с жалкой улыбкой смотрит вслед ему.

Отец. Ну вот... ёлки-палки... Обидчивый...

Сын медлит, опирается на заплот, спиной к отцу, достаёт сигарету, закуривает.

Отец (вздыхнув). Конечно, можно и «Дружбой»... Можно вообще наготовить всего, еды всякой, дров и залечь по отдельности каждый... А в Америке, я слышал, бункера делали: так хоть до смерти там от людей скрывайся.

Сын (обернувшись, с жаром). Да, это ж понятно, батя! Понятно! Но мне неинтересно, когда всё это подстраивают, ты понял? Мне глупости неинтересны!

Отец. Какие глупости?

Сын. Твои! С пилкой дров! Что, так уж надо вырядиться в рваньё и таскать пилу двое суток? Я же от одной мысли, что делаю глупую работу, тут же скончаюсь, пойми! Одно дело, когда я на государство делаю бессмысленную работу, а другое дело, когда я ещё и дома становлюсь идиотом!

Отец. Ты государство не трогай!

Сын (кричит). Вы же ржавые все! Давным-давно! А всё пугаете по привычке! А никто вас не боится! А вы всё пугаете!

Отец. Мы не пугаем! Не пугаем! У нас ещё сил хватит определить таких, как ты, куда надо!

Сын. Ах ты... фашист!

Отец молча, страшно посмотрев на него, идёт в дом. Грохает дверь.

Сын какое-то время возмущённо пыхтит сигаретой, затем решительно затаптывает её, но идёт не на улицу, а в дом.

Через некоторое время всё в том же рваньё он выходит, садится на козлы, ждёт. Поднимает пилу. Ждёт.

Сын (кричит). Ну ты идёшь или нет? (Пауза). Я жду!

Пауза. В доме, в кухне, видимо, раздаётся сердитый женский голос. Затем открывается дверь, закрывается дверь.

Голос отца (из сеней). Не буду я с ним пилить! Не буду! Завтра у Прядкина «Дружбу» возьму и напилю..! И наколю! Сам..! (Пауза). Я сказал!

Сердитый женский голос. Хлопает дверь. Снова сердитый женский голос. Что-то звонкое падает. Голос отца пробует вмешаться, но сердитый женский голос перекрывает все его попытки.

Хлопает дверь. Отец выходит на крыльцо, плюёт в сторону двери. Спускается, подходит к козлам, не глядя на сына, берётся за один конец бревна, сын – за другой. Заводят бревно на козлы. Всё с теми же мрачными, насупленными лицами начинают пилить. Постепенно резкие, злые движения их переходят в плавные. Хорошо разведённая, поточенная пила каждый раз вытягивает из бревна жёлтые струйки опилок. Один чурбан валится на землю, другой...

Сын вдруг останавливается, крутит головой, не может сдержать улыбку.

Отец. Ты чего?

Сын. Да так, бать... Ты давай, не сачкуй.

Отец. Чего-о?

Сын. Давай, говорю! Работай!

Отец. Ишь ты какой..! Атаман!

Берётся двумя руками.

Пи́ла ходит с прелестным металлическим шорохом – тот, кто пилил дрова, поймёт.

АТЛАНТИДА = ЯПОНИЯ = АМЕРИКА

В школе – или ещё до школы – меня ставили в тупик некоторые получаемые знания.

Вопрос религии не касался меня напрямую.

А вот история заводила в какие-то дебри и бросала там. А потом где-то там впереди выныривала и кричала: ну, ты что там застрял?

Средние века были нисколько не лучше, чем Римская империя. Всё какая-то конфетная обёртка – аляповатая и липкая.

Не было там во всей этой истории правды. Такой суровой истины не было, которая бы вдруг взяла тебя и не отпускала. Как история, допустим, американского континента.

Как-то я читал испанского монаха, который описывал конкистадоров. Страшные вещи. Вот что такое история, написанная честным человеком, потому что религия не позволяла ему врать, и некоторые люди решались так жить, без вранья.

Что из этого получается – не знаю.

Тяжёлое чувство у меня от истории. Тяжёлое.

Когда-то я начал собирать свидетельства о памятниках, о дворцах, о крепостях. И оказалось, что не так уж много старых памятников, которые можно к чему-то прицепить.

К чему ты их прицепишь? Если хронология, как выяснил я несколько лет назад к своему большому облегчению, если хронология напоминала ёлку с привязанными ветвями – куда захотел, туда привязал.

Ветки привязали на один день. А ёлка стоит уже пятьсот лет.

Анатолий Фоменко со своей «Новой хронологией» меня, конечно, взбудоражил, как будто я вырвался из тюрьмы «истории» – для моих мыслей об истории.

Можно относиться к нему как к городскому сумасшедшему. Можно.

Можно ко всем относиться как к сумасшедшим.

Можно выборочно.

Но жизни-то нет! Жизни нет в сумасшедшем доме – как вы не поймёте ..!

Серьёзное предприятие – жизнь. И нельзя её тратить на отрицание, на насмешки, на иронию. Выбери серьёзный участок работы, серьёзную женщину. Нарожает нормальных, хороших детей, трудолюбивых, талантливых.

Занимайся чем угодно, только не историей.

Хотя после Фоменко так и тянет ею заняться.

А совсем недавно, в прошлом году, мне повезло познакомиться ещё с одним гением. Александр Драгункин – он смешной такой, вспыльчивый. Честолюбивый, но не любит, когда его хвалят. Тем не менее совершенно гениальный человек, который открыл, откуда появились русские буквы, цифры так называемого «арабского» алфавита – на самом деле, естественно, русского. Всё рассказал о *пракорнях*. Про то, что русские *кусты* слов, *кусты корней* составляют *систему*, тогда как в остальных индоевропейских языках слова унаследованы (от нас же) бессистемно, как обломки. Обломки русского языка, короче говоря.

И эти события подвигли меня к моей истории.

У меня вдруг начала складываться своя история России, а затем и мира. И это – нормальное явление. Фактов существует громадное количество, и каждый человек отбирает из них наиболее для себя доказательные.

Нельзя путать религиозные догматы и знания. Здесь творческий процесс. И он никаким образом не опасен, потому что история *уже* состоялась такая, какая она есть.

Но история, написанная каждым отдельным человеком, влияет на будущую историю, вот ведь что.

Когда евреи получили Талмуд, они пропитались мерзким запахом «превосходства». А так как кроме Талмуда этим людям не досталось ничего более, то всякие нравственные понятия этот обиженный народ начал интерпретировать в сторону удовлетворения своих обид.

Я вообще считаю, что высшие силы (как и в данном случае с Талмудом) имеют большую склонность к чёрному юмору.

Не зря гордыня стоит в числе первых пороков.

С гордыней же проще всего бороться, очень её приземляя.

Очень внимательно отнеслась к истории католическая церковь. Так внимательно, что заметила в ней только себя.

Русские православные люди помимо фатализма и веры в высшую справедливость наделены ещё известным раздолбайством, которое их в конце концов достаёт тупым углом по голове. Русское раздолбайство должно иметь свои пределы.

МОЯ ЛАМПА ВО ТЬМЕ ВРЕМЁН

То, что в Северной Америке к концу 15 века почти не осталось людей (1 млн. человек, в Южной Америке в то же время – 13 млн., С.Брук, Население мира, М.1986), говорит мне о том, что в обозримом прошлом массы *пратрусских* переплыли Тихий океан по маршруту Калифорния – Алеутские острова – Камчатка – Курилы – Япония, и прошли, ассимилируя языком и мечом, всю Азию и Европу. Это был забег тысячелетий. Китайцы, индусы, персы были подхвачены вихрем переселения и начали развитие самостоятельно.

В Калифорнии и на Аляске – не *открытые* русскими в 18 веке земли, а *остатки* родовых. Что их спугнуло и понесло? Идея, до сих пор ведущая индоевропейцев – идея нового порядка. И, естественно, физико-географическое понятие стекания народов с востока на запад по параллели. Плюс к тому – потепление климата в начале нашей эры, когда лесостепи в Восточной Европе простирались до линии Ярославль-Петербург.

Россия и сегодня-то с трудом осваивает просторы Сибири и Дальнего Востока, а как она делала это при Алексее Михай-

ловиче? А раньше? И Аляска с Калифорнией? Только за счёт Империи и согласия в этой Империи – от Индии до Аляски.

И Япония знала своё место и не совалась (никогда, до 20 века) на Курилы и на материк.

Почему Амур 200 лет был ничей? Потому что Родина общая, а Родина не делится. Потому что Амур – река начальной колонизации Азии из Америки. Севернее Амура рек не было.

Амур – священная река *прарусов=индоевропейцев*. Потому что единственный путь в Европу – Калифорния – Алеутские острова – Камчатка – Курилы – Япония – Сахалин – Амур – Байкал – Енисей – Обь – Иртыш – Урал – Поволжье – Дон – Карпаты.

Там *всего три волока до Волги*: Амур (Ингода) – Селенга (Чикой) = 10 км., Енисей – Обь (Чулым) = 10 км., Иртыш (Уй) – Урал (Ай) – 10 км.

Карта мира за последние столетия изменилась незначительно (как и порядки), поэтому рекрутов, например, из Торжка гоняли служить в Китай.

Индия, Китай, Персия всегда были как бы под протекторатом России, потому что они в описаниях греков всегда сказочны.

В «Юаньши» (гл. 26) записано под 1330 годом, что император Вэнь-Цзун (1329-32) – праправнук Чингисхана, создал *русский* полк под командованием *темника*. Название полка – Суанхун У-ло-се Ка-ху-вей цинкюи («Вечно верная русская гвардия»).

В «Юаньши» (история династии Юань) неоднократно, в одиннадцати параграфах, упоминается о прибытии русских (взрослых и подростков) для пополнения полков. Так, в «Юаньши» за 1332 год имеются три записи об очередных партиях русских в Ханбалык (Пекин). В первой луне некто князь Джанчи привёл 170 русских и получил за них 72 дина серебром и 5000 динов бумажными деньгами. В седьмой луне некто Яньтемур привёл 2500 человек.

Преемник Вэнь-цзуна – император Шуньди (Тогон-Темур) сохранил права и обязанности русских. На просторах китайских равнин от Ханбалыка до Великой Китайской стены они занимались охотой (сокольников и кречетовой), хлебопашеством, рыбной ловлей. В чертогах Шуньди, славившегося особой изощрённостью в расправах и в наслаждениях, ежедневно несли службу четыреста русских – личная охрана императора.

На тридцать шестом году правления (1368 год) Шуньди был свергнут. На нём в Китае закончилась династия чингизидов и началось время династии Мин. В свержении Шуньди участвовали русские полки.

Китайские историки писали: «Когда стрелы попадают в тело, русские спокойно вытаскивают их, потом смотрят друг на друга и смеются».

Свидетельства о «вечно верной русской гвардии», как и свидетельства о янычарах, о мамлюках, не смогли *утонуть*. Слишком яркая картинка. Её только перевернули в своих целях: это были, оказывается, не *рекруты*, а «*пленники*».

В дальнейшем все архивы и письменные свидетельства центра (России) были выправлены в нужном для Запада виде, а архивы иных стран, где *русские* в качестве наместников приходили к власти и тут же, почти мгновенно, *ассимилировались* китайцами, индусами, персами, были переписаны в нужном для каждой отдельной страны виде (в комплиментарном). То, что можно было убрать – убиралось, а несмываемые пятна вековых зависимостей внутри Империи преподносились в стихийном или в сказочном виде.

Китай не имел крепостей, не имел внятных внешних опасностей. Им правили наместники, которые не были услужливы перед метрополией (Россией). Во многом подчинение территорий было формальным, потому что представить себе приказ о наследовании из Каракорума (в нынешней Ростовской

области) куда-то на Аляску или в Пенджаб довольно-таки сложно. Поэтому *наместники*, ранжированные в каком-то всеобщем, буквально всемирном стиле – *императорами, султанами, королями* – быстро становились патриотами своих новых Родин, используя связи с метрополией только церемониально: периодически, скажем, отправляя караваны «даров» и требуя «гвардию», потому что китаец тих и услужлив, но пусть всё-таки у двери стоит русский.

Итак, Китай не имел внешней опасности, и может быть, именно вследствие этого его население так выросло.

Япония не была угрозой, потому что прарусы – «*индоевропейцы*» в общепринятой терминологии – использовали Японию как базу для экспансии в Азию и далее на запад. Не случайно японцы преимущественно имеют ту же группу крови, что и американские индейцы – первую (индоевропейцы – вторую, семиты – третью). Так вот японцы были вывезены через Алеутские острова из Америки в качестве ближайшей услуги.

Верность «*японцев=индейцев*» данному слову ещё тогда производила впечатление.

Затем, уже в эпоху раскола Орды, в эпоху Георгия-победоносца, в отколовшуюся Японию был направлен громадный флот (якобы монголами, хотя представить монгола на палубе ещё смешнее, чем в стратегическом поиске над картой мира. Кстати, никто не задавался вопросом, каким образом правоверные буддисты-ламаисты вдруг так озверели?). Так вот, флот был разметён бурей, но Япония была верна своим договорам с Ордой=Миром *веками* и не лезла на континент.

Когда полезла – получила.

Наш великий современник лингвист Александр Драгункин, который буквально ворвался в сонное царство языковедов, чрезвычайно точно обозначил место *японцев* в той давней истории с переселением *прарусов*: использование портового, резкого, полублатного языка наложило на японский

печать простоты и целесообразности. В своей книге «Происхождение японского языка» А. Драгункин приводит *предварительный* список из **800** японских слов, имеющих явно русское происхождение (см. стр. 309 этой книги). А «буквальное» следование японцев церемониям своих *старших (прарусов=индоевропейцев)* привело к чрезвычайно подробной регламентации жизни.

Так же как *майя* и *ацтеки* ждали белого Кецалкоатля с востока, *японцы* смотрели ему вслед на запад.

Можно упомянуть ещё необъяснимое по иным причинам влечение японцев (и китайцев) к русским песням, русским обычаям, русским книгам и русским женщинам. В Китае, например, русская женщина, взятая в жёны, приравнивается к богине. Как, впрочем, и во Франции, и в Германии. Да и в Америке – что там перед ними рассыпаться..!

В Японии *прарусы* накапливались для дальнейшей колонизации по Амуру, и долгие века Япония была гаванью, где царствовал устойчивый порядок. Кстати, поскольку Япония никем не завоёвывалась с тех пор, именно японские обычаи и культура могут стать *полем исследования невероятного для нас прошлого* – до всяких «пирамид» и, может быть, Стоунхеджа – в живом и нетронутом виде.

Атлантида, о которой писал Платон, была расположена действительно *за Геркулесовыми столбами*, но значительно западнее Азорских островов – это *Америка*, потерянная индоевропейцами на 1500 лет, а затем и *Япония*.

Япония выступила в роли авианосца. *Новой Атлантиды*. Кажется, длилось это 200-300 лет, когда *арии, прарусы* веером разбежались по Азии.

Основной поток пошёл вдоль границы степи и лесов на Волгу. *Те три пресловутых волока и скачущая южнее тюркская конница.*

И было ещё *три крыла*, южных. Одно растеклось в Китае. Второе – в Индии (*арию* – общепринятая гипотеза их похода в Индию иначе необъяснима). Третье – Персия и Египет.

Получается, что на приобретение языков и истории новым странам *индоевропейцев* достаточно было 1000 лет.

То есть, *высадка в Японии произошла в 0 году* (и это действительно новая эра, не имеющая никакого отношения к Иисусу – богу *части* индоевропейцев, поскольку богами других частей стали Будда, Магомет).

Следовательно, к 300-400 годам нашей эры все народы, жившие в Евразии *до экспансии индоевропейцев=прарусов* были покорены и языки их *«поправлены»*.

Формально ещё существовала общая история, все собирались регулярно на семейные праздники. Может быть в Японии, или на Амуре (где-то должны быть заросшие города *прарусов* в районе Хабаровска, при впадении Сунгари. Или у Благовещенска).

Может быть, у Байкала собирались. Не зря монголы приплетены.

Затем произошло взаимное охлаждение и отдаление друг от друга. Буквально: каждый брат стал жить своим домом. Возникли центры в Египте, в Византии, на Тигре и Евфрате. Это 700-800 годы.

И компасы уже были, и бумага, якобы китайцами изобретённая. Скорее всего из Америки шли уже *«экипированными»*.

По пути в Европу многое растеряли. В Европу было дальше всего – и растеряли больше.

В частности, в Японии остался порядок, в Китае – философия, в Индии – связь с космосом, в Персии и Египте – уклад и устойчивость.

В Европу привезли самую глупую молодую поросль. Но и самую сильную.

То, что Россия выбрана была для жизни *отцами* как наиболее близкая по климату и просторам (северо-западу нынешних США, югу нынешней Канады), подразумевало её верховенство.

Итак, с 700-800 годов начались взаимные претензии, войны, отчуждение.

Очень быстро они достигли безумия. Резня была страшная. Как реакция на века согласия.

И были включены механизмы самосохранения: согласие путем мученичества – Христос (*религия отчаяния*) там, где безумие было полным. И более мягкие формы – Магомет (*религия единства*) и Будда (*религия познания*) – там, где было попроще.

Но, несмотря на введение моратория (христианства), волны западноевропейских безумцев продолжали накатываться на Византию. Основной причиной их недовольства было то, что они получили *за свои труды и за самый дальний переход* – крошечную Европу (к тому же конечную, с океаном на засыпку), в которой собственно и оформилось согласие *этой части* прарусов.

Не потому, что Византия всем владела и делила мир на *фемы*, а потому что здесь был географический центр.

В Россию – пока ещё священную землю **отцов** – хулиганов не допускали.

И только когда **Запад** совершенно распоясался, **Россия** = **Орда** в союзе с верными турками и поляками захватила Западную Европу и установила там режим оккупации более жёсткой, чем наместничество в Китае, Индии, Персии и Египте.

Установившийся на 250-300 лет мир и порядок убаюкал Россию. И пришла Смута.

Методом языкового единообразия (**прарусского**) вся суша Евразии довольно долго держалась вместе.

Завоеватели (**прарусы**) ещё не были уверены в том, что сушу можно держать по частям. Как только созрела уверенность – сверхдержава распалась на несколько частей: Западную Европу, Россию – метрополию, Китай, Индию, Персию, Египет.

Почему **прарусы** хлынули в Азию из Америки?

А почему испанцы, англичане и прочие хлынули в Америку?

Всегда кажется, что за тем кустом растёт гриб – и ты лезешь туда через бурелом. Потом тебе странно твоё поведение.

В Америке осталось основное население.

Через Алеутские острова хлынули молодые. И когда они начали слать свидетельства побед и богатств, не выдержали и консерваторы.

Остались старые, увечные. Остались сторожить добро. Индейцы не принимались в расчёт, как враждебная сила. Они доказали это, встретив с другой стороны Америки через 1500 лет потомков хозяев и практически безропотно уступив континент. Думается, что если бы память индейцев не хранила

почтения к **прарусам**, завоевание Америки не было бы столь стремительным. И столь бескровным для западноевропейцев. Которые проявили себя беспощадными нравственными уродами. Ведь даже ацтеки встречали их как друзей и хозяев!

Непонятные сегодня остатки цивилизаций в Андах (вспомним загадочные многокилометровые посадочные полосы), в Камбодже, в Африке, в Англии и в прочих Башкириях и Крымах – это остатки прежней роскоши **до экспансии прарусов**.

Смысл любой фальсификации, её неоспоримость именно в абсурдности. Чем нелепее допущение (скажем, завоевание *тунгусами* Китая), тем вернее поверят. Включение здравого смысла и самой примитивной логики мгновенно ввело бы человечество в Золотой век. Но кому-то сверху это не очень нужно. Что-то мы нагуливаем в нашем незавершенном состоянии ценное для начальства. Что-то начальство наше распоясалось.

Япония и Англия – два авианосца. И Куба, кстати.

Громадная империя, **Мир**, до Орды, во всю Азию, Европу, Африку, Америку управлялась наместниками, формально, может быть даже и независимыми императорами, потому что в Мире отдельные части были ранжированы. Существовали *короли* территорий, *султаны*, *раджи*.

Япония была базой в Азии для колонизации. **Прарусы** накапливались в Японии и жили там довольно долго, чтобы идти вслед трём-четырёх веерным направлениям колонизации – В Китай, Индию, Персию и Северную Африку и в Европу через Русь (основной поток).

Может быть, основной причиной колонизации являлось восторженное состояние открытия и стремление всех осчаст-

ливить (как у Достоевского, это – русское, коренное, материнское. Может быть, именно матери пожалели *из Америки* несчастных азиатов. А дальше уже завертелись мужики, уже баб и матерей отставили в сторону, уже свои амбиции).

Поэтому японское общество было изолированным от остальной Азии, и оно долгие века питало колонизацию, и там сохранилось очень много обычаев того времени, такая величавость государственности, которую мы наблюдаем и сейчас. За многие века сложилось общество, которое защищало само себя в своей самостоятельности. Самостоятельность истории и специальный класс «Служивых»= «Серве»= «Самураев» (по замечательно точному замечанию А. Драгункина – стр. 68-69), предназначенных для мужества, как живые примеры для остальных.

Когда волны колонизации спали, захлестнув через 2-3 сотни лет всю сушу до Атлантики, Япония уже совершенно ушла в себя и прекратила свои промежуточные посреднические функции.

Кстати, успехи Японии в технологиях в 20 веке и объясняются её работой 2000 лет назад.

Для того, чтобы держать всю громадную сушу Евразии, был применён способ языкового единообразия. *Прарусский* язык применялся везде не только параллельно с местными, но и активно вторгался в местные языки. Таким образом на несколько столетий была обеспечена управляемость (чего нельзя представить даже при сегодняшних коммуникациях).

Заряд, возникший при невиданной в истории работе колонизации, был так силён, что он и сегодня питает цивилизацию.

Какой-то земной физической закон – *как только закисли, надо бегать*. Запад сегодня сидит как в люльке в своём мнимом благополучии и корчится от вредных привычек.

Однако даже такой волевой настрой не спас от разрыва связей. Нельзя навязать единую «*мову*». Каждый хочет быть красивым по-своему, без внешних указов. И девушки хотят. И мальчики. И плевать они хотят на *прарусов* из Америки.

Итак, были смуты, были экспедиции, поддерживавшие *Мир* в должном виде и единстве с обменом посольствами и с изъявлением покорностей. Послы приезжали караванами с золотом, рабами и прочим.

Существовала церемониальность, совершенно непонятная в современной жизни, когда из глубокой Азии приезжали на Волгу и выстраивались в затылок посольства с изъявлениями покорности. И это *регулярно* должно было происходить, иначе посылались войска в поддержку тех гарнизонов, где возникали проблемы – и наводился порядок.

Эта застывшая форма Империи, *Мира*, существовала довольно долго.

Первая волна проникновения из Америки в Азию, затем существование Мира – это тьма веков, где хронология полностью *утрачена=уничтожена*.

Сколько это длилось? Смеею предположить, что *300 лет* Евразия завоевывалась вплоть до Испании.

Затем *300-500 лет* Мир, Империя существовали неподвижно.

Еще *200-300 лет* Мир стремительно делился.

И в 1000 году (строго по Фоменко) возник Христос как порождение крайнего отчаяния и последний шанс.

И последняя знакомая нам волна – это Ордынская империя, так называемое «*татаро-монгольское нашествие=ве-*

ликое переселение народов», когда Мир начал окончательно распадаться, и Орда предприняла экспедиции в Китай, Японию, на Восток вообще, и на Запад, в Западную Европу.

Порядок был поколеблен в Мире, потому что завоевания закончились, оставалось только поддержание порядка (Гитлер вспоминал именно ордынский и более ранний порядок, но уже пародийно).

Кусок был больше рта, в то же время откусить было больше нечего, дикие окраины типа Африки не представляли интереса ввиду бездорожья, но везде, в том числе и в Африке, существовали остатки царств с роскошными излишествами ювелирными и архитектурными.

Это говорит о том, что был громадный период накопления искусств, который следовал за громадным периодом сытости.

А нас пытаются убедить в том, что человек спустился с дерева, взял в руки скребок и начал трудный путь к сытости?

Да сытость, к вашему сведению, существует и на уровне таракана.

Я по-прежнему говорю – *никаких эволюций!*

Жизнь существует вечно и вечно существовала – никто никуда не развивался и не развивается! Идёт вечный карнавал мысли и вкуса, прерываемый для того, чтобы не было пресыщения.

Итак, на окраинах остались развалины царств, заглохших по причине того, что в центре начались процессы борьбы внутривидовой, то есть *прарусы=ноевропейцы* после завоевания Мира начали срочно делиться и возникла *обычная схема*: кто-то завоёвывает мир, затем они начинают враждовать друг с

другом – вчерашние братья и сестры, и постепенно, по кусочку, по щипку Империя начинает *плыть*.

Последним грозным движением было так называемое «татаро-монгольское нашествие» – этот последний всплеск великой Империи, когда она решила в очередной раз (она не знала, что в последний) утвердить себя как единственного хозяина Мира.

Есть всемирные народы. Мы видим, как они оплодотворяют окраины, окраины становятся самостоятельными.

Но они, оплодотворяя окраины, каждый раз их теряли.

Вот эта потеря и обратный захват для оплодотворения знанием и энергией и составляли наряду с физико-географическим, биологическим стремлением к западу основу истории движения человечества.

Человечество всегда стремилось к единству, и оно всегда стремилось к распаду. Всегда центробежные силы должны были быть уравновешены центростремительными.

Здесь возникал прогресс, потому что только борьба внутри империи могла двигать общество. Через технологии, через смену способов жизни, через возникновение *буддизма, христианства*.

Христианство могло возникнуть только в среде захватчиков. Возникновение христианства было жестом отчаяния – когда прежняя идеология единства прекратила работать, Мир рассыпался.

Возникли региональные элиты, которые выстраивали свои мировые истории, в центре которых были именно они.

Опускание своих историй в безмерную глубь времён с одновременным сиюминутным политическим сведением счётов.

То есть, повезло евреям быть рядом – получите древность, не повезло русским – даже упоминания не дождётесь.

Там, где были привязки на местности – пирамиды, всемирные обработанные камни – там погружали глубже.

Здесь, севернее Чёрного моря, привязки были не нужны, здесь была общепринятая Родина, база. Хотя и здесь привязок была масса: *кремли, капища, пирамиды*. Но не нуждались хозяева в доказательствах того, что они – хозяева.

20 век был сумасшедше тяжёлым для жизни.

Однако ничто не указывает на то, что предыдущие века были легче. Так же человек страшился одиночества, так же он сбивался в коллективы, в империи, в орды, судя по тому, как развивается жизнь в нынешнем мире, так же было и тогда. И существовало тяготение к центру.

Представления Геродота и других историков ордынского периода, уже *региональных*, о том, что *у них* цивилизация, а вокруг безбрежное море варваров – крайне болезненные ощущения изоляционизма, когда уже забыто прошлое единство – напрочь. Эта региональная яма длилась, может быть, сотни лет, до времён Христа.

То есть христианство – религия отчаяния. Христос – мученик, страдалец за общее дело, жертвой напоминающий о единстве.

Неизвестно, знай христиане о предыдущем единстве Мира, смогли бы они захватить полмира? Так же и мусульмане. Буддисты ближе других были к памяти о Мире.

Но все они пренебрегли историей.

Почему история погибала? Она погибала в периоды отчаяния, когда случалось вавилонское столпотворение народов.

Народы оказывались предоставлены сами себе, и на своём клочке земли в страхе ждали каких-то агрессивий извне, не контактировали друг с другом.

Новая региональная религия не могла выжить, *если она имела* в качестве примера великую историю единства, несоизмеримую с нынешней куцей, осторожной и местечковой идеологией. Всё сметалось от раздражения: уже не будет рая! Не будет Мира! Не будет единства!

Так пусть всем будет плохо.

Новая религия *не должна была иметь ничего в прошлом*, чтобы люди зацепились за неё, за новую, как за последнюю соломинку.

Но эта соломинка постепенно становилась бревном, плотом, и на этом плоту можно было отлежаться.

Уничтожение прежнего знания в ордынский период представлялось необходимым. Для того хотя бы, чтобы *новая* история заняла место *уничтоженной* беапелляционно, как единственно разумная и *первоначальная*.

Свидетельства прежней истории уничтожались *повсеместно и безжалостно* по тем же причинам.

Но человек не может жить в постоянном состоянии компромиссов с собственной совестью. А так как всё равно остаются косвенные доказательства прошлого, эти прежние знания всё равно пробьются, ибо они уже *не угрожают* новому человеку – они ему становятся *необходимы*.

Александр Драгункин

Схематическая альтернативная история происхождения и расселения народов.

Начну с того, что (как пишет А.Асов) «славяне являются единственным народом, которому мировая «наука» полностью отказала в возможности обсуждения времени их происхождения», и с того, что (как говорил русский историк С.Лесной) «... для славян – самого крупного в Европе народа, не находится места, когда речь заходит об их происхождении! ... Как могло случиться, что этот многомиллионный народ «появился» на арене истории лишь в начале VI века (нашей эры)?».

Моя же врезка «от противного»:

сразу жеотреагирую: а не является ли как раз уж *слишком* полное и явное «отсутствие информации» о славянах и об их происхождении (с датой и с местом) **доказательством** того, что славяне **сами** являются **всемирной историей**, что они были **всегда** и **везде**, и что о них «не писали» только потому, почему мы не пишем каждый день, например, о *воздухе* (или же *пишем* о нём **только** тогда, когда с ним проблемы ...).

Ещё в конце XIX века известнейший индийский санскритолог В.Б.Г. Тилак в результате скрупулёзнейшего (и *непредвзятого!*) **научного** анализа текста древнеиндийских «Вед» выяснил и доказал, что прародиной *ариев* (так позднее стали называть одну из ветвей *праславян*, ушедшую в Индию и в Иран) были Арктика и Русский крайний Север, и что их *религия*, например, возникла около 30000 лет тому назад ещё в эпоху последнего *межледникового*. (Скорее всего эти люди были *кроманьонцами*).

Наша *древнеславянская/древнерусская* «Книга Велеса» немного скромнее оценивает «возраст» *славян*, но и она говорит о том, что наши предки «*вышли*» с Севера около 20000 лет тому назад.

(Но существуют и точки зрения, утверждающие, что данный *исход* произошёл ок. 50000 лет назад – а это значит, что **мы** были уже **тогда!**).

А поскольку **именно** *элементы языка*, возникшие на самой заре человечества (= **корни** слов, «созданные» на базе *звукоподражания*), *сохранившиеся* в течение многих тысяч лет и *существующие* в языке и сегодня, могут служить самым надёжным *инструментом познания* тогдашней реальности и *мостом* к ней, то я – со своей стороны – уже как *филолог* могу добавить, что первым индоевропейским *пранародом*, жившим в то время в Арктике/в Заполярье/на севере Сибири, однозначно были группы **именно праславян**, говоривших **именно** на *прарусском языке*, так как **именно русский** – это **единственный** в мире язык, в котором, например, в *одном звукоподражательном* (!!!) *пракорне* «**мр-**» (= «Б-р-р-р!») объединены сразу же **4** понятия, присущие (в совокупности) **только** арктической *реальности*:

- 1) **мор**-оз;
- 2) **мр**-ак;
- 3) с-**мер**-ть;
- 4) **мор**-е.

В современных «европейских» языках слова с данным *корнем* – конечно же – присутствуют, однако как бы «*вырванно*» из контекста, и с этим же *корнем* в уже **искажённом** виде («**мр** → *fr/ bl*») – но, главное – во всех этих «европейских» словах зачастую присутствуют и явные *элементы*, присущие **именно русской** грамматике (*суффиксы, окончания* и пр.), (*уже*) **не имеющиеся** в языке-заёмщике,

например:

мороз	=→	fros- t (искажён. «мороз- <u>ец</u> »),
мрак	=→	black,
с-мертв	=→	morte (суффикс «-т-»),
море	=→	mare, и пр.

А это **однозначно** демонстрирует, что в «европейские» языки данные слова *пришли уже готовыми*, будучи «построены» в рамках языка *другого* – и мы *видим, какого ...*

Около 20000 лет тому назад основная масса населения Арктики, Заполярья и Северного Урала – то есть те, кого мы сегодня называем *славянами/ словенеми** (= те, кто «*может говорить*» = «*знает словеса** – в противовес «немцам» = «*немым*») – под давлением вновь появившихся ледников и общего похолодания начала («*под предводительством отца Яра*» – как говорит «*Книга Велеса*») расселяться по Русской равнине (дойдя до южной её части), по Европе, по Кавказу, по Передней и Малой Азии, расходясь по ним уже сложившимися *группами*, и давая начало *европейским* и *азиатским* народам.

Сейчас уже мы ничего не можем сказать о *численности* этих *групп*, но – в любом случае – они должны были быть достаточно большими для того, чтобы не только *не вымереть* в дальних переходах и выжить в новых местах, но и для того, чтобы *колонизовать* (а со временем и полностью *заселить*) эти территории.

«*Группы*» расходившихся *протославян* говорили на языке, который со временем превратился в язык *праславянский*, *разные* диалекты которого со временем превратились в *разные индоевропейские* языки. (При этом в Европе *славяне/ словене* входили в соприкосновение с её древним *негроидным* населением, которое позднее было вытеснено в Африку. Да-да! 25000 лет тому назад Европа – в том числе и Восточная – имела *негроидное* население! Например, в Сунгире под Владимиром археологами открыто захоронение XXIII-го *тысячеле-*

тия до нашей эры, в котором одновременно имеются останки представителей и *негроидной*, и *европеидной* рас).

Расселение «*праславян*» (или *людей*, говоривших именно на том *праязыке*, на **самом прямом наследнике** которого *говорим* сегодня ***мы***) шло вдоль берегов Балтийского моря на запад и вдоль рек на юг. Но и на самой Русской равнине оставалось количество переселенцев с Севера, достаточное для её колонизации. Из оставшихся здесь *групп* праславян чуть позднее выделились предки нынешних *угрофиннов* (на севере России, на её востоке и северо-востоке) и *тюрок* (на востоке), а ещё позднее от славян-*кривичей* отделились *балты* (в Центральной России и в Прибалтике).

Основная же масса переселенцев – то есть *группы* самих *праславян/ прарусских*, продолжала интенсивно продвигаться по всем направлениям, постепенно (уже в *разных* своих *ипостасях!*) заселяя не только Западную и Южную Европу, всё Средиземноморье (включая Египет), но и Причерноморье (*киммерийцы*) с Кавказом.

(Согласно славянским былинам начало и европейским, и азиатским *индоевропейцам* – в том числе, например, *мидьянам* и *хеттам* – дал некий **Ван** (Иван/Ян/ Иоанн/Йохан), женившийся на дочери Святогора **Мери**.

От **Вана**/Ивана пошли *славяне-венеды* (позднее ставшие «*венедалами/ вандалами*»), а от **Мери**/Марии – племена *финские* (*меря*, *мар-ийцы*, *мор-два* и пр.).

Сам Ван пришёл из Малой Азии, с Арарата, и было это (по легендам!) около 10000 лет тому назад. Именно там – у Арарата – помещают прародину *венедов* Геродот и Страбон. Кроме этого, в легендах *Вана* зачастую отождествляют с *Ноем* – ведь Ван и его семейство спаслись от Потопа на корабле, построенном сыном Вана **Садко**. А сестра Вана – Майя Златогорка родила сына **Коляду**, который дал людям «Звёздную книгу» и «**Колянд-арь**» = календарь).

Можно предположить, что тогда же от южной части нашего *пранарода* отошла и *семитская* ветвь, давшая позднее всю *семито-хамитскую* группу языков (включая *древнеегипетский* язык, *арабский* и *иврит*).

Значительно позднее (ближе к началу нашей эры) от *праславян*, оставшихся на территории западной части Русской равнины, *отпочковались* группы *италийцев* и *иллирийцев*, а позднее – *кельтов* и *германцев*, которые уже самостоятельно (хоть и с большим опозданием) присоединились к общему движению на запад и на юг Европы – но «*наши народ*» там *уже* давно *был* («*эт-русски*» в Италии, например).

Языковые *различия* между всеми этими *группами* в ту эпоху заключались, видимо, в тех или иных *диалектальных особенностях* «*нормы произношения*» пока ещё *праславянских/прарусских* слов (или в величине *отхода* от этой *нормы*) и были ещё не столь значительными, так как – фактически – все эти *германские, романские, италийские, иллирийские* и *кельтские* языки в своём начале были просто *диалектами* (= *вариантами*) языка *праславянского/прарусского*, ещё долго имевшими и очень схожие *грамматики*.

В самом ядре *славян* также постепенно выделялись (пока ещё не откальваясь) и *свои* собственные *подгруппы*, объединявшиеся общими местами компактного проживания и *одинаковыми* отличиями от «*центральной*» языковой «*нормы*». Именно эти *подгруппы* позднее и превратились в различные славянские *на-роды* (*поляков, чехов* и пр.). Однако *языковой* анализ показывает, что *именно наши* «*вариант словенского языка*» (то есть, язык *русский*) остался наиболее близок к своему же *прапредку*.

Часть же *праславянских* «*групп*» (вдоль Урала и через Закавказье) сразу же с севера направилась напрямиком на юг – в Иран и в Индию – их-то и стали называть *ариями*. Но и они ещё очень долго оставались *нашими ближайшими* братья-

ми по языку и культуре (ведь даже слово «*Ригведа*» составлено из двух *славянских* корней/слов: «*рик/рек*» – «речь» + «*веда*» – «знание» = «*Знание речи*»). А «*санскритское*» слово «*брахм-ан*», например, имеет абсолютно одинаковый *состав согласных* с *русским* словом «*волхв*» (*брхм-влхв*) –

– а ведь слово «*волхв*» *имеет* *корень*

(«*вол/вел-еть/бол-тать*»),

а слово «*брахман*» – *не* имеет ..!

Так *кто* у *кого* ..???

Да и имена многих *индийских* богов напрямую *соотносятся* с именами богов *древнерусских*: «*Варуна – Перун*», «*Рудра – Род*», «*Шива – Живо/Жива*», «*Вишну – Вышний*», «*Кришна – Крышень*» и пр.

А слово «*Будд-а*» имеет *корень* «*муд-*» = «*муд-рый*» !!!

Часть *праславян*, через определённое время вернувшись в южную часть современной России из Индии, Персии и Передней Азии, известна нам под именем «*скифов*». И мы знаем, что *скифский* (= *n+оланский/аланский* → *осетинский*) язык из всех существовавших в то время языков оставался ближе всех языку *славянскому/русскому*. Позднее *скифов* сменили *саки* и *сарматы* – а уж их-то даже «*мировая история*» называет прямыми родственниками *нынешних русских* – хотя *общий праязык* у всех всё равно был языком *прарусским* !

В V тысячелетии *до* нашей эры ещё одна часть *ариев* из-за перенаселённости ушла с севера Индии и «*под предводительством отца Яруны*» двинулась на северо-запад. Они пришли на Кавказ и Карпаты и остались там.

Последовательность расщепления *протославян*, выходящих с Севера, была – видимо – такой:

из массы *протославян* сначала выделились *индоарийцы* (это те, кто ушли в Персию и в Индию) и предки *анатолийских народов* (это те, кто ушли в Малую Азию) – хетты,

ликийцы, лувийцы и т. д. Затем настала очередь *угро-финнов*, *тюрков* и *семитов*. Потом — *балтов*. А потом из уже *праславянской* массы начали выделяться *протогерманцы*, древние *италийцы* с *иллирийцами* — с ними же *этруски* — и *кельты*.

NB 1.

Лживая «мировая история» говорит, что первое упоминание о *славянах* датируется VI веком нашей эры, но вот Вам 5 интересных и *великих* конкретных фактов из их якобы «*несуществовавшей*» — и сравнительно *недавней* — истории (к счастью, зафиксированных современниками).

По какой-то «*неясной*» причине наши школьники *ничего не знают ни* об одном из этих эпизодов отечественной истории *именно в этом* контексте:

а) в 529-530 годах *до* нашей эры великий *Кир*, владевший к тому времени уже почти всем (тогдашним) миром, двинул свою армию против *скифов* и *массагетов* (= ещё более близких «родственников» *праславян*) — был *наголову* разбит *ими* и казнён;

б) в 512 году (*до* нашей эры) не менее великий *Дарий* решил повторить эпопею *Кира* — и бежал от *пра-славянскифов*, бросив свою армию и едва спасшись сам;

в) в 335 году *до* нашей эры *Александр Македонский* пошёл на *гетов* и на *скифов*. *Гетов* он победил и разогнал, но на *скифов* дальше идти не решился. А когда в 332 году наместник Александра во Фракии *Зопирион* всё же вторгся в Скифию, то был разбит скифами и погиб сам. После этого Александру Македонскому ничего не оставалось, как жениться на *скифянке* Роксане/Оксане (*Русане*) из Согдианы. При этом даже свадьбу Александр сыграл по *арийскому* (*скифскому*) обряду;

г) в 57 году *до* нашей эры сам *Юлий Цезарь* потерял весь свой флот в битве с *венетами* (= с конкретными

славянами) на Балтийском море. Правда, Гай Светоний Транквилл говорит, что флот был потерян не именно в битве, а в результате бури, но ... — и это было крупнейшим поражением *Цезаря* за всю его жизнь

(по А. Асову);

д) По данным известного учёного проф. Е. Классена более 20 славян были императорами на *римском* престоле — среди них такие известные личности как Юстин I, Клавдий, сам Юстиниан, Юстин II, Проб, Максимиан, Валентиниан, Диоклетиан, Константин-Хлор.

Юстиниан — это тот самый римский император (= славянин!), по имени которого назван известнейший судебный кодекс, построенный на основе *славянского* (!!!) права.

+ И в 680 году на VI Вселенском Константинопольском соборе заседали и подписывали документы *славянские* епископы (!).

+ Известный английский историк Говард Рид доказал, что и сам король Артур, хозяин Круглого стола и предводитель рыцарей, искавших Святой Грааль, был *славянорусом*.

Вот так-то!!!

+ А по М. В. Ломоносову и Е. И. Классену все знаменитые народы древности — этруски, египтяне, финикийцы, карфагеняне, бактрийцы — славянского происхождения

(по О. Виноградову).

NB 2.

Лично *я* считаю, что расселение *праславян* шло от Урала (через Западную и Южную Сибирь: «*Сев-ер*» — «*Сиб-ирь*») не только на запад и на юг, но *и* на Восток, так как и в лексике, и в грамматике *монгольского*, *китайского* и — тем более — *японского* языков есть *масса* элементов, *общих* с языками *индоевропейскими* — но об этом в следующий раз и в другой моей книге.

и слово «*малая*», **и** выражение «*из 3*»
являются *детерминантами/определителями*
слова «*группа*»,
определяющими её «размер».

Соответственно, *цифры* (передающие *числа*) являются и **первым** *изображением* (*пиктографической передачей*) **понятия абстрактного** =
= *иероглифом, символом*
(ведь «*цифра*» – это **не** нарисованные «*мамонты*»,
которых **именно** вчера **конкретно** убили!

И «*количество*»
нельзя *подержать в руке* или *съесть!*).

Самым простым (и, может быть, самым первым) способом «*графической передачи количества*» был, видимо, способ изображения определённого «*количества* (например **камешков**», которые позднее **на рисунках** стали обозначаться просто **точками**.

Вспомните, **как** *Пятница* рассказывал *Робинзону*, что на остров прибыло 20 врагов –
– он положил перед *Робинзоном* 20 **камешков** !!!

При этом постепенно выработались и особые
постоянные и **узнаваемые**
(да ещё и **воспроизводимые!**) варианты
«*рисунков расположения*» этих *камешков* → **точек**:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	
•	• •	• • •	• • • •	• • • • •	•• •• •• ••	•• •• •• •• ••	•• •• •• •• •• ••	•• •• •• •• •• •• ••	•• •• •• •• •• •• •• ••
	или: ••	или: ••••	или: •• ••	или: •• •• ••	или: •••• ••••	или: •••• ••••	или: •••• •••• ••••		
				или: •••• •••• ••					

Постоянные, воспроизводимые и узнаваемые «*рисунки точек*» появились и потому, что через некоторое время люди, видимо, поняли, что *хаотически* рисовать *точки* неудобно и ненадёжно, так как легко было *сбиться* – к тому же *точки* можно было просто *спутать* с какими-нибудь, например, *пятнышками*.

Кроме этого, **зрительно** *точки* (да и к тому же ещё и *хаотически* нарисованные) воспринимались не очень-то чётко (попробуй, в полумраке или второпях **все** их пересчитай!) ..!

Поэтому с определённого момента *точки* превратились → в более надёжные **чёрточки** – то есть через каждую *точку* стали проводить *линию* – а позднее эти *линии* **для скорости** (ещё **не** в рамках *письменности*, а в рамках **рисунка** !!!)

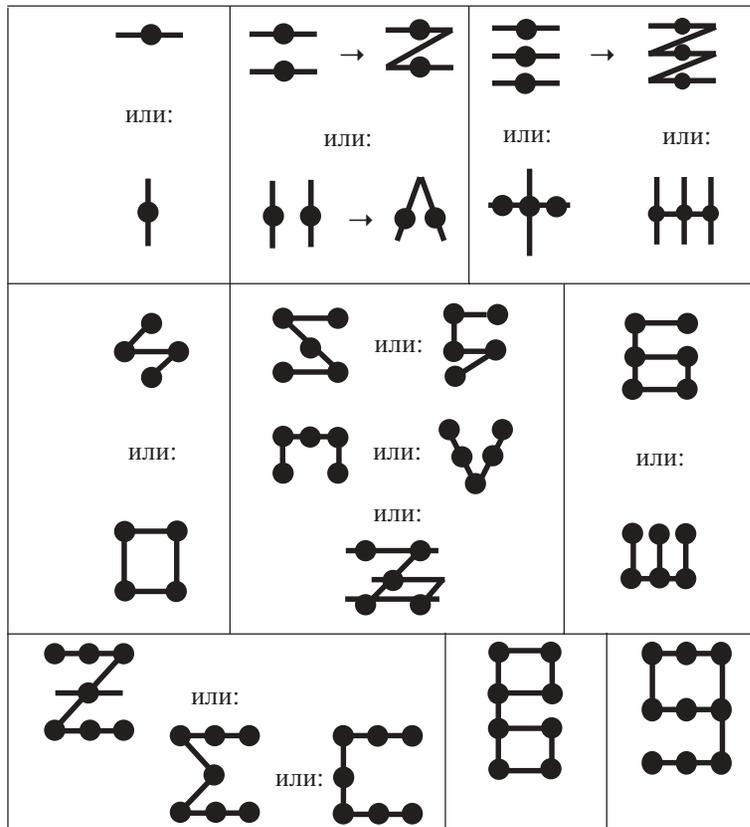
начали

соединять друг с другом **другими линиями** же, причём постепенно стали стараться *соединять* их все **одним движением** руки,

в результате чего
несколько *линий* превращались → в **одну!!!**

Это стало возможным потому, что хотя «**вариантов проведения и соединения**» линий могло быть и несколько, но «**рисунок** расположения точек» (= «камешков») – то есть *количество* и «*направленность*» линий – **оста-**(**ва**)лся уже **постоянным** –

– и вот к чему это **в конце концов** привело:

NB.

Причем я говорю ***НЕ*** о *способе начертания* этих линий, который мог зависеть и от материала, на котором «*писали*», а о **принципах «построения»** цифр!!!

На следующем этапе от некоторых вновьобразовывавшихся «**знаков/символов**» (передававших пока **ТОЛЬКО** количество, но ещё **не** слово!) отпали *ненужные/лишние «элементы»* = линии, наличие или отсутствие которых ***НЕ*** влияло на «*правильность*» передаваемого этим «**знаком/символом**» количества.

Таким образом

стилизованное графическое
«изображение количества камешков»
уже **полностью** превратилось → в рисунок/**символ**,
передающий уже именно **количество**
(чего угодно !!!),
и **постоянно** соответствующий
именно ЭТОМУ конкретному количеству:

NB. Так появились **ЦИФРЫ !!!**

Русские:		Z	3	4	5	6	7	8	9
Римские:					V	VI	VII	VIII	
Китайские:	—	≡	≡	□	五				

EURICA !!!

И вдруг – в **один** (в на самом деле прекрасный!) МО-МЕНТ – какого-то **ОДНОГО** гениального (*пра*)человека **внезапно** озарило, и он

ЗАМЕТИЛ, УВИДЕЛ

«повторяющуюся постоянность» соответствия
между знаками/символами И понятиями,

в результате чего он, видимо, осознал
и возможность

«соотнесения», «ассоциирования»

самих этих ставших уже **постоянными**

«знаков/символов» = *цифр*

(или некоторых их *вариантов*)

НЕ только с «понятием» количества,

но и со словами,

обозначавшими/*передававшими* это количество!!!

То есть он

ассоциировал

«**знак**» со «**звукосочетанием**» !!!!!

А уже потом

из этого **постоянного** «звукосочетания»

он **вычленил** и **звук**,

наиболее постоянно и чётко **повторявшийся**

при «выговаривании» названия
именно этого количества

(естественно – **самый первый** звук в этом слове)!!!

Следующим же логическим (и *триумфально-завершаю-*
щим!) шагом было

постоянное *соотнесение*

этого **постоянного** «**знака**»

с **постоянным** (первым!) **звуком**!!!

(В науке это называется «*акрофонией*»).

NB! ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ!

Теперь **смотрите**:

- 1) *количество* и расположение *точек*
породили их **постоянные** *сочетания/рисунки*;
- 2) *сочетание линий* породило *символы/цифры*;
- 3) а *соотнесение* «*цифры*»
с первым **звуком** некоего *праслова*,
передававшего *соответствующее* цифре количество,

ПОРОДИЛО → **БУКВЫ** !!!

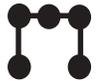
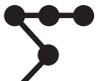
Конечно же, со временем **внешний вид** некоторых *символов*

(*обозначавших* уже **звук**, а не *количество*!) мог чуть *видоизмениться* или мог быть **намеренно** изменён, дабы избежать какой-либо путаницы, или – может быть! – и для того, чтобы уже

осознанно *увести* «*букву*» от «*цифры*» в предвидении открывающихся новых широчайших возможностей?!!!

Но **ПРИНЦИП** «*построения*» *цифр* –

или теперь уже «**букв**» – и их «**костяк**» **остался прежним**
(= «**рисунок точек**»):!

 → i, j «jeden»	 → П
 → Δ → D	 → Ш
 → М или: а → Т, → t	 → □
 → Ч	 → g
ТАК ↑ появились <u>БУКВЫ</u> !!!	

А вот теперь, дорогие мои

доценты,
профессора,
завкафедрами,
деканы,
ректоры,
русифобы
+ «кандидатствующие дамы»!

Скажите мне

при всём честном народе,

не прячась **ни** за звания, **ни** за «Кембриджи»,

ни за имена «авторитетов»,

ни за их теории, которые **Вы** сделали аксиомами,

ни за терминологию

(или – скорее – за профжаргон!),

ни за замшелые «*постулаты*» **Вашей** «науки»:

носитель **КАКОГО** языка

МОГ

ассоциировать символ _____

со своим **РОДНЫМ** словом «**В**осемь» ???

Символ _____

со своим **РОДНЫМ** словом «**Д**ом» ???

Символ _____

со своим **РОДНЫМ** словом «**Ч**етыре» ???

А символ _____

со своим же словом «**Ш**есть» ???

А, ..?????

СУПЕРРЕЗЮМЕ !!!

Русский язык – это единственный в мире язык,
в котором

начальные ЗВУКИ слов,

обозначающих *числительные* (1–9),

передаются на письме **ЗНАКАМИ**,

графически полностью «*совпадающими*»

(по *форме*)

с **ЦИФРАМИ**,

передающими *соответствующее* им

количество !!!

А там уж пошли и все эти «*европейские*»:

<i>че</i> -тыр-е	→	<i>qua</i> -тро,
чет- <i>вер</i> -о	→	<i>vier</i> ,
чет- <i>вёр</i> -ка	→	<i>four</i> , и т.д.

Друзья!

Картина-то получается ох какая!

Ведь куда ни кинь –

– **ВСЮДУ** следы **русского** *пр*априсутствия
и некоего «*преимущества*»!!!

Даже с этими *цифра*ми ...

У *китайцев*, например, многие из их
«*изображений количества*» – то есть *цифр* –

«*построены*», естественно,

по тому же самому принципу

(= «*рисунок расположения точек*»), так как

этот выявленный **мною** принцип **универсален!**

(Следовательно, они имеют такое же происхождение).

Но **именно** в тех двух случаях, когда китайские «*ри-
сунки количества*», построенные *по такому же принципу*,
наиболее **отличаются** от **русских**,

НАШИ варианты – гораздо более **ПРОДВИНУТЫ**,
«*технологичны*» и “*sophisticated*”,

так как их **можно** нарисовать **одной линией**,

а китайские (менее *продвинутые*) – нельзя!!!

(Тем более, что – даю информацию! –

китайские *цифры* просто даже **запрещается**
писать «*одной линией*»!!!).

То есть **и** здесь «*мы впереди планеты всей ...*»!!!:

□ = ⚡

↑
= 3 линии
(*Кит.*)

И

≡ = 5

↑
= 4 линии
(*Кит.*)

Вот так-то !!!

А ЧТО ДЕЛАТЬ

ВОТ С ЭТИМИ «СОВПАДЕНИЯМИ» ???

<i>iti</i>	←=	<i>jede-n</i>	=	1
<i>ni</i>	←=	<i>du</i> (лит.)	=	2 (“ <i>n-d</i> ”)
<i>shi</i>	←=	<i>че-тыре</i>	=	4
<i>go</i>	←=	<i>ko-vint</i>	=	5
<i>shiti</i>	←=	<i>siede-m</i> (польск.)	=	7
		<i>sette</i> (итал.)	=	7
<i>hati</i>	←=	<i>huit, eight</i>	=	8

Как Вы думаете, что \sphericalangle это за система счёта,
настолько «похожая на что-то»?

Отвечаю:

Это одна из групп **японских** (!!!) числительных
«китайского» происхождения!

УДАР МОЛНИИ как бы МЕЖДУ ПРОЧИМ ...

Обратимся – заодно – к такому известному слову как
«**самурай**», которое – как говорят! – происходит от японско-
го (?) же слова “*saburau*” = «служить» (**постоянное соот-**
ветствие “*m-b*” при одинаковом
костяке согласных).

Всё *ооочень* просто и элегантно:

“*saburau*” – “*serve*” = «служить»
 (“*b-v*” + инверсия “*br-rv*”).

А вот теперь самое интересное:

Сбегайте в мою книгу «**5 сенсаций**», и САМИ по-
стройте следующее *соответствие*, учитывая *костяки со-*
гласных и возможные постоянные соответствия

“*s-m-r/s-r-v/h-l-p*”:

SaMuRai – инверсия “*r-m*”

SeR Ve = «раб» (латынь),

ХоЛоИ – «*составное*» **русское** слово,

состоящее из *приставки «хо-»*

и *корня «лон/раб»* !!!!!

РЕЧЬ П.А. СТОЛЫПИНА О СООРУЖЕНИИ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 31 МАРТА 1908 ГОДА.

Господа члены Государственной Думы!

Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело обстоит иначе – вопрос о необходимости дороги вызывает серьёзные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно быть разномыслия. Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно всё напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречён на неуспех и на неудачу. Между тем, правительство берётся за случайное предприятие, идёт против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с

будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнётом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берётся за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное: правительство, по видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России гибельна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве лёгким призом для наших неприятелей, и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдалённом крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что остаётся? Нельзя же серьёзно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годичная температура ниже нуля.

Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить ещё одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана, признания ошибки в его расчёте, что тем более непростительно, что правительством не только внесён в Думу законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании ст. 87 Зак. Осн. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. (*Голоса справа и из центра: «Браво!»*).

Большинство думских партий находит, что у правительства не было определённого политического плана, что им не

руководила определённая государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой «Gouverner c'est prévoir» – «Управлять – это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониального материала, бедность и пустынную отдалённую окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придётся на неё затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращённое когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, – говорил Менделеев, – что Солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической нацио-

нальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщений. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличие в крае армии, или возможность её туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое; не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдалённые, суровые, ненаселённые окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война – это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают

приют, дают пропитание родной армии. Поэтому в стратегическом отношении армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, ещё важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдалённая наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселённого, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососётся чужестранец, если раньше не придёт туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснёмся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но в более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же обра-

зом мы не только заселять, каким образом мы серьёзно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос ещё, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдой и истиной, что не трудно её восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем её и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии – это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы – толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит вглубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семёнова. Действительно, Семёнов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались ещё заболоченными, таёжными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев.

Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне всё-таки приходится несколько оста-

новить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдёт по двум областям и дойдёт до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нём возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого края не производилось, но отчасти он всё же обследован. В настоящее время производится обследование его северной части – Баргузинской тайги; эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2 000 000 десятин. Уже 500 000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев.

Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном р. Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13 000 000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2 000 000 дес. в Витимском побережье, и отведено будет под переселение 151 000 дес. земли.

Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придётся вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения с одной стороны, переселенческие – с другой.

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министерства, что касается интересов пересе-

ления, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем, необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее лёгок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил.

Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по нерчинскому направлению дорога проходит по долине р. Нерчи, и в самой долине этой теперь уже до 750 000 дес. земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колёсных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы её удаляете как можно дальше от заселённых мест и прячете в каменный мешок. Дорога пойдёт здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности не населённой, которая и не может быть заселена, и при том по местности скалистой, недоступной.

Приведу ещё одно соображение. Изменение направления, несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время всё ведь налажено для нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направление, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьёзным тормозом и может привести нас к потере целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то куенгинское направление представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск.

Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более богатый, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутинное мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей.

Край этот не есть загадка: в нём живут. О изменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800 000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых тут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами.

На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту кафедру с проверенным багажом, и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. (*Рукоплескания центра и справа*).

Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства в Государственную Думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочёл его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 года, по которому – я цитирую самое представление – «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, зем-

леудобрительные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». (*Рукоплескания справа и центра*). Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для нас примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем.

Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по р. Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль течения не только реки Зеи, но и Уркана, мы найдём до 13 000 000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи арбузов и дынь. Затем по строящемуся колёсному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются ещё миллионы десятин земли, годных под заселение.

Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся в Приморской области долины рек Биры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай.

Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем принаравливать к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было проявлением громадной государственной расточи-

тельности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочно не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, её должны построить русские пионеры... (*Рукоплескания справа и центра*); эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они двинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание, господа, на то, что даже между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано. Надо знать, что в 1899 году было перевезено по Сибирской дороге 41 000 000 пудов груза, в 1906 году было перевезено уже 103 000 000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею оставим в Манчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далёкую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе её выкупить, и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьёзным вызовом соседу, так как по статье 7 Портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амур.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость её в 238 000 000 рублей; тут её исчислили в несколько большей цифре, но даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6%, то и то на уплату процентов потребуется 15-16 млн. рублей в год. На покрытие же убытков – правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна – если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придётся точно так же уплачивать 5-6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 рублей в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 23 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство её требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, ещё более тяжёлые. Вспомните то патристическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пяти-миллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская железная дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силён, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесённых ей ран, то наиболее отдалённые, наиболее истерзанные её части, раньше чем окрепнет центр, могут, как поражённые антоновым огнем, безболезненно и незаметно отпасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы

ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы... (*бурные рукоплескания справа и центра*) ..., в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. (*Бурные рукоплескания справа и из центра*).

Господа, действительно верно, что вам впервые придётся подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдёт голос и ваш, голос народных представителей, которые созваны Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и укреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие, и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орёл, наследие Византии – орёл двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращённую на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью. (*Рукоплескания справа и из центра*).

Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна ваша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже даёт новые миллионы России. (*Рукоплескания справа и из центра*). Ваше решение одно даст возможность найти средства на посиль-

ных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное слово – произнесите его. (*Продолжительные рукоплескания справа и из центра*).

Александр Драгункин

(Из книги «Происхождение японского языка»)

Дорогие друзья!
Уважаемые господа!

При сравнительно небольшом объёме данной работы, она – тем не менее – является чисто **научным** трудом, и преследует чисто *научные* (*этимология* и – иногда – *семантика*), а не конъюнктурные цели.

Сенсационность демонстрируемого в ней *материала* и выводы, **сами по себе** вытекающие из его *анализа*, также являются **следствием** или **результатом** проведённой работы, а не её целью.

В данной книге я не буду *рассматривать* «проблему происхождения» японского языка именно как *проблему*, так как думаю, что после моей работы «проблема» эта постепенно начнёт *рассасываться* сама по себе

(но при этом возникнут **другие** вопросы типа:

«А **как** ... ?»).

В этой книге я не буду рассматривать и *историю* того, **как** произошло **всё** то, на что так недвусмысленно указывают мои находки –

– но уж

несколько **тысяч лет** истории-то **японцам**
я явно **прибавлю** ..!!!

Также я не буду писать здесь и об «*истории вопроса*», поскольку это было бы изложением **не** именно «*истории вопроса*», а – скорее – «*истории неудачных поисков чёрной кошки в тёмной комнате*» теми, кто не увидел

явного

(причём *кошки*-то там – естественно – и не было,

так как она

спокойно сидела **у всех** на виду

и – причём – на самом заметном месте !).

Скажу только, что *корни* японских слов «*учёные*» –

– с «широко закрытыми глазами» –

искали *везде*,

но не там, куда – открыв ещё и *душу* –

удосужился *заглянуть* я.

И заглянув, сразу же *обомлел* от увиденного!

А потом мне уже не понадобилось «*ездить*», например, в *Бирму* за 300 *корнями* (как от безысходности, от стандартной *слепоты* или от отсутствия научной смелости делают некоторые *москвичи*), либо долгими годами глубоко-мысленно смотреть на свои *кандидатские* или *докторские* корочки и сосать (*свой?*) палец, чтобы наконец-то *хотя бы* **таким** путём «*решить*» интригующую весь учёный мир проблему *родства* и/ли *происхождения* японского языка ...

В данной книге мною *собраны* факты, мимо которых просто **нельзя** было пройти ..., и я с радостью *продемонстрирую* Вам около **800** случаев того, что **я** увидел, *прошерстив* (с **открытыми**, повторяю, *глазами* и *душой!*) японские словари, и *зафиксировав* то, что бросилось мне в глаза

(стр. ???) –

– причём даже

само **количество** выявленных **мною** «совпадений»

и их «**повторяющаяся систематичность**»

весьма впечатляют ...

Также я не буду задавать и «*рассчитанные на публику*» риторические вопросы типа:

«А к какой-токой языковой семье **может** принадлежать японский, учитывая, например, что по-японски:

-bara = бор, лес;

mori = мера,

oki = открытое море (= “оке-ан”);

okoru = оссу;

susu = сажа,

sudzuki = судак,

usui = узкий,

а (*шедевр* !!!) *masu-otoshi* = *мыше-ловка* ?

Выдернутые из контекста, взятые из словаря *по одиночке* эти ↑ (и другие) японские слова (подобного рода) выглядят как интересные *курьёзы*, однако будучи **систематизированными** и представленными **в таком** количестве, *в каком* представляю их я, слова эти становятся сильнейшим *аргументационным инструментом* и интереснейшим материалом для размышлений.

И если даже – по какой-то *неведомой* причине (а скорее, из-за предсказуемой *косности* и/или корпоративной «*вредности*») – мои *идеи* и *находки* **намеренно** не будут использованы «*учёным миром*» в качестве **базы** для неких *выводов* и для дальнейших изысканий (с ссылками на моё имя, естественно!), и если кто-то скажет, что все *случаи*, приведённые в этой книге, являются «*совпадениями*» или мастерской *подгонкой* (но «*мастерской*» !), то – в любом случае –

эти мои *находки* могут принести огромную **практическую** пользу при преподавании японского языка, особенно для облегчения русским **заучивания** части японских **слов**

(а японцам – слов **русских** !!!).

Поэтому – не испытывая особого преклонения перед *учёными званиями* (которыми *учёные сами* награждают друг друга) – я ни от кого не жду ни *лавров*, ни *дифирамбов*.

Но в то же время я буду крайне признателен за **любые** замечания и дополнения к данной работе, а также за **любую** реакцию на неё, так как *тема* действительно очень интересна.

Единственно, очень прошу Вас (а *прецеденты* уже имеются!) не доставать меня «*радостными*» сообщениями о том, например, что лет эдак 50 назад сосед приятеля Вашего дедушки – знатный *слоновод* из Вашего родного ямальского села Верхний Нижнечленск (или Нижний Верхне...уйск) потомственный русак Зигфрид Бешбармакович Ройзман уже «*опередил*» меня, самостоятельно выявив, что «японское слово «*мори*» = «*мера*» происходит от русского слова «*мер-ин*», поскольку *раааньше* всё *измерялось* «количеством *мери-нов*» ... – подобного рода *приоритеты* и «*первенства*» я охотно признаю и без чьего-либо возбуждённого потирания потных ладошек ...

ДОП.ИНФО:

- 1) *Звучание* японских слов я передаю азбукой *ромадзи* в том её варианте, который использован в «Японско-русском словаре» под редакцией Б.П.Лаврентьева (Москва, изд-во «Русский язык», 1984 г.);

2) Но *доолготу* гласной «о-» я – в отличие от Лаврентьева – передаю *двумя* буквами, то есть как «оо-».

Просто интересно!

И всё же попрошу Вас, дорогие мои читатели, не быть *равнодушными* при знакомстве с этой книгой и обратить дополнительное внимание на то, что «*совпадают*» не только многие слова «*первого уровня*», но и слова чисто *бытовые*, например:

(яп.) *mucha* = вздор (← *русск.* «*муть*»).

И, хотя – признаю – иногда (но *очень* редко!!!) это «*сходство*» бывает *не* *этимологическим*, а *ассоциативным*, но я всё равно включил и подобные примеры в свою книгу, преследуя при этом чисто *практические* цели, и помогая тем самым учащемуся запомнить больше японских слов.

Александр Драгункин,
Санкт-Петербург,
2003–2005 гг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ЯПОНСКОЙ ГРАММАТИКЕ (МОРФОЛОГИЯ).

«СХОЖЕСТИ» ГРАММАТИЧЕСКИЕ.

Давайте для начала рассмотрим 3 аспекта японской грамматики, а именно:

- 1) некоторые *частицы*;
- 2) странную «*одинаковость*» результата прибавления *окончания* “-*ta*”;
- 3) конструкцию «*длящегося действия*».

А в качестве *языка сравнения* возьмём языки *русский* и *английский*,

вспомнив при этом (случайно!) *и* то, что на *самой* заре образования языковых *семей* и *групп* *славянские* и *угро-финские* языки были очень близкими родственниками (по вертикали!):

1)

«*Падежи*» (?) в японском языке образуются при помощи *послелогов* (“*watashi o*” = «мен-я», “*sono machi kara*” = «из этого городка», и пр.), которые я приравниваю просто к (*значащим*) *частицам* – то есть к «*значащим словечкам*».

Самó японское слово при этом *не изменяется*, и *послелог/частица* не прибавляется к нему, а просто ставится *после* этого (неизменённого!) слова.

Точно такое же явление (но гораздо более редкое и с *изменением* слова) существует и в русском языке, например:

«А чего *ради*?» – «Да *шутки для*!».

Аналогичное явление существует и в угро-финских языках – с той лишь разницей, что в них *падежное окончание* (тоже своего рода *послелог!*) *прибавляется* к концу слова и становится его частью.

При этом *внутри* «нового» слова *могут* (как и в славянских языках) происходить *изменения*:

Suomi → Suomesta = Финляндия/ *Из* Финляндии
 (“-i-” → “-e-”).

И вот некоторые японские *частицы*,
которые привлекли моё *особое* внимание:

- а) «*Винительный падеж*» в японском образуется при помощи *частицы* (= *гласной*) “-o”:
musume-o = девочка-*y*
(а ведь «a+y» во *всех* языках даёт «-o»),
teburu-o = стол-*a*;

- б) «*Из*» = “-kara”.

Тут же вспоминаем *единственную* (возможную?) существующую *прямую* параллель (учитывая «*постоянное соответствие*» плавных согласных “r-l”):

«От-кель?»;

- в) *Направление* в японском показывается при помощи *частицы* “-e”, которая на самом-то деле *пишется* как “-he”:

Watashi-he = Ко мне;

- г) *Местонахождение*

передаётся и при помощи *частицы* “-ni” – но, *предполагая* возможность *инверсии* (то есть *самоперестановки, самоперемещения* звуков *внутри* слова), мы – не напрягаясь! – можем провести *наискорейшую* параллель с известным всем

предлогом “in”:
(h)uti-**ni** = **in** (the) hut
(яп. “ti” ⇒ “chi”);

- д) *Принадлежность* по-японски показывается *частицей* “-no”, чему – в свою очередь – есть только/тока/даке *одна* *наискорейшая* (опять же *русско-финская*) параллель:

(k)inu-**no** kotsu = собаки-**на** кость (япон.),
мами-**n** плащ
Reningurado-**no** ie = Leningraadin talo (фин.);

- е) «*И*» или «... да ...» будет по-японски “to”:

Ikari **to** hi-bachi ... = Якоря **да** печи ...
+ Сравните украинский союз «*та*» = «*и*»;

- ж) «*Только*» (которое в русской *разговорной* речи произносится как «*тока*») по-японски – “dake”:

... kago **dake** ... = ... только / **тока** клетка
(kago [яп.] = sage [англ.] = клетка).

Сравните латышские “tik”, “tika” = «только»;

- з) «*Вопрос*» обозначается по-японски

вопросительной частицей “... ka?”, ставящейся *в конце* предложения.

Сравните соответствующую ей на 120%

финскую *вопросительную частицу* “-ko”,
выполняющую *ту же самую* функцию,
и присоединяющуюся *к концу* слова:

Puhutko suomea? = (Ты) говоришь по-фински?

И:

Anata-wa nihongo-de hanashimas ka?

Вы говорите по-японски?;

2)

Крайне интересным является факт уникального
«совпадения» (и «звукового», и функционального) «неких»
окончаний

“-ta/-(e)d”,

которые (при прибавлении их к глаголу)

дают во всех случаях –

– и в японском, и в славянских, и в «европейских» языках –

– одинаковые (!!!) результаты,

а именно:

образуют от этого глагола

1) и определение:

Kaite shimatta hon = написанная книга,
(«написантая»)

или:

kaita hon = написанная книга,

и:

a killedd soldier = убитый солдат.

А также:

Toketa koogi = растаявший лёд
(= «таятый холод»,

причём для любого специалиста по *сравнительному языкозна-*
нию корни «тай-» и «ток-» являются (близко)родственными.

А уж о *конкретике* “*koor-i/ хол-од*” я и говорить не буду;

2) и форму прошедшего времени этого глагола:

Watakushi-wa kono hon-o kakimashita = Я написал
эту книгу,

и:

I killedd that soldier = Я убил того солдата.

Нелишним в данной связи будет вспомнить и то, что:

а) в *старославянском* языке *прошедшее* время глагола *так-*
же образовывалось при помощи *окончания «-d»*, например:

«пришеd» (см. в Библии);

б) по-польски и сегодня *прошедшее* время глагола
образуется при участии *окончания “-d”*:

“przyszedd” = «пришёл»;

в) по-русски и в *романских* языках *отглагольное определение*
тоже образуется при участии *суффикса «-d/-t-»*, например:

«пришеdший»,

“fatto/faît” = «сделанный».

Кроме этого, в современном *русском* языке (в его, например, «детском» варианте) и обычные *отглагольные определения* тоже могут образовываться при помощи суффикса «-т-»:

«поцарапатый», «покусатый», «поломатый» и пр.

+ NB.

Кроме всего прочего (как и в *русском!*), по-японски формой *прошедшего* времени глагола может выражаться и *приглашение* к действию (или: *побуждение*):

Ну, пошли! = Saa, itта!

Matта! = Подождт(-те)!;

3)

В японском существует и *глагольная форма*, образующаяся при помощи *окончания* “-te / -de”, и являющаяся – к тому же – полным *аналогом* и английской **ING**овой формы (= *процесс*):

yonдe = readиng = читая.

(Эта же *форма* глагола существует и в *романских* языках:

leggдo (итал.) = yonдe = читая).

Но самым интересным является тот факт, что с участием

именно этой формы глагола

(и по *абсолютно* такому же «индоевропейскому» принципу =

= «*быть* читающим» = “*be reading*” = “*stare leggдo*” =
= “yonдe iru”)

в японском образуется и
«*длительный вид глагола*» =
= японский “*Continuous*” –

– то есть *конструкция*, передающая длится действие.

NB !

Причём у *форм* глаголов “*iru/oru*” (= «*быть*») здесь та же самая функция, что и у *форм* глагола “*be/stare*” =

= показывать время действия:

Наст. Прош. Будущ.

“yonдe + imaс/imashиta/imashо” =

= “*am-is-are/ was-were/ will be* + reading” !!!

Нужная выдержка из моих «**5 сенсаций**».

«**ЛИКБЕЗ**».

Наиболее часто встречающимися *группами согласных*, члены которых «*соответствуют*» друг другу в словах *родственных* языков (и *могут* друг друга «*заменять*»), являются следующие *группы* / «*цепочки*»:

1) w ↔ v ↔ m ↔ b ↔ n ↔ f;

↓

2) л ↔ р ↔ с ↔ т ↔ д ↔ н;

↓

3) x ↔ ц ↔ к ↔ з ↔ ж

↓

ч/джь.

Члены **одной** цепочки могут спокойно *чередоваться* и **ПОСТОЯННО** соответствовать друг другу в *близких* по СМЫСЛУ словах *родственных* языков (обо всём этом достаточно подробно рассказывается в данной книге).

И вот Вам сразу же *роскошнейший* пример **возможности** чередования/соответствия согласных “*r↔s↔t/d*” (из 2-й группы ↑) в *близких* по СМЫСЛУ словах *родственных* языков:

Знать = be awa**R**e = wi**S**sen = ve**T**a / ве**Д**ать !!!!!
 (англ.) (немецк.) (шведск.) (русский)
веP-ить
виД-еть

ОЧЕНЬ ВАЖНО !!!

(«За**н**Ащивать-за**н**Ощен-за**н**Ёс-за**н**Есла»;
 “m**A**dre-m**O**ther-m**U**tter-м**A**ТЬ”).

Гласные же звуки при *анализе* и при *сравнениях* почти никогда учитывать не надо, так как они наиболее всего подвержены *искажениям*, *трансформациям* и прочим *изменениям*, тем более, что в древние времена **практически во всех письменностях**

писались **ТОЛЬКО** согласные –

– вот они-то (или их *группы*) лучше всего и сохранились!».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я ДОКАЗЫВАЮ, ЧТО ...

МОЯ АКСИОМА:

«Только в (*близко*)**родственных** языках (имеющих **общее** происхождение !) слова с *похожим* значением могут иметь **одинаковые** *этимологию* и *семантику*».

I.

- а) Возьмём русское слово «**окно**» – оно происходит от русского же слова «**око**»

(←= «о-**кол**» ⇒ «**гл**-аз» – *этимология*)

и явно связано с явлением

«**глаз**ения», «**зр**ения», «**вид**ения», «**смот**рения»
 (*семантика*),

так как *окно* и прорубалось-то именно для того, чтобы в доме было «**вид**-но», «с-**вет**-ло»

(“wid**no**”/”windo-w” – *инверсия* “**dn-nd**” ?) ...

(О «народной же *этимологии*»

“wind-ow” = для «про-**ветр**-ивания»

читайте в моих «5 сенсациях»).

То есть *предмет* под названием «**ОКНО**»

имеет чисто «**зрительную**» функцию.

(+ Сравните латышское “**logs**” = «**окно**»

и английское “**look**” = «**смотреть**»);

- б) Считается, что в русском языке есть **2** корня, имеющих «зрительный» смысл:

«**вид**-еть» и «с-**мот**-реть»,

но, зная о **постоянных соответствиях** «**в-м**» и «**д-т**», мы понимаем, что на самом-то деле – это

один и тот же корень,

просто имеющий **2** «разных» формы;

- в) Английское слово “*wind-ow*” = «окно»

не имеет

ни другой *этимологии*

(кроме как «*видов*-ня» –

– сравни польск. “*widow-nia*” = «*вит*-рина»),

ни другой *семантики*

кроме как «**вид**-еть» и «с-**мот**-реть»;

- г) **То же самое** и с японским словом

“*mado*” = «окно»,

имеющим *корень/основу* «*мад*-» (←= русск. «*мот*-») –

– *этимология*,

и – соответственно –

ту же самую *семантику* «с-**мот**-рения / **вид**-ения».

То есть, **во всех 3** языках

(в русском, в английском и в японском)

данный «*предмет*» обозначается похожими *словами*,

имеющими

одинаковые

этимологию (= *происхождение*)

и *семантику*

(= **общие** смысл, цель, функцию и предназначение)!

МОЙ ВЫВОД:

«**Только** в рамках
единой ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ
однозначные слова
могут иметь
ОДИНАКОВЫЕ *этимологию и семантику !!!*».

II.

- а) **Русское** слово «с-*тен*-а» имеет в южном варианте нашего языка однокоренного «*брата*» в виде слова «*тын*».

Наличие **двух** подобных *вариантов* одного слова (*составного* и *несоставного*) даёт нам право *предположить*, что слова «*тын*/с-*тен*-а» имеют **русское** происхождение, а не являются *заимствованиями*.

(Я – кроме этого – считаю,

что им *родственна* ещё и пара «*сень*/***ть***нь».

Сравните: *латышск.* “*siena*” = «стена»);

- б) «Английское» слово “*wall*” является ничем иным как **русским** словом «вал» (*корень* «*бол*/*вел*»), что (**так же** как «стена» и «тын») обозначает некий

«*вид изгороди/загородки*»;

- в) Самым древним *строительным материалом* был, видимо, **камень** ..., так как *дерево* нужно было сначала **чем-то** срубить, а *сушняк* или *поваленные* (бурей, ветром) *деревья* **чем-то** очистить от сучьев, ошкурить и т.д.

Поэтому в *древних жилищах* (и в *построенных*, и в *пещерах*) понятия «*стен*-а» и «*камень*» **могли** спокойно *ассоциироваться* и *взаимозаменяться*:

«Повесь на **стену!**» ⇒ «Повесь на **камень!**» –

– вот откуда появились

«скандинавское» “*sten*”,
«немецкое» “*Stein*”,
«английское» “*stone*” } = «**камень**»;

г) По-японски «стена» будет «**кабэ**» – и, учитывая «**постоянное соответствие**» «**б-м**», мы **можем** предположить, что «японское» слово «**кабэ+**» является *редуцированным* (= «урезанным») *вариантом* русского слова «**каме-нь**»,

тем более, что выше продемонстрирована и **возможность семантического ассоциирования** этих двух понятий в *близкородственных языках* при *переходе* слова

из одного языка в другой.

МОЙ ВЫВОД:

«Красивейшая и логичнейшая
этимологически-семантическая «цепочка»

«**КАМЕ-НЬ** ↔ СТЕНА → STONE ↔ **КАБЭ+**»

могла *создаться*

только

в рамках **единой** языковой **общности !!!**».

III.

а) Если попросить кого-либо *разложить* русское слово «**высок**» на «*составляющие*», то в первый момент большинство людей (проверено!) «*выделят*» в нём

приставку «**вы-**» и *корень* «**сок**».

Но мы знаем, что это – *неправильно*, так как здесь (**вместо** выделения *приставки, корня, суффикса* и пр.) про-

изошло *разделение* слова **на слоги**, а истинным *корнем* здесь является *звукосочетание* «**выс-**»

(«**выш-**е», «**выс-**ота» и пр.).

Корень этот со временем дал *разновидности* «**веш-/вис-**» («**веш-**у – **вис-**еть») и «**вер-**» («**вер-**х», «**вер-**тикаль+» = «**вис-**ячая *тыкал-ка*») – но не это сейчас главное!

б) *Носители* тех **наших** *прадиалектов*, из которых позднее «*получились*» языки *английский* и *японский*, тоже – видимо – не умели *правильно «раскладывать»* слова, и «у них» при этом **тоже** *получались только слоги* (например, русское «**но-сок**» с *явнейшим корнем* «**нос-**» («**нос-**ить») *предками англоязычных* было *превращено* в *урезанное* “+*sock*”).

Тем более, что (тоже проверено!) *начальный слог* «**вы-**» произносится обычно **тихо** и при *выговаривании* почти *теряется!*

Соответственно, из слова «**вы-сок**»

они (при *заимствовании*) *выделили/сохранили*

только ударный *слог*

«**сок**»;

в) *Согласные* “**h**” и “**s**”,

“**h-r-l**”,

“**y**” и “**k/g/h**”,

а также *гласные* “**o** - **i**” очень часто (и в **разных!** языках) *чередуются*

(“**hare**” [= «*заяц*» по-англ.] ← «**сер-**ый»),

“**Halle**” = “**Saale**” [= «**холл-зал**»],

“**sora**” = “**ciel**” [*япон.-франц.*] = «небо» ← «**кол/сол**»,

“**Stock**” = “**stick**” [*нем.-англ.*] = «палка»,

«**соль**» = «**силь**» [*украин.*],

«КОТ» = «КІТ» [украин.],
 «СК-азать» = “sag-en”, “say” [рус.-нем.-англ.],
 “rag-are” = “ray” [итал.-англ.] и пр.).

Поэтому не удивительно, что со временем

(и ориентируйтесь только на *написание*,
 а *не* на искажённое временем и географией
произношение)

русский слог «-СОК» «превратился»

- 1) в→ слово “hoch” (нем.),
- 2) потом и в→ “high” (англ.).

Также он, видимо, имел и форму «-суй».

ВОПРОС:

ОТВЕТ:

ОТКУДА идут «с-вет» и «суй-ание»? ← С-вер-ху !!!
 ↑
Семантика !!!

И *всё* ясно:

«-сок/-суй» ⇒ “high” → “lig-ht” → “hik-ari”
 (= яп. «свет», «сия-ние»).

А *потом* уже пошли разные там “+akar-и”, “+ake” и пр.

После такой ↑ *красоты* даже стыдно просить Вас
 вспомнить ещё *и* о **постоянном соответствии** “t-s”:

бус – boat (древнерусск. – англ.),
 terra – sierra (романские),
 eat, äta – essen (германские),
 ведать, veta – wissen (рус., шв.-нем.),

тень – сень,
течь – соч-иться,
там – сям, туда – сюда,
такой – сякой, то – сё и т.д.

Но *вот*, **что** это «постоянное соответствие»

(просто и элегантно ...) **даёт** –

– или **куда** оно нас *возвращает*:

«-сок-» ⇒ «так-ай» ← «вы-сок-ий» (японск.).

«Ай да Драгункин! Ай да сукин сын!».

А.С.Пушкин.

МОИ ВЫВОДЫ:

- 1) *Только* в рамках **единой ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ**
 могли возникнуть такие ↑ роскошные *цепочки*,
 связанные **единой** этимологией («вер-х / суй-яние»)
 и имеющие **единую** семантику !!!
- 2) *Тот* язык, в котором – будучи «оторванным» от *корня* –
 мог быть выделен **слог**,
 давший позднее *словообразующие варианты*
 (в том числе и для «других» языков),
 и является
 (по отношению к *близкородственным* языкам)
их *празыком* !!!

ПОМОЩЬ ЧИТАТЕЛЮ В ПРИНЯТИИ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Возьмём 2 соответствия:

<p><u>С</u>ень – <u>Т</u>ень и <u>S</u>ierra – <u>T</u>erra.</p>
--

Казалось бы, они случайны – но посмотрите:

ЧТО, господа, Вам **ЕЩЁ** нужно
после вот **ТАКИХ** **ВОТ русских** «групп» ???:

<u>Как?</u>	→ <u>С</u> як	→ <u>Т</u> ак;
<u>Какой?</u>	→ <u>С</u> якой, (= « <u>сей</u> +кой) → (= « <u>тот</u> +кой); в+ <u>С</u> який	→ <u>Т</u> акой;
<u>Когда?</u>	→ в+ <u>С</u> егда	→ <u>Т</u> огда;
<u>Куда?</u>	→ <u>С</u> юда	→ <u>Т</u> уда;
<u>Куда?</u> ↓ (А теперь вспомните ↓ « <u>Камо</u> грядеши?» = « <u>Куда</u> идёшь?» Сенкевича!)		
<u>Кам-о?</u>	→ <u>С</u> ям	→ <u>Т</u> ам; (старославян.)
<u>Где?</u> (= <u>К</u> +десь?)	→ <u>З</u> десь → ве- <u>З</u> де	→ <u>Т</u> у-гось, <u>Т</u> у-точ-ки;
<u>Кого?</u>	→ <u>С</u> его	→ <u>Т</u> ого;
<u>Кому?</u>	→ <u>С</u> ему	→ <u>Т</u> ому;

<u>К</u> ем?	→ <u>С</u> ем	→ <u>Т</u> ем,
О <u>К</u> ом?	→ О <u>С</u> ём	→ О <u>Т</u> ом, и т.д.

И ведь **ТАКАЯ** ↑ «система» **НЕ могла быть**
результатом «неконтролируемого РАЗВИТИЯ» –

– она **ИЗНАЧАЛЬНА !!!**

И с японским языком тут полный «параллелизм»:

<u>К</u> о-но	→ <u>С</u> о-но	→ <u>А</u> -но	→ <u>Д</u> -оно?
«Этот»	«Тот»	«Вон тот»	«Какой?»
<u>К</u> о-рэ	→ <u>С</u> о-рэ	→ <u>А</u> -рэ	→ <u>Д</u> -арэ?
«Это»	«То»	«Вон то»	«Кто?»
<u>К</u> о-ко	→ <u>С</u> о-ко	→ ...	→ <u>Д</u> -око?
«Здесь»	«Там»		«Где?»
И «повежливей»:			
<u>К</u> о-тира	→ <u>С</u> о-тира	→ <u>А</u> -тира	→ <u>Д</u> -тира?
«Здесь»	«Там»	«Вон там»	«Где?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О ЯПОНСКОЙ ЛЕКСИКЕ.

«СХОЖЕСТИ» ЛЕКСИЧЕСКИЕ.

Девиз:

«Сами не пугайтесь получаемого результата !!!».

В данной части книги приведены результаты произведённого мною *сравнительного анализа лексики* японского языка на предмет *выявления возможной «схожести»* японских слов со словами *других* языков.

Сделано это было в рамках поиска ответа на вопрос
о *происхождении* японского языка.

Объектом моего внимания – естественно – не были слова (явно!) *китайского* происхождения. Я проанализировал *основной, базовый* словарный состав именно самого японского.

Довольно широкий лингвистический диапазон и явная *нестандартность* мышления позволили мне *увидеть* и *выявить/установить* то, что до меня никто – почему-то – не замечал ...

В некоторых случаях единственным чувством, возникшим во время работы над данным материалом, было чувство *недоумения*, вызванное нестыковкой большого *количества* работ других «учёных» (+ «энтузиастов») на данную тему (имеются в виду работы, в которых авторы пытаются установить происхождение и/ли родство японского языка)

и *явностью* обнаруженного мною ...

NB.

Я демонстрирую **возможное родство** слов не с позиции именно *звукового* сходства, а с простой и ясной позиции того, что если *одно* из двух «схожих» слов *имеет* ярко выраженный или уже известный (и/ли однозначно выделяемый! и *этимологизируемый!*) *корень* (или «*основу*»), то именно оно и является *базовым* (а другое слово – в данном случае японское – является *производным*, поскольку практически *ни один* японский «корень» не *этимологизируется*).

Причём я старался не ограничиваться лишь *этимологией* –
– часто ей сопутствует и *семантика*.

Но уж чего я *не* делал – так это *не* лез в «разгерметизацию» слов и в *мистические значения* тех или иных звуков.

И выбор *языков сравнения* я **намеренно** ограничил языками *индоевропейскими*.

«Сравнивая» слова разных языков, нужно – конечно же – учитывать:

- 1) **постоянные соответствия** между близкими по *месту* образования *согласными*, в частности, между *губно-губными* «*м-б*», а также «*ф-б/п*» или «*в/w-п*», например: «*п*лыть» ==> “float” (англ.), «*б*уря» ==> “furi” (яп.), «*б*оле-е» ==> “more”, и пр.;

- 2) **одинаковость костяка согласных корня/основы:**

afuregu ↔ пере-*п*ол-нять ↔ fuл / fiл
 (“fr-пл-fl”);

3) возможность **инверсии**, то есть *перемещения* одних и тех же *согласных внутри* близких/родственных слов.

Это явление наблюдается во многих языках **разных** групп, например, английское слово “*bird*” = «птица» имело в древнеанглийском и вариант “*brīd*” (“*ir – rī*”) = «птенец».

Или русско-польская пара:

футл¹я²р ↔ фут²ер¹а (“*лр – rl*”).

И – в нашем случае – “*akarui*” (яп.) ↔ «яркий» (“*kr-rk*”);

4) частую необходимость **реконструкции/восстановления** начальной **согласной**, утерянной при переходе слова из одного языка в другой или при «временной деформации» языка:

+abaraуа ←= x+ибара.

(Здесь ту или иную утраченную начальную согласную обозначая *плюсиком* перед словом).

Эти мои «Правила» являются универсальными практически для всех языков, так как они напрямую связаны с артикуляционными возможностями человека и с его менталитетом.

При этом, повторяю, не нужно обращать (никакого) внимания на *гласные*, которые являются крайне *неустойчивыми* и могут заменяться даже **в корнях** слов **близкородственных** языков:

Ма^ть(-ерь) → mother / Mu^{tt}er ↔ me^re !!!
(рус.) (англ.) (нем.) (франц.)

2 ПРИМЕРА АНАЛИЗА.

1) О слове “*mizu*” = «вода»
NB.

Если бы господа *японисты* (и наши, и не наши) не были скованы *догмами* и не были бы так заняты написанием диссертаций типа «Влияние лунного света на употребление частиц “-wa” и “-ga” в 1923 году», то разве *посмели* бы они пройти мимо, **например**, **ключевого** слова

“*mizu*” ..???:

1) японское “-zu” (“-dzu”) – это наше «-ду»;

2) губно-губное «м» чётко *соответствует* «в»:

«с-мот-реть» – «вид-еть» («мот-вид»),

«вес» → “*mass*” («масса»), и пр.;

3) гласная “-i-” в родственных языках часто *соответствует* «-o-»:

hill – холм (англ. – рус.),

скризь – сквозь (украин. – рус.),

stick – Stock (англ. – нем.),

и пр.;

4) на угро-финских языках «вода» = “*viz / vesi*”.
↑
“*mizu*”!

То есть:

Mizu ← midu ← vidu (viz/vesi) ← vodu ←= вода !!!
↑
«вла-га/вла-да»
↑
Этимология!

2) О слове “*gabu-gabu*”.

Для начала предъявлю миру выявленную мною **постоянную** закономерность (а ведь **именно** на «**постоянных** закономерностях» наука и построена!) **соответствия** начальных согласных «з-/с-» **русских** слов согласным “g-/k-/h-” слов «европейских» (причём «русскость» исходных слов сомнению не подлежит, так как они **состоят** из чисто **русских** «составляющих» – корня, суффикса и пр.,

тогда как слова «европейские»

ни на какие «составляющие» **не** раскладываются !!!):

Золото (корень «кол/жёл/зол»)	==>	gold,
За-лив («про-лив» и т.д.)	==>	gulf,
со-зрев-ать (несоверш. вид)	==>	grow,
зерно (чёткий суф. «-н-»)	==>	corn,
«серый» (= «заяц»)	==>	hare, и пр.
+ Пить залп-ом	==>	gulp !!!!!

(= «Глоток / глотать» по-англ.).

А уж от “*gulp*” до→ “*gabu*”
всего-навсего 15.000 км. расстояния ...!!!

А теперь лезем в словарь и «проверяем» Драгункина:

“*gabu-gabu* поту” = «пить большими глотками» !!!

«Залпом» пили за чью-либо «славу», либо за чьё-либо «здоровье»:

залп/gulp

salve / слава ← хвала («х-с») + инверсия «вл→лв»
(= «здоровье» – ром.)

↓
добр-о («вл-бр»)

до-бл-есть

well (англ.)

val-ог (лат.)

wor-th (англ.)

«Пракорень» = русское (звукоподраж.) «бл→бол-вел(-икий)».

Ещё 3 бита интереснейшей информации.

1) Об одной из моих «техник» работы со словом.

Как я уже говорил выше, в данной работе я пользовался несколькими *техниками* этимологического **анализа** слов, разработанными мною.

Сейчас я дам более *развёрнутый* пример только одной из этих моих *техник*, так как **все** они *широко* продемонстрированы в книге «5 сенсаций».

Восстановление утраченной начальной согласной.

Проводя анализ слова, я всегда исхожу из того, что в очень многих случаях со временем **начальная** согласная слова (при *заимствовании*, со временем или при *переходе* слова в другой язык) могла *утрачиваться*.

Восстановление этой *утраченной согласной* (которую я обозначаю «плюсиком» перед словом) моментально приводит к «истокам» этого слова

(= к его *первоначальной форме*),

и – очень часто

даёт (*восстанавливает*) его **семантику**,

а иногда доводит и до самого «пракорня».

Пример работы по восстановлению
«утерянной» начальной согласной
и неожиданные «побочные результаты»
такой работы.

«Догадка предшествует доказательству».
 А. Драгункин + Пуанкаре.

Плаваю в тёплом море, посматриваю на других «плавающих», «починяю самовар и никому не мешаю» – как говорил Кот Бегемот – а сам думаю о словах

«**огонь**», “**ignis**” (лат.) и “**agni**” (санскрит),

значащих – соответственно – одно и то же, и явно происходящих из *одного* источника.

Из какого же ..?

Если исходить из *моей* предпосылки, что именно **русский** язык был *празыком* (см. «5 сенсаций»), то это значит, что в начале именно русского слова **могла** быть какая-то *согласная*, которая позднее (со временем и/ли при переходе слова в→ *другой* язык) была утеряна, причём практика *восстановления* показала, что – скорее всего – эта *согласная* – «губно-губная» ...

Останавливаюсь на *согласной* «**в-**», получая при этом слово «в-огонь / **вог-онь**» – и **сразу же** выделяется/проявляется «новый» (славянский !!!) **корень «вог»**, имеющий в **русском** языке **100%-е** (и *этимологическое*, и *семантическое*) **соответствие** в виде **корня**

«**пек**» («пек-у», «пéк-ло» и пр.)

с нормальным «**постоянным соответствием**» «**в-п**» ...

Моя «догадка» (или: моё «умозаключение») очень мне нравится, и подспудно я *чувствую*,
 что я *прав!*

(Ведь «пек-ло» же имеется !!!).

Поэтому, когда через некоторое время на стр. 63 замечательной книги Игоря Попова «Россия и Китай. 300 лет на грани войны» (Москва, «Астрель», 2004) в отчёте казака О. Степанова (начало XVII-го века) я вижу слова «... богдойские люди с **вожняным** боем, с пушками и с пищалями ...», я не удивляюсь, а просто **констатирую факт** того, что

слова «**+огонь**», “**+igni-s**” и “**+agni**”,

примерно, видимо, в одно и то же время

*отошли от одного **общего** праслова*

(уже ясно, от *какого!* = «**вогонь**»),

когда-то **имевшего** эту «начальную согласную».

NB !!!

Но самым важным выводом из всего этого ↑ является то,
 что

(поскольку в «европейских» словах
никакой корень **не** выделяется)

только русский (пра-)корень «**вог / пек**»

↓
 “hi-bach-i” (яп.)

может быть **возведён**

к **звукоподражательному** (а значит, к **первичному!**)

звукосочетанию «**Пх*!** → **п(х)ек**» («вс-пых-нуть!»).

«**Пх!**» – и конец сомнениям

по поводу «**первотности**» того или иного языка ..!

Браво, Драгункин
и его «методики работы со словом» !!!

КСТАТИ,

по-итальянски «+огонь» будет “*f-иосо*”,
по-испански – “*h-уего*” –

– то есть в них сохранились начальные согласные !

А не значит ли это, что итальянский и испанский
являются не «потомками» латыни,
а просто близкими ей языками,
развившимися (вместе с ней!) из другого языка ..?
(Читайте мои «5 сенсаций»!).

Явление «утраты начальной согласной»
присутствует почти во всех языках,
принадлежащих к одной семье.

Вот примеры этого явления, взятые из разных языков
(дополнительно нужно учитывать
и постоянные соответствия согласных внутри слов).

В русском и в других славянских:

+аж ← д-аже,
+аки, jak ← к-ак,
+архи- ← в-ерх,
+еда ← п-ит-ать,
+ондтра ← в-онда-тра (от «вода»),
+орать (пахать) ← б-орать («бор-она»),
+орёл ← п-орёл (от «пар-ить»)
+осёл ← в-озёл (от «воз-ить»),
+уголь ← вы-гар,
+узел ← в-узел (от «вяз-ать»),
+утка ← в-утка (от «вода»),
и пр.;

В английском:

+ache ← *м-у́ка*,
+ago ← *б-аск*,
+air ← *п-ар* (“*vapor*” ←= «вы-пар»),
+Amen ← *П-омн-и*,
+anti ← *пр-оти-в*,
+arc ← *б-алк-а*,
(англ.) balk ← палка
+article ← *р-article*,
+ash ← *с-ажа*,
+eel ← *к-eel* = киль (от «кол»),
+nest ← *г-незд-о*,
+net ← *те-нет-а* (от рус. «*тян-уть*»),
+nit ← *г-нид-а*,
+otter ← *в-ыдра* (от «вода»),
+owl ← *с-ова*,
+rope ← *ве-рёв-ка*
(но у нас есть и «*верв-ие*», а у них – нет!),
+udder ← *м-атка* (от «м-атерь»),
+udometer ← *в-одомер*,
+wedd-ing ← *с-вадь-ба* («-ба» всегда = “-ing”),
и пр.;

В романских:

+arena ← *п-оляна*,
+ecrire ← *с-crivere* (от рус. «вы-с-креб-ать»),
+etoile ← *с-tella* (= “*s-tar*“ ← «*дыра*»),
+eau ← *в-ода*,
+elite ← *п-орода*,
+(h)anche ← *л-яж-ка*,
+onda («волна») ← *в-ода*,
+ora ← *п-орá* (= «*время*»),
+osse ← *к-ость*,
+ursus ← *б-ур-ый* (= «*медведь*»),
и тонны т.д.

А теперь, **напрягитесь** – вот что дало применение «техники **реконструкции/восстановления утерянной начальной согласной**» при работе с японскими словами.

В левой колонке стоят **японские** слова

(и на *гласные* внимания не обращайтесь!):

+abara	←	<i>p</i> -ебро, <i>r</i> -ib,
+abaraya	←	<i>x</i> -ибара,
+akai	←	<i>m</i> -ак,
+arai	←	<i>b</i> -ур-ный,
+are	←	<i>b</i> -уря, <i>f</i> -ury,
+ase	←	<i>n</i> -от (“ <i>s-t</i> ”),
+ashi	←	<i>n</i> -еше... (= «нога»), <i>p</i> -as,
+ato	←	<i>z</i> -ад, <i>sl</i> -ед, <i>l</i> -ead,
+awa	←	<i>f</i> -оам, <i>n</i> -ена,
+aza	←	<i>n</i> -ят-но, <i>sp</i> -от,
+aze	←	<i>m</i> -ежа,
+eda	←	<i>v</i> -ет-вь, <i>v</i> -ет-ка (древнерусск. «+уд»), <i>w</i> -ood,
+eki	←	<i>p</i> -ека, <i>l</i> -eak,
+erai	←	<i>h</i> -огри-ble,
+eri	←	<i>v</i> -ор-отник,
+ido	←	<i>p</i> -it (яп. «колодец»),
+iku	←	<i>b</i> -ег-ать, <i>w</i> -alk,
+ito	←	<i>n</i> -ить,
+inu	←	<i>k</i> -ino(-log), <i>c</i> -anis, <i>сч</i> -ен-ок,
+ishi («камень»)	←	<i>n</i> -есо-к, индоевроп. <i>pet</i> * ← рус. «бут»,
+iso-gu	←	<i>b</i> -усу,
+ita	←	<i>b</i> -oard,
+iyana	←	<i>n</i> -ьяный,
+iyashii	←	<i>n</i> -ошлый,
+masu	←	<i>гор</i> -буша,
+oke	←	<i>b</i> -ак, <i>p</i> -аск,
+oku	←	<i>d</i> -ach (польск. нем.), <i>t</i> -ак (швед.),

+oku	←	<i>b</i> -ок,
+omou	←	<i>d</i> -ум-ать,
+ooro	←	<i>d</i> -оро-га,
+ori	←	<i>n</i> -орá, <i>h</i> -our,
+osa	←	<i>b</i> -oss,
+osa(-ge)	←	<i>k</i> -оса,
+osoi	←	<i>n</i> -оз-(д)ний,
+osore	←	<i>p</i> -ozor (= «опасность» – славян.),
+osu	←	<i>p</i> -ush,
+oto	←	<i>s</i> -ound, <i>L</i> -aut,
+ou	←	<i>g</i> -о,
+oyu	←	<i>b</i> -oil,
+tori	←	<i>p</i> -ter-os (= « <i>n</i> -тах-а»),
+uchi	←	<i>h</i> -ut ← <i>x</i> -ата,
+ude	←	<i>h</i> -and,
+ue	←	<i>v</i> -ерх,
+unagi	←	<i>w</i> -eng-orz (польск.) = «угорь»,
+uo	←	<i>v</i> -о-да,
+urushi	←	<i>v</i> -arnish (англ.),
+usa	←	<i>m</i> -ос-ка, <i>m</i> -iss (англ.)
+uso	←	<i>l</i> -ожь,
+usu	←	<i>m</i> -ис-(к)а,
+utau	←	<i>v</i> -ыть → <i>n</i> -еть,
+utoi	←	<i>ч</i> -ужой,
+utsu	←	<i>b</i> -ить, + многое другое.

Кроме этого, повторяю, мною учитывались и возможности **инверсии** (то есть **перестановки согласных** внутри **однозначных** слов, как, например, в **латинских** заимствованиях из **русского** «**лес** – **sil-va**»), и наличие **постоянных соответствий** (= «**чередований**») между некоторыми очень конкретными **согласными** («**s-t**», **губно-губными** «**м-п/б**» и пр.) – обо всём этом, повторяю, подробно читайте в моей книге «**5 сенсаций**»;

2) Бесспорным является *наличие* в японском и некоторых очень узнаваемых корней:

“*gar/ger*” со значением «*вверх*» (= «*гор*»): *agaru*, *ageru*;
“*horo*” = “*верх*»

“*kr*” с конкретнейшим значением «*резать*»
(= «*кр-омсать*», «*кр-оить*»): *kiru*, *karu*, *korosu*;

“*ko(o)r*” со значением «*хол-одный*» (*koori*, *kooru*, *koru*);

“*mar/war*” со значениями «*вр-ащаться*» и «*кр-углый*»:
“*marī*”, “*maru*”, “*marui*”, “*mawari*” и пр.

NB.

Причём не менее интересным является и тот факт, что *корень «вр/war»* (как и в русском!) имеет те же

2 смысла:

«*вр-ащаться*» («*ворота/porta*», «*вр-ащение*» и т.д.)

и

(учитывая *постоянные* соответствия «*в-п*»)

«*вр-едный*», «*вр-едить*», «*пор-тить/пл-охой*» = “*war-и*”,
“*war-еру*” и т.д.

+

Смотрите «*Словарь*» на стр. 309 !

ЧАСТЬ II

Дальневосточная элегия

Александр ОБРАЗЦОВ

**НЕУТЕШНЫЕ ОПЫТЫ ЛЮБВИ
К РОДИНЕ**

Восточный роман

ПОХОЖАЯ НА УЛИТКУ

Амурская область по очертаниям напоминает улитку, прилипшую к Амуру.

Золотопромышленники и мукомолы создали в Благовещенске оазис культуры. Блистал огнями театр, вращались двери богатейших банков, молодое Амурское казачье войско вносило в городскую толпу дополнительный, небывалый колорит, если учесть, что рядом шастали «хóди»-китайцы, рядом самоуглублённо, озабоченно бегали почвоведы, ботаники, другие географы, дорвавшиеся до новых территорий, все сплошь с немецкими и прочими европейскими фамилиями, отчествами и даже именами. На берегах Амура и Зеи возникали особняки изысканной архитектуры. В числе архитекторов был даже один будущий Нобелевский лауреат.

Что же тут удивительного?

В 1854 году началось заселение Амурской области русскими. Они на плотках приплыли из Забайкалья. За четыре года четыре тысячи казаков и крестьян основали на бывшей даурской земле посты Кумарский, Усть-Зейский (будущий Благовещенск), Хинганский, станицы Игнашино, Свербеево, Рейново, Албазино, Орловку, Бейтоново, Толбузино, Ольгино, Кузнецово, Иннокентьевку. Стремилась к Бурее, рассказывали друг другу удивительные истории о плодородии почв и о райской красоте местах, а селились там, где приказывало начальство. А начальство на этот раз было энергичное, толковое, озабоченное не личными выгодами, а видами страны.

Н.Н. Муравьев-Амурский осуществил это мероприятие, а Г.И. Невельской предварительно разведаль земли.

Мой отец прибыл туда в 1932 году уже с востока, из Приморья. А за два года до того он пересёк пятнадцатилетним мальчишкой область с запада на восток. На всё путешествие из Иркутска во Владивосток была у него буханка хлеба. Если он спустя столетия не забыл эту буханку – чувство голода было, видимо, сильное. Предшествовало же путешествию

СВАТОВСТВО

Теперь уже все, и отец, смотрят на эту историю с другой стороны. Может быть, им уже не больно, не страшно вспоминать. Может быть, остались недоумение и досада из-за того, что жизнь пришлось кроить не свободными желаниями, а необходимостью, что приходилось годы и годы почему-то обдумывать свои слова, пугаться вызовов к начальству, в особый отдел, в отдел кадров.

Я был в тех местах. Это севернее Иркутска, верховья Лены. Лена там совсем неширокая, не больше ста метров, а старинное село почему-то на правом, на северном берегу. Сейчас там голо в округе, леса отступили. Якутский тракт бежит берегом реки. В десятке километров от Качуга – знаменитые Шишкинские писаницы. Им 4000 лет. На скальных откосах, на высоком пойменном берегу коричневые люди в лодках, коричневые сохатые, олени, люди с луками четыре тысячи лет куда-то бегут, плывут. Время их не берёт. А старинную деревню Шишкино с удивительно серыми бревенчатыми избами (лиственница выцветает до этнографического состояния) время скоро возьмёт. Люди там уже не живут. Когда-то здесь жили богатые крестьяне. Им было, чем угоститься. Было, что надеть в праздники. Было, на чём выехать в Качуг или в Верхоленск за невестой. Они и не знали, что писаницам тысячи лет. Их предки поселились здесь двести лет назад. Уже первое поколение русских людей считает родиной место

рождения или детства. Да и зачем вспоминать родительские муки переселения, имея перед глазами сосновые боры, населённые птицей и зверем, реку с тёмными тайменями и ленками, поля, жёлтые по осени, кадушки с капустой, огурцами, солёной рыбой, погреба с окороками, лабазы с сохатиной?

Мой дед был, кажется, приёмным сыном в бездетной довольно состоятельной семье. «Кажется», говорю я, потому что никакими клещами из отца уже не вырвать правду, которую не смогли вырвать из него бесчисленные хитроумные анкеты, рассчитанные на то, что где-то человек проговорится. Не было невиновных в то время. После веков сонного неторопливого существования пришло вдруг время суетливого горячего бдения. Стёпка, так давно живший в семье, что дети считали его дядькой, только бедным, в отличие от тех, кто жил своими домами, начал ходить в сельсовет, в комбед и смотреть внимательными, чужими глазами. Старшая дочь Анна попала на глаза секретарю сельсовета. Сама, видимо, была виновата. Потому что всегда виновата женщина в том, что её преследуют – дала знак. Знаки имеют необъятный разброс от *«возьми меня»* до *«никогда меня не получишь»*. Но секретарь сельсовета оказался человеком, понимающим современное положение. Он заслал сватов. Мог ли дед испугаться, понимал ли он современное положение? Понимал. Он учился когда-то в иркутской гимназии, а в жизни был не крестьянином, а скорее судостроителем: Качуг славился своими баржами, барками, лодками, которые ходили до Якутска. Этим, кстати, промышлял прадед. Его фотографию я видел – сидит «борода» в длинных мягких сапогах и косоворотке, а на его плече руку держит позади стоящая бурятка, прабабка. Хотя и не прабабка, конечно. И не прадед. Концов уже не найти. Связи с бурятами были тесные в тех местах. Я сам был влюблён в школе в полукровку с горячим, смуглым лицом, скуластую, с раскосыми глазами. Русский заботится о чистоте крови всегда теоретически, а настанет момент – и казашка, и еврейка, и финка вполне вписываются в расовый чертёж.

Старшая дочь Анна отказала сватам, и следующую ночь дед провёл в кутузке. Там-то, в тёмной, он и понял окончательно современное положение. Поэтому не стал дожидаться вторичного сватовства, а дунул вместе с семьёй в Иркутск. Одна бабка, 40-летняя жена его, замешкалась, не сумев, видимо, оторваться сразу от дома, и угодила на лесоповал, за сто километров, в тайгу. Но дед и здесь проявил редкую по тем временам сметливость. Он не сразу дунул в Иркутск, а отправил детей. Сам же по первому снегу, по следам тронулся за смертниками. Не могу сказать точно, как всё происходило, только бабушка моя умерла в городе Свободном в глубокой старости, 84 лет, в абсолютно здоровом и насмешливом уме.

Так мой отец попал во Владивосток, где его изгнали из седьмого класса как сына лишенца. Я, следовательно, являюсь внуком лишенца.

ДЖЕЛТУЛАКСКИЙ РАЙОН

Сейчас он называется Тындинским, но я лучше скажу по-прежнему – Джелтулакский. Есть там речка Джелтулак, и маленький посёлок на АЯМе того же названия, когда-то – райцентр.

А ведь уже в 1867 году был основан прииск Васильевский, посёлок городского типа с 1934 года. С этого прииска и началась золотодобыча восточнее Забайкалья. Сейчас он называется прииск Соловьёвский. А посёлок Соловьёвск остаётся, пожалуй, уже навсегда центральным в моей жизни.

Он стоит в котловине, между сопок, старательно повторяя своими улицами удобные формы рельефа. Легко можно взобраться на сопку, разрезающую его наполовину и окинуть долгим, панорамным взглядом всё его великолепие. Я не считаю это определение риторическим. И никого не пытаюсь обратить в свою веру. Я ведь и родился-то и рос до шести лет в других местах Амурской области, а вот Соловьёвск с высоты сопки до сих пор вызывает у меня слёзы восторга.

Не знаю, в чём там дело.

Там нет насилия над природой, так, что ли? Улицы, шоссе повторяют, вернее, усиливают структуры ландшафта. Может быть поэтому каждый спуск (а улочки крутые здесь, у сопок) так отмечен и обласкан памятью. Дома цепляются на этих спусках за каменистую почву, в их очертаниях нет текучести, спешки, они круто идут ввысь, леса там много.

А вот сейчас центральную часть посёлка испортили. Уничтожили естественные спуски, бугры, кручи, сгладили их широкой террасой, под бульдозер. Поставили вместо светло-серых лиственничных домов двухэтажные розовые коровы (обдранные коровы, замечу, по цвету), и как будто у сопки отвисла челюсть, всю мускулатуру её подрезали. Да что говорить! Мой лучший в жизни дом с красной железной крышей снесли во время этого благоустройства. Как много дураков желает России добра и какими это оборачивается лишениями..! (Это безотносительно моего дома).

Площадь Джелтулакского района 71,3 тысячи квадратных километров, население в пятидесятые годы было около десяти тысяч человек. Представьте себе среднюю европейскую страну, вроде Австрии, самым крупным поселением которой вместо Вены является Соловьёвск. Не правда ли, отдает четырьмя тысячами лет до ..?

Сейчас Тынду знают все. Я был там два раза. Однажды в детстве и сейчас. Впервые я встретился с патриотами, которые меня, старожилу, не воспринимают таковым. Как будто с них началась история Джелтулакского района, а всё, что было до них, было дико, каменный век.

Нет, дорогие тындейцы. Или тындюки, если угодно. Тындыне. Ваш город так же разорвал рельеф, как центральная площадь Соловьёвска. Но в Соловьёвске после нашествия цивилизаторов остался достаточный культурный слой, чтобы я его по-прежнему любил и рыдал над руинами памяти. А вы у себя хотели устроить мини-Москву.

Что ж. Давайте. Во славу моего Джелтулакского района!

СВОБОДНЫЙ

Вспоминаю, как мы переехали в город Свободный из Соловьёвска. Мой отец получил повышение по службе, стал главным экономистом треста «Амурзолото». Видимо, заполнение анкет (я помню его за этим занятием – долгими вечерами пыхтел) шло у него с неиссякаемым упорством и последовательностью.

Когда я увидел на центральной улице города Свободного бревенчатый дом под названием «Книжный магазин», и дом этот был покрашен масляной краской в синий цвет, я затрепетал. Это сейчас я ухмыльнусь воспоминанию – сколько же краски пошло на уничтожение изумительного листовничного этнографического цвета брёвен! А тогда я, в классе восьмом, понял смутно – вот начинается непознаваемое, неизвестное, столичное, городское!

Я ещё и не мог оценивать то, что видел, а уже понимал непреклонность властей. Власти говорили со мной языком асфальта и высокого забора вокруг стадиона «Локомотив», номером школы (187), в которую я попал. (Где же остальные 186? – зачумлённо думал я. А ведь действительно, я до сих пор этого не пойму. Не было на Забайкальской ж.д. 187 средних школ! И не будет!).

Власти говорили со мной гримасой одноклассницы, когда я пришёл в школу в резиновых сапогах. Что-то там у меня было с обувью...

Да, мы жили у бабушки, спали на соломенном тюфяке, на полу, около рассыпанной перед посадкой картошкой. Отцу вырезали язву желудка. Носить было нечего. Да. Мамы не было уже полтора года. Мы, все трое, были давно заброшены, обтрёпаны, с цыпками, с возрастными прыщами, с немытыми шеями, но ничего не понимали о своём положении! Ничего.

Сейчас Тында чуть было не стала вторым городом Амурской области. А с самого своего основания им был Свобод-

ный. Архитектурные изыски коснулись и его. Было бы странно, если бы не коснулись. Свободный основан 12 августа 1912 года в качестве потенциальной столицы Дальнего Востока под названием Алексеевск (в честь несчастного сына несчастного Николая II).

В Свободном несколько домов такой стрельчатой, башенной формы, что и сейчас они меня бодрят. Иду и думаю: ах, мукомолы и золотопромышленники! Молодцы!

И знание того, что были люди со вкусом в то далёкое время в нашем медвежьем углу, позволяет мне не бояться тьмы истории.

Вообще, конечно, история говорит с нами на языке архитектуры. Представьте, к примеру, если бы здания, пирамиды, храмы вдруг исчезли? Очень мы верили бы каким-то свидетельствам современников и их чертежам? Мне, к примеру, говорящему о прошедшем великолепии центральной площади Соловьёвска..?

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ СОЛОВЬЁВСКА

Чем была интересна старая площадь для детей?

Тем, что под крутым бугром торчал обрубок деревянно-го столба. Рулеухи и сани разгонялись с сопки чуть ниже школы и со страшной скоростью низвергались по бугру. Прошло несколько лет, прежде чем одна из рулеух врезалась в этот обрубок.

Событие породило несколько заседаний в школе, приискоме и РОНО. Затем пришли двое с пилой, столба не стало, но центральная площадь Соловьёвска потеряла частицу своей притягательности.

Рассуждая о национальном характере, упускают из виду запланированность халатности, её необходимость как точки отсчёта в текучем, размазанном мире. Именно разгильдяйство, нерадивость, административный идиотизм позволяют как-то

зацепиться за внешнюю жизнь, не утонуть окончательно в жизни внутренней, в тех чудовищных грёзах, которые составляют основу мировосприятия русского человека.

К клубу от площади вела лестница. Это слово выражает лишь в малой степени функциональные особенности данного сооружения. Если что-то должно было остаться от центральной площади Соловьёвска для потомков, так это лестница к клубу – так же, как от осады Трои остался в нашей памяти гигантский конь. Соблазнительно сравнить лестницу с троянским конём. Эти сооружения вполне сопоставимы и по размерам, и по назначению.

Изнутри лестница напоминала своими опорными брёвнами, балками, мощными стропилами, гребёнкой ступеней, подкосами и подпорками некое деревянное подземелье. Там, внутри, всю зиму после школы один из отрядов защищался от нападавших из двух дыр врагов. Сабли из молоденьких лиственниц стучали друг о друга, колотились о доски, но никогда не ломались.

А над нашими головами по удивительно крутым ступеням поднимались на вечерний сеанс и родители, и молодые люди в сапогах и белых кашне, в общесоюзных кепочках и москвичках, а также молодые их подруги, чьи сокровенные подробности мы чуть позже, через год-два, будем пытаться рассмотреть сквозь щели всё той же лестницы.

Всему своё время.

ВРЕМЯ

Неужели настает для кого-нибудь на Земле то время, которого он ждёт в десять-одиннадцать-тринадцать лет? Неужели настает для кого-то именно то время, в котором ты вдруг взрослый, тебе шестнадцать, ты куришь папироску «Красная звезда» с мотоциклистами, и уходишь куда-то в сумерки, где... Где что? Кто ждёт тебя в сумерках июльской сопки?

Нет. Таких нет в посёлке.

Это в большом мире, за дорогой, за хребтами, за марями и ключами, под другим небом есть такие. Их оттуда, наверное, заносит.

Хотя вряд ли что-то существует в мире, кроме посёлка и окружающих его гор. Да, бывали и в пионерлагере в Бузулях, и в Москве, и на Кубани, но – давно, уже и не вспомнить когда. Летом.

А может быть, нет ни Бузулей, ни Москвы, ни Кубани. Только посёлок. И сопка в сумерках. И туда ушли двое, он – в накинутах на плечи пиджаке, она – в белых лодочках, в светлом платье...

Но что же там? Что? Что?!

Время равнодушно и ты можешь колотить его, как японский рабочий колотит чучело хозяина.

Можешь колотить.

Оно обидится и очень скоро начнёт уходить навсегда.

А это значит, что всё вокруг живое, в том числе и время.

ТЕМА

Если уж говорить откровенно, то лишь подбираясь к этой теме и теряя её, мы соприкасаемся с понятием движения. Остальное – болото, статика, оцепенение, полудрёма, спячка. Как только раздаются издали позывные этой темы, как только трубит далёкий рог, так горячая волна зарождается неизвестно откуда и в живом, ярком блеске расцветает всё вокруг.

Любовь. Да. В её самых крайних выражениях – от платонического обожания старшеклассницы до информации, поставляемой пацанами из барачков.

ЗА РЕЧКОЙ

Учебник акушерства был просмотрен. Чудовищные тайны были раскрыты. Так вот что происходит у взрослых! Какие страшные эти зародыши, эмбрионы и новорождённые..! Как исчерпывающе ясны рисунки.

Но почему? Почему они это делают?! И как, где?

Первоклассники жадно выслушивали циничных учеников четвёртого класса – в их классе преподавала загадочная учительница начальных классов П-ва. Она жила за речкой и её там *видели*. Её видели в другом, не её доме. В том доме было несколько шоферов.

И эта загадочная П-ва. Можешь все глаза посмотреть на неё в школе, но ничего не найдёшь, ни одного следа того, что происходило в том доме.

Но место, за речкой, на галечном, глинистом после драг берегу, где стояло несколько деревянных домов – при одном взгляде на тот край посёлка – запретная праздничность, преступная сладость – как угодно назови – это место было особым.

Так же, как, видимо, места борделей во французском, немецком детстве.

БРУСНИКА

Брусника росла на улицах. Её беловато-алая мякоть в конце лета, тёмно-зелёные глянцево-лодочные листья. Её ковёр в подножии сопки. Её кислое крутое ядрышко зимой, тающее на языке: горсть ледышек во рту.

Когда хотят чем-то привлечь к этим северным, предьякутским местам, говорят о бруснике и багульнике. Почему-то багульником называют рододендрон. У него почти такие же листья, как у брусники, только бледнее и не такие жёсткие.

Весною малиновым пожаром цветёт багульник. Его нежные цветки, нанизанные один на другой на лиственничном прутике, сладки на вкус и напоминают розу. Мы их ели всё детство.

Потом, в августе, в начале сентября на тех же сопках тёмно-красная в тёмно-зелёном появляется брусника. Но у нас её не любят. Предпочитают жимолость, моховку, голубику. Я уже не говорю о малине.

КАК ПИСАТЬ ПЬЕСЫ

Для этого нужно оказаться между гор. Горы напоминают лошадей, мамонтов, медведей под одеялом камней, кустов, лиственниц. Они куда-то брели, вниз по речке, но вдруг остановились все вместе. Их кто-то околдовал. Кто-то сказал им «Замри!», и ушёл отсюда, смеясь. Вначале они ждали, кося горячими глазами, подёргивая мышцами, что тут же раздастся «отомри». Они замерли в неудобных позах на мгновение. Простояли миллионы лет.

Горой можно прикрыться от ветра. Можно подложить её под спину, чтобы удобнее было читать. Можно найти укромный угол между двух сомкнувшихся гор и улечься там в безопасности, поглядывая на звёзды.

В Тбилиси мне казалось, что я на Дальнем Востоке.

Так как же писать пьесы?

Горы дают пример расположения действующих лиц. У каждой из них свой характер.

Вот эта длинная маленькая сопка растолкала взрослых и перекрыла долину. Вдали, на севере красивым гребнем синет Какразовская гора. Под этой горой была когда-то золотокупка. Китайцы-приискатели говорили, отмеряя песок: «Как раза... как раза...». Но стройный вид Какразовской горы обманчив – её толстое туловище тянется на север, и гора скорее похожа на сундук, чем на вооружённый дозор. Её плоская

вершина заросла осиной. Там можно построить большой посёлок. Но где взять воду? Склоны круты.

Итак, есть маленькая длинная сопка, наголоватая, бойкая, привыкшая быть в центре внимания. И есть Какразовская гора, издали красивая, мощная, загадочная. Вблизи похожая на сундук. На вершине её – поваленные деревья. Но там нет ни одной лиственницы! Берёзы, осины, трава по пояс. Какая-то белая ворона среди гор. Среди мускулистых, работающих гор со стройными линиями хребтов.

Вот две горы, одна за другой. Вздымающиеся, как женская грудь. Так и называются – Грудь Марии.

Вот Лысая гора. В войну, когда не было угля, электростанцию топили дровами. Все лиственницы вырубил. Гора облысела. Потом построили там одну улицу, другую... Так и осталась плешивой.

Пьесы надо писать с раннего детства и без слов.

КАК ОПИСАТЬ ВЕЛИКОЛЕПИЕ

Дальневосточное общество, описанное А.П.Чеховым, а затем описанное самим собою в многочисленных газетах, в романах, появившихся уже в начале XX века, было русским в далёкой перспективе: так светское общество являлось в определённой степени сколком с парижского, и так же в перевёрнутый бинокль можно было рассмотреть ещё общество самарское, томское, иркутское, а благовещенское было уже не разглядеть. Оно уже смыкалось с другими интересами, тихоокеанскими, и начинало жить самостоятельно, отторгнутое от европейских образцов дальностью и обоюдным полным безразличием друг к другу. Лишь какой-то безумный этнограф от искусства забегал сюда в неутолимом желании объять всю «матушку Расею» и втиснуть её под свои твёрдые переплёты.

Китай был ближе, чем Кострома. Японца скорее можно было встретить, чем астраханца. Америка, как единственный белый сосед, останавливала на себе спокойный, интересующийся взгляд дальневосточника.

Всё рухнуло...

Как описать великолепие, которое должно было возникнуть на побережье восточных морей и которое уже существовало помимо бараков и таёжных просек: всегда великолепие существует раньше перемен, ведущих к нему, оно возникает в пейзаже от взглядов первооткрывателей и держится стойко век-два.

Как я люблю Дальний Восток! Какие силы дал он мне, если через тридцать пять лет разлуки я снова и снова нахожу их в себе для любви к Байкалу, Улан-Удэ, Чите, Могоче, Сквородино..! И это не похоже на последнюю привязанность бедняка – мне хватает сил холодно, брезгливо, с жалостью смотреть на столичные русские дела – как мелок стал русский Запад! Редко-редко мелькнет мысль – её тут же запрягают всем колхозом и гонят, пока она не издохнет – снова ждут: вдруг приблизится очередная?

Да, основная трагедия России – отсутствие Атлантики на месте Урала.

ЕЩЁ ТЕМА

С течением лет появляется не только плохое: признаки старения, болезни, всё более и более явственные очертания собственной обычной, не героической жизни – но и хорошее появляется также. Только хорошее, как и полагается ему, не лежит на поверхности.

В своей квартире я вбил в стену крошечный гвоздик и повесил на нём карту Амурской области. Её раскинувшееся на границе с Китаем плотное, сбитое тело с центральной ре-

кой – Зеей, впадающей в пограничный Амур, с хребтами на западе, севере и востоке, защищающими это тело от ветров, это тело, повторяю, с произвольно выбранными в 1948 году территориями, составившими Амурскую область, для меня существует всегда.

Это странно. Возраст нынешней области меньше моего, её границы определили (по-русски, зевая) несколько человек в учреждениях, к которым я в любом случае не могу относиться благоговейно, а влияние их на мою жизнь огромно.

Я кручусь постоянно у этой темы, как бы сам прибитый за несуществующее место.

Я кручусь, собирая, что попадётся. Выменял «Географический словарь Амурской области» и переписал все населенные пункты с населением свыше ста человек в отдельную тетрадку. По районам. Тем самым я как бы загнал миллион человек из 608 населенных пунктов в школьную тетрадку. У каждого пункта есть название, местоположение относительно райцентра, сведения о школах, больницах и фельдшерских пунктах, клубах, отделениях связи – и как выделяются сразу своими десятилетками Иннокентьевка или Новопетровка!

ЖАНР

Свободная форма в условиях путешествия – так можно назвать этот жанр.

Путешествие в самолёте, на поезде, на машине – грандиозно. И более всего подходит к этому путешествию название *эпос*. Да, эпос.

Правда, для эпоса необходимы герои. Даже не герои. Нет. Необходима открытая, честная схватка с жизнью, попытка остановить её всесокрушающее движение, попытка запечатлеть

миг и продлить его. Чтобы он в этой вечности был каждый раз новым, трепетным, роскошным. Замечательное слово – роскошный. Ещё лучше – роскошная. Его побаиваются эпигоны – слишком уж оно безвкусное. Это и хорошо: на тонкой перемычке между абсолютным вкусом и пошлостью размещимся со всеми штабами, со всем жизненным опытом, желаниями, надеждами, разочарованиями и проч. Весь свой двор разместим здесь. И начнём набеги в любую из сопредельных областей.

Эпос.

Начнём, помолясь.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Вступление

Об электричках и ж.д. – в публичке. Газетный вариант – 100 стр. Книга – 360 стр. Эпопея – 8 томов, по числу часовых поясов – 1600 стр (1 стр. = 6 км).

Меняются времена года – я всё еду. Покупаю тёплые вещи, дарю их, снашиваю, выбрасываю. Встречаю людей, с которыми ехал на восток – они едут уже на запад, истории их завершаются, нет ли – а я всё еду на восток.

Обстоятельства: я хочу на родину, заказ газет на серию статей меня подогрел и нагрел, не могу остановиться. Я был на Дальнем Востоке 11 раз. Денег нет, потратил на кирпич и цемент. Пошёл к ювелиру и оставил там единственную драгоценность – золотой зубной протез тёти за 110 тыс.

Траты денег – отдельной строкой.

ЗАЯВКА

гл. редактору газеты «Вечерний Петербург».

В течение августа 1998 года предполагается проехать от Петербурга до Владивостока по маршруту:

Петербург – Москва – Ярославль – Екатеринбург – Омск – Новосибирск – Красноярск – Иркутск – Чита – Большой Невер – Хабаровск – Владивосток.

Средства передвижения – купейный вагон, электричка, автобус.

Остановки в пути по обстоятельствам, не менее пяти в направлении на восток, и не менее четырёх в обратном направлении.

Предполагаемый полный объём – около 10 авторских листов. Газетный объём – произвольный. Периодичность поступления материалов в редакцию – либо по факсу на протяжении августа, либо в сентябре по приезду в Петербург.

Жанр, стиль и содержание корреспонденций совершенно определённы – они должны предельно точно передать смысл названия серии «Портрет России в августе».

Примерная смета командировки:

Железнодорожный билет Петербург-Владивосток-Петербург – 3 100 000 рублей.

Проживание в гостиницах – по 100 000 рублей в сутки (15 дней).

Питание – 1 500 000 рублей.

Итого: 6 100 000 рублей.

Александр Образцов,
19 июля 1998 года.

Прихожу с заявкой в «Вечёрку» – денег нет, вышлем после публикаций. Ну, нет. Город большой. Есть ещё газеты. Торгуемся.

ЗАЯВКА

гл. редактору «Независимой газеты»

на серию корреспонденций

«ПОРТРЕТ РОССИИ ОСЕНЬЮ 1999 ГОДА».

Две причины целесообразности и даже необходимости именно осенью 1999 года «прощупать пульс» России, проехав

10 000 километров от Петербурга до Владивостока, очевидны. Это конец века и тысячелетия, когда все страны и народы мира каждый по-своему будут подводить итоги. И ни в одной стране нет такой противоречивой и даже взаимоисключающей истории, как в России.

Вторая причина путешествия менее глобальна, но более существенна – декабрьские выборы в Думу. Что ждёт страну – осознанный выбор, слепая ярость или вялое послушание?

Таковы общие задачи. Однако должны быть нестандартные, личные причины для такой поездки. Именно они определяют живое наполнение корреспонденций. И они есть. Во-первых, я не раз преодолевал этот путь через всю Россию, потому что родился и окончил школу на Дальнем Востоке. Во-вторых, задним планом путешествия явятся театральные впечатления по всему маршруту: Петербург-Москва-Ярославль-Екатеринбург-Омск-Новосибирск-Красноярск-Иркутск-Чита-Благовещенск-Хабаровск-Владивосток. В театре сегодня зарождается русское общество. В каждой области, при каждом губернаторе уже есть некий эмбрион общественного собрания, развивающийся вокруг областного театра. Я говорю это с ответственностью, так как сам являюсь драматургом, президентом петербургского Домика драматургов. Наконец, в-третьих, надо вспомнить путешествие А.П. Чехова на остров Сахалин сто лет назад. До сих пор не вполне понятно, почему он сделал это.

Каждую неделю предполагается передавать 5-6 страниц по факсу или по электронной почте. Всего будет двенадцать таких материалов. Два (Петербург и Москва) практически готовы и могут быть предъявлены ещё до поездки. Они создадут как бы запас времени.

В процессе поездки может быть корректировка маршрута. В частности, мне представляется не лишним посетить поселок Соловьёвск в 40 км от Транссибирской магистрали в Амурской области – там самый старый золотодобывающий прииск на Дальнем Востоке. Интересен также город Свободный с новым космодромом. Проблемы его колоссальны.

Единственное, о чём я хотел бы настойчиво попросить – не затягивать решение, потому что в ноябре Чита, в частности, коченеет от ветров.

Александр Образцов,
4 августа 1999 года.

Это – вторая из сохранившихся заявок.

В электричке 8-10 вагонов, в вагоне 8 купе основных по 12 сидячих мест, и два крайних, по 10 мест. Встать могут по 6 человек в купе, по 8 в крайних купе, по 24 человека в тамбурах – то есть 116 сидячих и 112 стоячих, итого 228 мест.

Вагон длиной 18 метров, длина поезда 152 метра (8 вагонов).

Пока народ не осознаёт своей национальности, он живёт иной жизнью, нежели когда приходит враг. Это другой народ.

От чистоты окон зависит развитие цивилизации. Так и в электричке: когда окна грязны или оледенели, становится обидно – как будто посадили в ящик, как крыс, и трясут, ждут, когда начнём друг друга есть. Так и коммунисты – посадили страну в ящик и сказали, что куда-то едем впереди всех. Когда помыли окна – батюшки! – да мы ведь на помойке. Сплошная помойка, до самого горизонта. Надо куда-то ехать. Куда? Как? Никто не знает. И есть ли что-то кроме помойки?

Здесь действительно все сюжеты, рассказанные в России. Точнейшая топография, растения, церкви, заводы, реки. Путешествие без срока. Утонул во времени и пространстве. Владивосток никак не наступает. Чем дальше к востоку, тем больше любви, глубины, истории. «Амурская область» длится вообще бесконечно.

Попутчики меняются. Электрички везут по другим веткам – в тупики, в Среднюю Азию, на Кавказ. Дорога змеится, нанизывая Россию на Транссиб, нанизывая на... Но никак не нанизать до конца. Владивосток не наступает. Даже Хабаровск не наступает. Это – слава Дальнему Востоку, эта книга.

Нумерация поездов: скорые круглогодичные дальнего следования и местные – от 1 до 100, скорые летние – от 101 до 156, скоростные – от 157 до 170, пассажирские круглогодичные дальнего сообщения – от 171 до 300, пассажирские летнего дальнего – от 301 до 400, пассажирские разового назначения дальние – от 401 до 600, местные – от 601 до 700, пригородные – от 6001 до 6999.

Дальние – св. 700 км, местные – 151-700 км.

Москва – Благовещенск – 142 часа 51 минут пути, Москва-Владивосток – 156 часов 22 минуты.

Иногда города меняют пол: вначале была Тверь, потом стал Калинин, и снова Тверь. Как это, интересно, сказывается на психологии горожан? Ведь, говоря: – «Я живу в ней», – это совсем иное, чем: – «Я живу в нём».

Пётр изменил пол столицы. И это сразу почувствовали. Это пошло на пользу стране, но и свело её с ума.

Герой-рассказчик должен быть без возраста, пола, национальности. Надо только, чтобы он входил иногда и менял приборы. И объявлял остановки. И хоронил персонажей.

Путешествие в другую, в незнакомую страну.

С матерью солдата и с третьим, бродягой, едем вместе.

Денег нет ни у кого из троих. Каждый зарабатывает в общий котёл. Я начинаю – продаю эти тексты в газеты. Марина продаёт мелкие женские безделушки. Это когда уже совсем не на что спать в гостинице. В гостинице спим по очереди. Стирка. Я в газетах. Связь. Подсчёт возможностей для выживания. Моё журналистское удостоверение (за писательское бьют). Моя книжка пьес «Ленин и Клеопатра».

Я не из тех, кто опирается. Я не шелохнусь, если об меня обопрётся целая страна.

Разговоры о нравственном в России («Я его ненавижу, потому что он подлый» и проч.) так же обычны, как разговоры о деньгах в Европе и Америке.

НА ЖИВУЮ НИТКУ

(От Петербурга до Владивостока на электричке).

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ. I

Петербург. 0 км. 9 сентября.

Я доехал до метро «Приморская» и вдоль берега Смоленки дошёл до Финского залива. Там я спустился к воде по бетонным плитам, рассечённым в промежутках жёсткой серозелёной травой и, для гарантии отойдя ещё метров на двадцать от устья, намочил подошву своего правого ботинка атлантической водой. Ботинок не тёт.

Сразу хочу расставить все точки над *i*. Два месяца, июль и август, я ждал финансирования.

Когда-то, ещё до дефолта мне обещал оплатить купе до Владивостока и самолёт обратно главный редактор «Вечёрки» В.Гронский. Увы. Денег никто не дал. Хотя и для Аэрофлота и для Октябрьской железной дороги дело было копеечное.

Затем я вступил в переговоры через заведующего «Независимой газеты» О.Давыдова с главным редактором В.Третьяковым. В «Независимой» я напечатал за лето десятка полтора статей и очень надеялся. Меня попросили прислать чисто журналистские материалы. Я послал. Оказалось, что они всё равно слишком художественны. К тому же во Владивостоке у «Независимой» появился собственный корреспондент и необходимость в моих статьях отпала. Стала не так актуальна, скажем так.

А ведь я обещал продиагностировать состояние России на всём протяжении её основной коммуникационной артерии – железной дороги – с ослепительно чётким и волнующим маршрутом: Петербург-Москва-Ярославль-Вятка-Екатеринбург-Тюмень-Омск-Новосибирск-Красноярск-Иркутск-Улан-Удэ-

Чита-Хабаровск-Владивосток. Я скромно упоминал о маршруте Чехова на остров Сахалин. Не забывал об установлении братских связей с газетами всех часовых поясов. Говорил о настоящей, далёкой Азии в лице Китая и Японии, не увлекаясь попытками продлить маршрут южнее и восточнее.

Но никому я не сказал о главной причине своего вожделения. Ибо лишь *вождедением* можно объяснить безумно долгое, грязное, скучное и опасное путешествие через всю Россию в вагоне поезда дальнего следования. Я-то знал все прелести такого путешествия. Я-то мотался по семь суток в плацкартном вагоне. Но я готов был мотаться и вдвое дольше, лишь бы проснуться однажды и услышать: «К Неверу подъезжаем. Кто тут до Невера? Вы до Невера? Две минуты стоянка».

О.

О!

О!!!

Я на родине.

Моя родина намного восточнее Байкала и я не был там восемь лет.

После Иркутска, если ехать с востока, Россия мне не интересна. Но я живу в этой чужой для русского человека стране (а только дальневосточника можно назвать с полной уверенностью русским человеком) тридцать пять лет и никак не могу ощутить запаха этой земли. Чем пахнут Москва, Урал, даже Новочеркасск? Ничем они не пахнут, кроме злобы и кислого пива.

Дальний Восток начинает пахнуть лиственницей уже в Бурятии. Он пахнет кетой и брусникой. Там такие томящие роскошные чёрные ночи в августе, так скрипит и сверкает снег в январе, так дружно летят жёлтые ручьи с сопки в апреле и так струится дым с огородов в октябре, что я перестаю ходить и звонить по редакциям и еду на Дальний Восток бесплатно.

Хотя мои обстоятельства плачевны. Разумеется, они были плачевны всегда и потому вряд ли могут быть названы так.

Но в последние годы плачевность моих обстоятельств сомкнулась с плачевностью окружающих – и стало совсем не обидно. Те негодяи, которые сказочно разбогатели, не обладают основной добродетелью русского человека – чувством вкуса и меры, потому завидовать им или ненавидеть их невозможно: я не могу завидовать существам, стоящим на низшей ступени развития, я их жалею. Они даже деньги потратить не могут, их даже богатство не радует, у них глаза злые и непонимающие.

Между тем я тоже не нищий. Правда, у меня нет счёта в банке, нет сбережений и драгоценностей. То, что я зарабатываю, я тут же трачу.

Но на родину я еду бесплатно, на электричках, потому что я сижу без денег. Это раз. Во-вторых, у меня есть инвалидное удостоверение, электрички для меня – как собственная бричка. И в-третьих, я так хочу на Дальний Восток!

Где меня никто не ждёт.

ЛИНИЯ ПЕРЕМЕНЫ ДАТ

Книга 1

Санкт-Петербург, бывшая столица Российской империи, мечта российской интеллигенции, позор русской истории, даже не областной центр.

0 км. 0 м. 0 см.

Петербург – единственный европейский город страны. У него просто нет конкурентов в этом смысле. Многое зависит от того, насколько быстро и качественно будет восстановлен старый Петербург, потому что в новых кварталах *Петербурга* не будет никогда. Помимо обслуживания старого города и связанных с этим городом мощных интеллектуальных слоёв общества, остаётся значение города как обычного промышленного. Город готов к полной открытости на Запад и к перевалке на безбрежный Восток и Юго-Восток (чего лишилась полностью навсегда близорукая Прибалтика). Он может полностью открыться на Север (Мурманск, Архангельск, Канада), неся на своих плечах ещё и многонациональное совмещение спектров. России, русскому в этом смысле будет уделено ровно столько внимания, сколько и остальным.

Петербург – выражение лица России, её осмысленность.

Навалочная – первая платформа после Московского вокзала. Не все электрички здесь останавливаются. Используется в основном железнодорожниками, работающими в депо и в резерве.

Фарфоровский Пост

С какого-то момента Россия вместо мускулов стала обрастать опухолями.

Я еду сейчас по самой длинной в мире железнодорожной линии длиной около десяти тысяч километров от Петербурга

до Владивостока, через восемь часовых поясов от Балтийского моря до Тихого океана, сквозь массивную континентальную Европу до Урала и далее, через всю Северную Азию.

Я не оригинален в самой идее такого путешествия – с начала века русские по своим надобностям терпеливо пересекают по железной дороге пространства своей страны. Единственным действительно стоящим обстоятельством является то, что я еду туда *сейчас*. Единственное же стоящее обстоятельство для меня самого – это то, что я не был на родине, на Дальнем Востоке, почти десять лет.

Сортировочная

Обухово – здесь, собственно, заканчивается город, и Метрострой успел кинуть сюда конечную станцию Невско-Василеостровской ветки перед тем, как перейти в состояние комы безнадзорности. Вся страна, лежащая на моем пути – беспризорная. Но об этом – чуть позже, надо выбраться из города на простор. Электричка бьётся и качается, как возок ямщика. Но здесь просторно, светло, тепло. Хотя и жестковато. Для удобств главного органа прозаиков я взял с собой *пену*, замечательное приспособление, придуманное туристами для путешествующих снобов.

О – а тут и

Славянка – начнём, пожалуй. Пейзаж в окне дачный. Скоро, правда, начнёт наползать своими трубами, дымами и параллелепипедами громадных царских цехов Ижорский завод, но название платформы так и манит, так и зудит. Так и несёт.

Металлострой

Это ещё Петербург, раскинувшийся своими заводами, складами, автодорожной сетью, местами заключения, речками, прудами, магазинами, скверами, кладбищами, домами, домами, домами.

Ижорский завод – это всё близкие, домашние места для Петербурга. И я, пожалуй, в дальнейшем буду придерживаться такого, географического, членения текста. Он будет регулироваться тем единственным и естественным ритмом станций, посёлков, городов, какой придумали люди совсем не для членения текстов.

Январь. Солнечный день. Снег непривычно сверкает. То, что делает хороший снег с землёй, с её подробнейшим рельефом, похоже на работу художника, уставшего от подробностей: всё прописывается обобщённо, миролюбиво, по законам ветра...

Итак, с какого-то момента Россия вместо мускулов стала обрастать опухольями. Когда это началось? С завоеванием Туркестана? Или с выходом к Жёлтому морю, с основанием Порт-Артура?

Какая разница? Мы объелись пространством и оно пошло метастазами.

Из Петербурга я еду днём, «Юностью». Вагон полупустой и два кресла, на которых я расположился с вещами, позволяют чувствовать себя так автономно, как это только возможно в дороге.

Колпино, 26 км – на Приневской низине, р.Ижора. 144,6 тыс. (92 г.). Население растёт. Возник в начале 18 в., с 1722 года развивался как посёлок при Ижорском заводе. Позднее, с появлением железного, медного, якорного производства завод получил название «Адмиралтейские Ижорские заводы». Первые в России землечерпалки, колёсные пароходы, судовые машины. До 1917 года основной продукцией были военные суда. Город – с 1912 года. К 1944 году из 2183 домов сохранилось 327. Полностью восстановлен в 50-е годы. Самый крупный из городов-спутников СПб. Ижорский завод – производит оборудование для атомных электростанций. Памятники: Бойцам Ижорского батальона (1959), мемориальный комплекс на Балканском воинском кладбище (1969).

Поповка

Гремит трансляция: «Европа-плюс» гоняет песенки, беспечные, как лепет младенца, как бляные барашки.

Идёт по вагону парень лет двадцати в чёрной вязаной шапочке, серой куртке, с картонной коробкой:

– Кому мороженое, пиво!

– Почём?

– Бесплатно. Берите!

Молчат. Тут какой-то подвох. Или отравлено. Он подходит ко мне:

– Бери, мужик! Пиво? Мороженое?

– Мороженое.

– На.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Люди! Аукцион! Кто хочет пива за ничего? Спешите! А то дальше пойду. Чтоб потом без обид.

Молчат. Он пошёл в следующий вагон.

Я съел мороженое. Я в поездках всего насмотрелся. Такое – впервые. Мороженое в бумажном стаканчике, шоколадное. Он ещё и палочку дал деревянную. Неструганную, как обычно.

Россия обрастает сама по себе тем, чем считает нужным. Я люблю её, потому что она – моя жизнь.

Саблино

Сто лет назад тридцатилетний Антон Чехов пустился вдруг на Сахалин. Как всякий настоящий поступок, он был и остается необъяснённым. Все ждали от этого путешествия чего-то такого же красивого и свежего, как «Степь». А он привёз «Остров Сахалин», этнографический, вернее, диссертационный материал об острове и его обитателях. Было ещё несколько дорожных писем. И никаких умствований о России. Он почти три месяца пробирался по невообразимым дорогам и ни разу не чертыхнулся по своему поводу. Такова и бывает победа.

Тосно, 53 км – р.Тосна. 33,8 тыс (92 г.) – растёт. Впервые упоминается в 1500 году. В начале 18 века на месте небольшой деревушки возникла ямская слобода на «Большой дороге» из Петербурга в Москву, населенная ямщиками, отбывавшими «почтовую гоньбу». К концу 18 века становится самым крупным населённым пунктом и почтовой станцией на Дороге. В 1840-х годах через Тосно прошла железка. После 1917 года тосненские артели производили обувь, швейные и трикотажные изделия, мебель, стройматериалы. С 1930 г. – райцентр. Оккупирован 28 августа 1941, освобождён 26 января 1944. Город – с 1963 года.

В 18 км к юго-западу находится посёлок Лисино-Корпус, где с 19 века существует учебно-опытное лесное хозяйство. В середине 19 в. построен охотничий дворец и каменная церковь (арх. Н.Бенуа), перестроен главный дом «Егерского училища». С Лисинским лесхозом связаны имена учёных-лесоводов Г.Ф.Морозова, В.Н.Сукачёва. В 50-х годах 19 в. лисинским лесничим был известный публицист Н.В.Шелгунов.

Ушаки

Рябово

Любань, 85 км – р.Тигода (приток Волхова) у южного подножия Балтийско-Ладожского уступа. 4,7 тыс (92 г.) За последние пятнадцать лет население сократилось почти вдвое. Впервые упоминается в новгородских писцовых книгах 15 века как торговое селение. С середины 19 века становится популярным дачным местом. Здесь отдыхали Чернышевский, худ. А.П.Рябушкин (похоронен в Любани), автор проекта и один из руководителей строительства железной дороги СПб-Москва П.П.Мельников (похоронен в Любани). Город – с 1912 года.

Померанье

Бабино

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Торфяное

Чудово, 118 км. На Приильменской низменности, на реке Кересть (приток Волхова). 18,1 тыс. (92 г.) – растёт. Город – с 1937. Спичечная фабрика. Дом-музей Некрасова (жил и работал в 1871-76, летом). Близ Чудово, в с.Сябраницы – дом-музей писателя Г.И.Успенского (жил здесь в 1881-92).

Дубцы

Гряды

Большая Вишера

Малая Вишера, 162 км – на заболоченной Приильменской низменности, в междуречьи Волхова и Мсты, на берегу р. Малая Вишера (басс. оз. Ильмень). 15,4 тыс (92 г.) – не изменяется. Маловишерский посад возник при проведении Николаевской ж д. Позднее приобрёл также значение местного торгового центра. Город – с 1921 года. Железная дорога делит город на две части: южная – деревянная, северная – панельная.

Красненка

Бурга

Мстинский Мост

Верёбье**Оксочи****Торбино**

– Чего вы ругаетесь?

– А меня так научили. Мне пятьдесят лет, а меня не научили по-другому.

– Что вы придумываетесь? С детства вас не научили без мата?

– А как вот мне быть? Я иначе не могу.

Вялка**Боровенка****Заозерье**

Окуловка, 249 км – на Валдайской возвышенности, на реке Неретня (басс. Мсты). 16,9 тыс. (92 г.) – уменьшается. Город с 1965. Цел.-бумажный комбинат (основан в 1856, один из старейших в России). Архитектура: здание ж. д. вокзала и депо (1850), бывшие жилые дома Соина и Зубова (конец 19 в.). В Окуловке родился востоковед Ю.Н.Рерих, сын художника Н.К.Рериха. В 20 км от города, в с. Языково-Рождественское родился Н.Н.Миклухо-Маклай. Близ Окуловки – Валдайский национальный парк.

Угловка

Очень много елей, стройных, совершенных по форме, в наших лесах. Ели похожи на церкви, – конечно же, церкви похожи на ели.

Селище**ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ****Лыкошино****Алешинка****Березайка****Поплавенец**

Бологое, 319 км – на северной окраине Валдайской возвышенности, на озере Бологое. Ж.д. узел – Москва-Петербург, Великие Луки, Псков, Рыбинск. 35,5 тыс. (92 г.) – растёт. Город – с 1926.

Вот и половина пути. Раньше в Бологом за десять минут можно было пообедать: прямо на платформе к поезду накрывали столы. Сегодня здесь самые шустрые в стране бабки с пирогами и с пивом. Они врываются в тамбуры, в вагоны, предлагая «горячие! с картошкой-капустой! рубль штука! не все сразу..! полтора..! кончились! сейчас подругу пришлю!».

Я не вижу признаков разрухи, уныния, тем более отчаяния вокруг. Люди идут деловой походкой, бегают машины. Нет обгорелых домов. Поленницы аккуратно прикрыты.

На домике написано: «Газ! Не курить». Домик стоит.

Или провинции не коснулись голод и разбег людей друг от друга, как в Петербурге? Петербург – столица пенсионеров, вот что. Одиноких пенсионеров. Нью-Йорк – это не Америка, но и Петербург – это не Россия.

В провинции семьи большие, в провинции тётке или сватье не дадут пойти на паперть. В провинции домá в один этаж, с курочками, чушками, картошкой в подполье. Разорить провинцию даже большевики были не в состоянии: она, как Ванька-встанька, тут же поднималась – лучок, морковка, огурчики, яички, сальцо.

Провинции в России не тысяча лет, а пять-десять тысяч. Никакие Дарии и Македонские сюда не приходили. Пришёл Батый, а что такое Батый в сравнении с Кагановичем? С Будённым? Цивилизатор. Батый свежую кровь, татаро-монгольскую, влил в византийские вены. Батый вновь открыл русским ворота на Восток.

Но это спорно. Хотя и обсуждаемо. Лишь бы по башке друг друга не били при этом.

На болоте за Бологим молодёжь сачками добывает мотыля.

Бушевец

Бочановка

Академическая

Леонтьево

Вернулся парень уже без картонной коробки, в компании с двумя приятелями. Пошли по вагону:

– Нумизматы есть? Старую сотню продаю за сотню новую. Иначе продам в другом месте.

Молчание. Они сели играть в карты.

Вышний Волочёк, 364 км – на северо-восточной окраине Валдайской возвышенности. Пристань на Вышневолоцкой водной системе. 64,3 тыс. (92 г.) – уменьшается. Возник на водоразделе Балтийского и Каспийского водных бассейнов. Товары, поднимавшиеся на мелких судах до Николо-столбенской пристани, разгружались и гужом перевозились до р.Цна, где и был Вышний Волочёк. В 1703-22 по приказу Петра под руководством голландцев построили канал, первый искусственный в России. Он был передан в содержание новгородскому гидротехнику М.И.Сердюкову и его наследникам. Позднее канал был расчищен, построены новые сооружения, создано водохранилище. Путь через Мсту и Тверцу в Волгу был од-

ним из важнейших в Европе. С 18 в. в окрестностях стали возникать лесопильные заводы, мельницы, кузницы, появилось судостроение. Но главное занятие – обслуживание судов на Вышневолоцкой системе. К концу 19 в. действовало 15 фабрик и заводов. Город украшали каналы и шлюзы, окружённые садами и бульварами. Драмтеатр. Краеведческий музей. В центре сохранились торговые ряды 19 в., собор 19 в. псевдорусского стиля, на правом берегу Цны, у гранитного шлюза – каменный 2-этажный дом (1703-19), где останавливался Пётр I.

Елизаровка

Осеченка

Спирово

Левошинка

Калашниково

Барановка

Шлюз

Лихославль, 441 км – на окраине Лихославльской гряды. 13,4 тыс. (92 г.) – стоит на месте. Город – с 1925. В районе – добыча торфа.

Это уже к Москве.

Крючково

Кулицкая

Дорошиха

Раздаётся крик:

– Сейчас рубану секирой! Нельзя воровать!

Парень, даритель пива и мороженого, стоит, замахнувшись секирой (где, откуда такой нож для рубки мяса в вагоне?), стоит, сцепившись с приятелем, с которым пришёл в обнимку торговать старой сотней.

Мужики сидят, а между дерущимися сразу возникает несколько баб. Бабы в России бесстрашны. Но здесь и две азербайджанки.

Парню заламывают руки, отбирают секиру, сзади тянут за волосы и колотят по спине. Мать противника, выходящего в Твери, кричит:

– Алёша! Выходим! Алёша!! Две минуты стоянка!!!

Они выскакивают на платформу, а драка ещё длится, затухает долго, крики переходят в быструю неразборчивую речь, затем кто-то вопит:

– Где мои часы..?!

– Олежек! Ну сядь ты..!

Всё стихает. Снова слышна «Европа плюс».

Тверь, 483 км – на верхней Волге, при впадении в неё Тверцы. 455,6 тыс. (92 г.) – быстро растёт. Возникла в 12 веке из ремесленно-торговых поселений при монастыре, по названию реки. Впервые упоминается под 1164. Принадлежала Новгороду, с 1209 – Владимиро-Суздальскому княж. В 1238 якобы разорена Батыем. С 40-х годов 13 века – столица Великого Тверского княж. В Твери велось летописание, сложилась самобытная школа иконописи, зодчества, найдены тверские берестяные грамоты якобы 12-13 веков. В 1466-72 Афанасий Никитин ходил в Индию. Металлический консольно-балочный мост через Волгу построен в 1900. В 1853 открыта первая текстильная фабрика купца Каулина, в 1858 торговый дом Морозовых основал здесь крупнейшую хлопчатобумажную мануфактуру. В 1931-90 годах город назывался Калинин. Немецкая оккупация с 17 октября по 16 декабря 1941 года. Здесь

жили баснописец И.А.Крылов, писатели М.Е.Салтыков-Щедрин, Ф.М.Достоевский, И.И. Лажечников, поэт Ф.Н.Глинка, авиаконструктор А.Н.Туполев, актёр М.И.Царёв, певец С.Я.Лемешев. Театры: юного зрителя, драматический, кукол. Филармония. Цирк. Музеи: историко-архитектурный и литературный, тверского быта «Городская усадьба». Картинная галерея. До 1760-х имела радиальную планировку с узкими улицами, расходящимися от кремля.

Волга, Волхов – почти однозвучие.

Чуприяновка

Кузьминка

Редкино

Завидово

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Решетниково

Клин, 561 км – на севере Клинско-Дмитровской гряды, на обоих берегах р.Сестра (басс. Волги). 95,1 тыс. (92 г.) – растёт. Впервые упоминается в Никоновской летописи под 1317. Входил в линию тверских городов-крепостей на притоках Волги. В 1482 присоединён к Москве. Был родовым имением дома Романовых. При Петре жители, оказавшиеся на Большой дороге между столицами, были «повёрстаны» в ямщики. Здесь жили Чайковский и Гайдар («первый»). Боблово и Шахматово неподалеку.

Покровка

Солнечногорск

Поварово**Крюково****Сходня**

Химки, 640 км – от Москвы отделён кольцевой автомобильной дорогой. На берегу канала им. Москвы (имени себя). 135,3 тыс. (92 г.) – растёт. Возник на реке Химка (сегодня на её месте канал им. себя) в 1850 как пристанционный посёлок. На территории располагались села Куркино (до 1704 – патриаршее село), Козлово, Козмодемьянское (в конце 16 века – вотчина Бориса Годунова), Киреево, дер. Красные Горки и др. С 1830-х – популярное дачное место. Бывали Герцен, Огарёв, Грановский, Погодин, Верстовский, Чайковский, Левитан, Куприн, Качалов, Станиславский. В конце 19 века возникли дачные поселки Новый (на месте Толстоуловой пустоши), Николаевский и Петропавловский, которые, объединившись, стали Химками. После сооружения в 1932-37 годах канала Москва-Волга в городе создан порт, на левом берегу возник пос. Левобережный. С 1937 – рабочий посёлок, город – с 1939.

Москва, на 650 км от Петербурга

Москва не скоро станет европейским городом. Она – перевалочная база. Но она в силу географического положения не может быть такой базой для континента в целом. Две идеальные евроазиатские дороги располагаются южнее: Украина – Казахстан – Монголия – Сахалин, а другая – Чёрное море – Средняя Азия – север Тибета – юг Азии.

Решающая ошибка Петра (очевидная, а потому и имеющая столько защитников) – строительство столицы в Петербурге. Столица в Азове привлекала бы к России дружественные угнетённые турками народы южных славян. Тогда как Петербург постоянно был заморожен соседством с прибалтами,

сохранявшими свое молчаливое сопротивление колонизации на века и так и не поддавшимися ассимиляции.

Отчаянная борьба с турками неизбежно должна была развести Европу и Азию на разные стороны Босфора и Дарданелл. А так Россия, упёршись в германцев, переломала себе зубы, выработала клыки, а сейчас доломала и их. Уделяя южным славянам ничтожно мало внимания, Россия попыталась ассимилировать западных – нелепая затея, имея в виду долгую государственность Польши, Чехии и их явно западную ориентацию.

По сути дела произошедшее: распад СССР, малоуправляемость России – это не вина, а беда России. Это – вина Москвы, которая завершила шекспировский сюжет, начатый главой «Мир как Россия». Столица России неизбежно перейдёт северней. В Кострому, например, где и начиналась.

Столетиями тема «*русские*» искусственно, вынужденно приносилась в жертву теме «Россия, СССР». Даже православие было подчинено идее империи, потому что территория страны была малой моделью мира: от немцев-протестантов до ламаистов и язычников. Теперь тема «*русские*» станет доминирующей, как французская во Франции, испанская в Испании. И это не хорошо и не плохо. Это естественно. И понятна обида татар, чеченцев, якутов. Для них в новой стране не предусмотрено даже того места, которое было. Окраины России также напрасно думают, что могут как-то хотя бы огорчить своего гигантского соседа притеснениями русских в своих странах. Никто в мире не может так терпеть боль, держать удар, как Россия. Никто так не терпелив в завоевании и освоении пространств. Оттуда, где русский родился, его можно только выгнать.

Русские песни, наиболее трогающие национальное чувство в 20 веке, это песни восточные – «Славное море, священный Байкал», «По диким степям Забайкалья», «Бежал бродяга с Сахалина», «Амурские волны». Так же как песни о Волге – мягко говоря, не совсем русской реке – были национальными песнями прошлого века.

Новые песни России ещё дальше: «Будь проклята ты, Колыма», «Ванинский порт», «Над Канадой небо сине».

Как только русский заводит свой стон о какой-то реке, острове или океане – держи ухо востро – его уже тянет туда необъяснимо, мистически, неотвратимо.

Интересно в этой связи то, что об «Афгане» так и не было ни одной застольной песни. Вот что происходит, когда верхи перестают слышать низы.

Если вдуматься, то даже чрезвычайная простота в быту у русских вполне объяснима именно причинами имперскими: простое общество легко принимает в свое лоно инородцев – от татар до евреев. И в этой простоте, когда она не чрезмерна (парадные, дороги, туалеты), есть своя прелесть. И сюда, в эту простоту, с удовольствием сбегаются западные, восточные, южные люди, Интернационалы, арапы и даже высокомернейшие в мире китайцы.

ВОСТОЧНЕЕ ЯРОСЛАВСКОГО ВОКЗАЛА

Около часа ночи со второго пути Ярославского вокзала отходит 44 поезд «Москва-Хабаровск». Полутемно, пустынно. У вагона на корточках сидят трое. Ощущение такое, как будто восточнее Москвы лежит громадное чёрное пространство отчаяния и сдержанной ярости.

В купе мы вдвоём: Володя, сорокалетний начальник цеха нефтеперерабатывающего комбината из Комсомольска-на-Амуре и я. Я делюсь с ним своим ощущением, он отвечает своеобразно:

– Всё в России основано на терпении – помучают, помучают и самим надоест. Если будешь как-то реагировать, то замучают окончательно... Кто мучает? А все. Все друг друга мучают. Даже Президента – теннисиста с бабьей рожей кто-то мучил. Он ведь как-то пожаловался всему народу по телевизору: не мучайте вы меня! Дайте срок отмотать...

В вагоне тем не менее чисто, тепло, уютно. И такие удобства, о каких я даже не слышал: выглянешь в коридор налево – там лампочка горит – значит, туалет занят, направо – не горит – значит, свободен. Оконные стёкла вжаты в корпус герметичными резиновыми валиками. На вторых полках специальные ограничители для тех, кто спит с боку на бок. Оказалось – нашего изготовления вагоны, Тверского вагоностроительного! Могут, если захотят.

Наутро, в ШАРЬЕ, Костромской области, к нам присоединился пенсионер 79 лет, Леонид Михайлович. Вагонные попутчики обычно сразу обозначают уровень своего пищевого сотрудничества: или на стол тут же выставляются из сумок домашние припасы для общего участия, или выставляются непосредственно для себя в момент пользования. Леонид Михайлович, однако, крикнул, весело нас оглядел и решил

идти в ресторан принять сто грамм под салатик. Ехал как-то к дочкам в Свердловск, и эти сто грамм обошлись ему в тридцатку. Мы его предостерегли. Он легкомысленно махнул рукой. Вернулся немного сконфуженный – сотню отдал. Разговор, естественно, зашёл о том, *почему* всё так происходит.

– Виноваты во всём местные начальники, – сказал старик. – Много им дали воли. Я живу в деревне, двенадцать километров от Шарьи, у нас туда электричка. Так вот: дрова мне нужны, – что было раньше? Раньше я выписываю кубов пять, идём мы с лесником, он проследит, чтоб ты сучья сжёг и взял сколько положено. Сейчас мне надо пройти весь этот коридор с бабами раскрашенными, и у каждой подписать сто бумаг. А в лесу зато ты можешь что твоей душе угодно брать: хоть весь лес вывези! Как же этих баб-то бюджетных прокормить, которые бумаги подшивают? Да если ещё каждый начальник себе побольше отряд берёт? Местный начальник нынче – главный враг России. Ему ничего не надо, кроме его конторы. Его контора – это его Россия. У нас в стране, я скажу, миллионов пять Президентов. И у каждого свой отряд. Зачем им моя деревня, к примеру? Он мне телефон обрезал, магазин закрыл, свет даёт только два часа в день. Потому что мы все – пенсионеры, то есть живые покойники. Зачем ему сплавная контора на Ветлуге? Или завод ДСП тут в Шарье, его шведы построили? Ему ведь своей конторой удобно управлять, бумажки передвигать! Зачем ему головная боль эта с заводами да сплавными конторами? Он даже оборудование не станет продавать, он его на металлолом сдаст. И о народе не надо заботиться. Народ картошку посадит, самогонку выгонит, пирожков напечёт и к поезду продаст. Я бы этих местных начальников из «катуш» пожёг. Пенсия у меня хорошая, военная пенсия. Я командиром взвода «катуш» с сорок второго года, шестимесячные курсы в Миассе закончил и получил три орудия под начало. Сначала мы их жгли термитными снарядами, немцев то есть. А потом застеснялись. Шестнадцать термитных сна-

рядов! От деревень после наших налётов одни пни да трубы оставались. А потом стало восемь по девяносто кило. Уже обычных. Но они нас ненавидели! Однажды под бомбёжкой с километр полз по-пластунски, все колени в кровь содрал.

А сейчас в Свердловск еду к дочкам. Жена у меня в прошлом году умерла, на двадцать лет моложе. И дочери её, а не мои. Я её с дочками взял.

А моя жена прежняя ещё живая. И дочка от неё тут же, в Шарье. Всё ходит сейчас, ждёт, что я вернусь. А мне родные как раз те дочери, которые неродные. А эта, в Шарье, из-за матери меня не любит. А та, в Свердловске, очень душевная. И старшая в Душанбе, за узбеком замужем. Хорошо живут, у него ремонтная мастерская. И каждый год я еду в Свердловск, и мы там с дочками душевно встречаемся. Потому что из Душанбе письма не доходят, только телеграммы идут по две недели. А узбек душевный, хорошо живут. Она, старшая, запчастями у него торгует. Едут в Свердловск на машине из Душанбе с прицепом. Запчасти здесь берут, меня встречают. А я уж старик стал. Но не совсем. Пирогі научился печь. Я бы и бабу взял, да уж страшно – целую семью за собой приведёт.

В КИРОВЕ на вторую полку подсел азербайджанец. Он сразу вытащил двухлитровую бутылку под горлышко из-под «Кока-колы», взял у проводника четыре стакана и разлил. Старик заulyбался ещё пуще, я тоже не смог отказаться, а Володя отказался наотрез. Позже, когда азербайджанец Рамиз пошёл в соседние купе со своей бутылкой, он так объяснил свое воздержание:

– На чём они нас ловят? Они нас ловят на том, что мы никогда не отказываемся, когда угощают. Как только русский принял на грудь угощение, его можно брать голыми руками. Ты заметил, как он оскорбился из-за того, что я не выпил? Он свою схему подавления пробует, доводит до блеска. Каждый отказ от водки расшатывает его мировоззрение.

А перед походом в другие купе Рамиз рассказал, как он понимает современную обстановку:

– Наш Гейдар Алиев занимал первое место в мире по дипломатии. Американцы провели конкурс на основании двадцатого века и выяснили, что Алиев первый... Армян вообще не было в древней истории... Что? Великая Армения? И Тигран Великий? А знаешь Иран и его столицу Тегеран? Что такое Тегеран? Это и есть Тигран. Турецкие археологи провели исследование на склонах Арарата. И знаешь, что оказалось? Оказалось, что в прошлом веке армяне закопали там крест, как будто древний. А потом откопали. Так что армян не было вообще. Это были курды... Мы сами албанцы. Слышал Албанию? Вот мы из тех. Только язык поменяли. У нас Баку сейчас весь в огнях. Как Париж. И жизненный уровень приближается. А здесь меня на вокзале поставили к стенке и стали обыскивать. Он меня обыскивает, а я знаю, сколько ему надо. Но меня гордость удерживает ему дать. Я всегда в России даю пятую часть. Если даешь пятую часть, то можешь хоть на танке ездить. Но я даю пятую часть большому человеку в погонах, а когда меня обыскивает мелкий шакал, я просто его презираю... Арбузы в июле? А почему арбузы в июле не могут созреть, если они в Ленкорани под пленкой ещё в феврале посажены..? Какая селитра? Сладкий арбуз, ранняя капуста! Всю Россию кормим..! Каких полтора миллиона азербайджанцев? Мы вам торговлю держим, у вас налаженное снабжение получается. При КПСС у вас принудительное снабжение было, а мы вам сделали рыночное. Товар сам бежит, куда надо. Сейчас вот в Екатеринбурге сбыт найду, потом в Курган гоню КАМАЗы за картошкой. И всем хорошо. И русских у нас в Баку к стенке не ставят, не обыскивают. У нас русские сейчас хорошо стали по азербайджанскому говорить. Ты пропорцию посмотри: у нас русских полмиллиона, а у вас азербайджанцев сто тысяч... Слушай, кто твои доллары вывозит? Твои олигархи доллары вывозят, которые воруют!

И Рамиз, подхватив бутылку, пошёл к соседям.

Перед Свердловском он залез на вторую полку и долго хрустел ассигнациями. Так долго, что мне перед сном этот хруст так же звучал в ушах, как иногда после рыбалки в закрытых глазах качается поплавок.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Эпос

КОГДА СИДИШЬ У ОКНА...

Когда сидишь у окна поздней ночью, то город с его редкими огнями и чёрным горизонтом крыш походит на степь. Странная иллюзия простора длится недолго. Но ты понимаешь, как нужен простор не твоему телу, а взгляду.

Апрельские деревья в сквере пока безмолвны, но их серые тени уже живут. Ты чувствуешь это, как будто ты с ними в родстве. В апреле вспоминаешь, что у тебя есть душа, и она также оживает, начинает тобой хозяйничать.

Когда-то ты был ребёнком, но не здесь, не в этом городе, а далеко на востоке, за восемь тысяч километров отсюда. Возвращаются забытые запахи, забытые лица, дома, сопки, поселковый праздник на стадионе в честь трёхсотлетия воссоединения Украины с Россией, песня из кинофильма «Весна на Заречной улице», вечерние прогулки по шоссе в седьмом классе и многое другое.

ОТЪЕЗД. ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

В половине шестого утра на остановке 123 автобуса ждут первый автобус те, кто *всегда* на первом автобусе. И я. В руке моей толстая длинная сумка, набитая, похожая на поросёнка, офицерский, дарёный шурином планшет также набит, но уже бумагами. На мне куртка из плащёвки, серые брючки, кепун. Мне сорок два года. В голове пусто. Я смотрю на курящих, меня тошнит. Стоит куда-то выехать, начинает хамить желудок. То

давит, то печёт, то изжога, то тошнота. А может быть, не желудок. Никак не удаётся заинтересовать им кого-то из врачей. Зевают, разглядывают сонными глазами снимки, суют кашу в рот. Трубки с лампочками я выплёвываю. Они разводят руками: должен был смочь! Не можешь проглотить – брысь.

Мне ненавистна советская медицина.

Но посмотрим лучше на район Шувалово-Озерки. Дома после подмазки чёрной мастикой по местам протечек выглядят...

Да и строительство тоже.

Город пока тихий, серый. Кашель старика слышен за квартал. В кооперативном доме светится десяток окон, в жэковском – вдвое больше. На проспекте Просвещения зарастают травами, уходят вглубь земли железобетонные плиты, кирпичные блоки, ржавая арматура, застывшие кучи бетона. Громадная пустошь перед домами напоминает мне о вчерашнем письме.

Я иногда пишу письма в Редакцию. Так и надписываю конверт: «*Письмо в Редакцию*». Без обратного адреса. Мне кажется, что так письмо будет долго ходить по коридорам почт, вокзалов, аэропортов. Оно будет слоняться там, в загадочном мире сортировок, и – кто знает – может быть, у них есть какой-то выход на Редакцию всего этого дела. Так, неофициально. Стоит некая фефела, разбрасывает бандероли, пакеты по ячейкам, и вдруг неуловимым движением руки швыряет конверт со странным адресом: «*Письмо в Редакцию*» в никуда. Так вот – в никуда. Оно пропадает из обихода. Его нет ни в ячейках, ни в мусорных баках. Оно пошло по назначению.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 1

Все чётче вырисовывается страшная картина запустения в России. Как бы после кошмарного сна открывает народ измученные глаза.

Статистика знает всё. Нигде ложь прошедшей эпохи не оставила таких следов, как в точнейшей из наук – статистике. Нам пока неизвестен урон, нам нанесённый. Подсчёты будут горестны, ошеломительны. Десятки миллионов потерянных жизней, испоганенная земля, безжалостно вырванные сырьевые недра.

Что за смерч прошел по земле? И почему, несмотря на все мыслимые и немыслимые преступления против этой земли и народов, её населяющих, она всё ещё сильна, всё ещё могущественна?

Статистика знает всё. Темпы промышленного развития России и США с 1860 по 1913 год были одинаковы, а в период с 1906 по 1913 год Россия догнала США и по *абсолютному* приросту промышленной продукции («Справочник по экономической географии капиталистических стран», Москва, 1959 год, стр. 45-46). Интеллектуальная, духовная мощь России была обеспечена именами Чехова, Толстого, Менделеева, Павлова, Чайковского – что за имена, что за сказочная мощь! Сейчас мы гремим на весь мир именами Сталина, Берии, Брежнева. Наше искусство породило карликов и уродов. Наша наука славна изобретателями оружия.

Бисмарк, выпуская в употребление К.Маркса, предполагал, *чем и для кого* будет опасна идеология, ставящая себя *шире*, чем объективно существующая реальность. Мир, едва-едва тронутый познанием, объявлялся понятным и готовым к переделке! Что за самонадеянность, хочется воскликнуть! Но не будем спешить.

Марксизм, как новейшее оружие, был направлен Европой подобно Троянскому коню против зарождавшихся, нестабильных восточных и колониальных структур. Сейчас это становится окончательно ясным.

Почему только сейчас?

Потому что надо было пройти весь путь – до Кампучии, Брежнева, Китая. Надо было дотошно исследовать все возможности, все углы в этом тупике, чтобы убедиться – *здесь*

нет пути! Родные русские люди, нас обманули! Нас, доверчивых, сильных, натравили друг на друга в гражданской войне, организовали взаимное уничтожение в 20-30 годы, бросились добивать в 1941 году, и когда народ остаточной мощью своей сломал всё же фашизм и ринулся в Европу, *освобождая* ... Что тогда? Освободительный порыв мгновенно был изменён, исковеркан. Мы стали из освободителей *оккупантами*.

Европейская тайная мысль, устранившись народа, трижды уничтоженного и трижды воскресшего, сосредоточила все свои атаки на *идеологии*. Нараставшая из года в год *идеологическая* война неправильно нас ориентировала! Мы стали защищать не свою сущность, силу, правоту, а чужое, искусственно возникшее, европейское же изделие! Они и здесь оказались *хитрее* нас.

Но страна, в четвёртый раз уничтоженная так называемым «периодом застоя», и на этот раз выхватила сама себя за волосы из пропасти, куда уже летела.

Так будем же бдительными, терпеливыми, не помнящими зла и на этот раз!

Может быть, шанс, который дан не только нам, а всему человечеству, будет последним. Наши гуманисты и философы дали нам много живых наставлений, по которым именно мы, наша страна и должны жить, имея в виду свой исторический сложившийся характер и условия обитания.

Не надо ничего менять силой. Надо только расцепить судорожно сжатые руки и заставить расслабиться мучительно стиснутый рот. Может быть, ещё удастся улыбнуться.

В МЕТРО

Письмо я опустил в почтовый ящик у метро «Удельная». Но всё равно ощущение тяжести, лунки, буксовки не пропадало. Даже поезд в метро остановился перед «Пионерской», попробовал пойти дальше, дёрнулся несколько раз – и не смог.

Пришлось ему чуть раскатиться назад и только после этого двинуться по маршруту.

Очень много старух в метро рано утром. Можно увидеть рабочих старух лет 50-55, давно забывших о том, что у них есть лицо.

Ближе к Невскому толпа меняется. Время более позднее – рабочих меньше. Появляется в толпе лёгкость, люди хорошо поспали. Исчезает угрюмость от пережирания, похмелья, ежедневной злобы.

К «Московской» толпа редет, люди уже транзитные, совсем лёгкие, одетые по желанию и вкусу.

Автобус на аэропорт.

ПОЛЁТ (ИНФОРМАЦИЯ)

Вылет в 8.00. Самолёт Ту-154. Ленинград – 3,5 часа лёта – Томск – 2 часа 20 мин. лёта – Чита – 1 час 40 мин. лёта – Благовещенск – Владивосток. Прибытие в Благовещенск в 20.20. Плюс шесть часов разницы. Я буду там в 2.20, ночью.

Место 7«в» – не самое удачное место. Лучше соприкасаться с иллюминатором. Хотя – в безбрежном океане неба, в сияющем прологе космоса и неизвестного измерения под названием «рай» – лишние сантиметры прохода не бывают лишними: колено выставить, локоть свесить...

КАПИТАН

Бойкий румяный капитан с чёрными, как будто лакированными волосами, обладатель места 7«б», вертя головой налево-направо, больше налево, к морщинистому сероглазому владельцу кресла 7«а», говорит:

– Я думаю: что это мои казахи всему рады? Они у бани коноплю оботрут..... и стоит у тумбочки..... «АКМ» с двумя рожками!

По проходу с растерянно-развязными лицами ходят призывники ВМФ. Каплей с юным лицом, светлыми усиками рассаживает их, не поддаваясь на ленинградские внеуставные приглашения подружиться. Будет вам дружба, салаги!

– Почему не на своем месте?

– Там бабушка, капитан.

– Уберём бабушку, – улыбается каплей. Но глаза ледяные.

– Зачем? Хорошая бабушка.

Я поворачиваюсь. Бабушка в платочке держит на впалом животе татуированные руки.

– А удмурт у меня есть, из Глазова, – капитан толкает меня локтём. – Я думаю: что это мой удмурт всему рад? А потом мне человек говорит: подбривает, следовательно, височки и проборчик безопаской, наливает в шапку ацетон и ходит в шапке по казарме – вот такой сейчас советский солдат! Будучи дневальным. Замечательная история есть из военных лет. Двое технарей решили, следовательно, вмазать. А вмазать есть два литра этилового или метилового спирта. Как определить? На этот случай у них постоянно был Дружок. Полстакана Дружку – Дружок хвостиком виляет. По стакану себе. А Дружок лёг. Дружок лежит, они бегом в санчасть. Двое суток промывают себе верхние и нижние пути, по пять вёдер воды на брата. И что? Выходят, шатаясь, следовательно, на крылечко, а Дружок хвостиком виляет! Ещё замечательная история в совхозе. Тоже отсутствие рыгаловки. Старик, алкаш. Лето. На триста километров вокруг сухой закон по просьбе сельских сходов. А старик каждый день ночует в бурьяне. Где, как? Самогон, надо сказать, на Дальнем Востоке не имеет корней. Следовательно? И тут тоже дело оказалось в лысой голове. Он наливает в шапку дихлофос и ходит среди трактористов, всему рад.

– Капитан, кончай базар, – говорит его сосед. – Истории совершенно бессмысленные.

Обида капитана совпала с проверкой турбин: свист, тряска, красное капитанское лицо. Самолёт вдруг легко побежал по полосе, быстрее, быстрее...

–, – говорит мне капитан. Высоты мы ещё не набрали.

– Что?

– местами поменяемся! – кричит он мне в ухо.

Через десять минут он уже спит, похожий на дошкольника, если бы не малиновые петлицы.

– Спасибо, – говорит сероглазый. Его короткие щетинистые усики на тёмном лице, ёжик полуседых волос и белая рубашка с галстуком настраивают на томское учебное заведение.

– За что?

– За то, что избавили от зануды.

Мы замолкаем.

Кажется, самолёт ещё не начинал всерьёз лететь: то выбирается на высоту, то примеривается к курсу, обходит какие-то горки, ямы, воздушные ловушки. Но он летит. Поезд на скорости 150 километров в час ревет, как ураган, проносится, как молния. Здесь мы ползём над девственно-белыми сугробами облаков медленно, плавно. Как в лодке.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 2

Общинный и одновременно уединённый характер русского человека определил его судьбу: в нём нет привычки начальствовать над людьми. Потому в начальники шла всякая шваль. Это дело было как бы лишнее, зряшное, несерьёзное.

Это выражается и в выборах этого века, и в приглашении варягов, монголов, татар, немцев, евреев.

Русские цари только на первых порах, шалея от инертности народа, пытались его «воспитать». В дальнейшем они сами попадали под *обаяние* этого народа и прекращали править (Федор Иоаннович, Александры I и II, Николай II, Брежнев).

Все беды русской истории – от этого стремления «перевоспитать» народ, сделать его похожим на всех.

Я, русский человек, не могу и, главное, не хочу руководить никем. Даже слава мне представляется всеобщим умилением, радостью от того, что я такой хороший и всех обрадовал.

Русские бунты, революции случались в периоды растерянности народной, потери ориентации. Они не злобны по сути, так как народ обижается на самого себя, себя бьёт.

Это вот: «Идите к нам! У нас хорошо!», – объясняет всю русскую колонизацию.

Вот и сейчас: русских обзывают, презирают, плюют в лицо, а они растерянно улыбаются, смущаются, помалкивают.

Они искренне убеждены, что «у нас хорошо», и по-медвежьи ломают кости тем, кто хочет уйти из объятий.

Они неловки, топчутся в прихожей, восхищённо цокают языком на любую безделицу из-за границы, но у них ослепительные пляски, душу переворачивающие песни, неповторимое образное мышление – и всё это они в грош не ставят.

Я настолько русский человек, что по себе могу изучать черты народа. Мы совпадаем почти абсолютно.

ДЕМОГРАФИЯ

В те времена никто не интересовался населением.

Со мною всё это случилось в девятом классе. Я вдруг начал ходить в библиотеку треста «Амурзолото», брать том за томом «БСЭ» и выписывать в тетрадку города и их население. Я писал: «Аахен – 148,9 тыс. чел. (оц. на 30.XI. 1955 г.), Аугсбург – 202,7 тыс. чел. (оценка на 1.I.1956 г.), Баня-Лука – 37,8 тыс. чел. (перепись 31.III.1953 г.), Брисбен (шт. Квинсленд) – 502,4 тыс. чел. (переп. 1954 г. с пригородами)»...

Я купил в синем книжном магазине книгу А.Г.Шигера «Административно-территориальное деление зарубежных стран» и впился в неё с такой страстностью, с какой должен был бы выпиться во что-то иное. Сейчас я знаю, как я был прав.

Как я бывал разочарован городами ФРГ! Они никак не хотели расти! А города ГДР? Они вдруг начинали уменьшаться! И Карл-Маркс-Штадт, и Галле крутились у черты в 300 тысяч, то превосходя её, то позорно сползая вниз. Я любил Болгарию. Там вдруг целая поросль небольших городов побежала к 100 тысячам – Русе, Бургас, Стара-Загора, Плевен... А Бразилия? Я отказывался верить своим глазам, когда Сан-Паулу вдруг опередил Рио-де-Жанейро и начал обставлять города США – Чикаго, Филадельфию, Лос-Анжелес...

Город Свободный, где я сидел в библиотеке треста «Амур-золото» в полутёмном коридоре под недоумевающим внимательным взглядом библиотечарши, испытал довольно бурный рост после революции, неожиданно перестал расти. Или рос так медленно, по 0,5-1 тыс. в год, что следить за этим было нестерпимо скучно. То ли дело Ангарск! Или Братск! Да хотя бы и Хабаровск с Владивостоком – скоро, ох скоро двойные кружочки на картах зальют середину в синий цвет! Как красив город с населением свыше 300 тысяч жителей! Это сравнимо только с появлением миллионера, заштрихованного в наклон. Или кружочка с точкой посередине, пятидесятитысячника. Пятидесятитысячные города возникали из небытия в прямом смысле слова. Кто до переписи слышал об Усолье-Сибирском? Или о Шадринске? Вряд ли кто-то в этих городах радовался так, как я, увидев на новой карте СССР за 14 коп. вместо кругляша, выражающего лишь присутствие человека в данном месте земли – кружок с точкой посередине! В Нью-Йорке 1800 года было 79 тысяч жителей, а в Лондоне 1400 года – 45 тысяч.

Одна мысль не давала мне покоя: почему во времена, когда на Земле жило мало людей, было так много знаменитостей и талантов, а сейчас их не стало совсем? Ведь когда в школе мы изучаем хотя бы дедушку Крылова, то даже мысли не возникает поставить рядом с ним, например, Александра Фадеева. Из современных художников или композиторов я не знал практически никого. Я не знал, кроме членов Президиума ЦК,

никаких московских знаменитостей. Мне и мысли такой в голову не приходило, что в наше время могут существовать великие люди.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 3

Сталин был, несомненно, гением зла. Он оперировал такими сложными, противоречивыми понятиями, которые его предшественникам и не снились.

Он – единственный в своем роде торговец воздухом. Идеи он превратил в товар и материализовал их так же легко, как Воланд.

Система оказалась устойчива и непробиваема потому, что он не ставил впрямую ни на кого – ни на старую гвардию, ни на новую, ни на народ. Он ставил на себя и на идею. Как Демон, отказав Богу в существовании, сказав в семинарии «его, оказывается, нет», своей жизнью Сталин доказал существование Бога, волю соединив с идеей и добившись ошеломляющего результата.

Продавец воздуха – он построил из иллюзий целый мир. Основное его достижение в том, что он каждому дал эфемерный шанс. Как это ни смешно звучит – но он каждому человеку дал возможность прославиться, поднимая на уровень государственности заслуженных шахтёров, телятниц, железнодорожников, создавая возможности невероятных карьер для обычных, ничем не замечательных людей – в партии, государстве, НКВД и т.п. Мог быть отмечен каждый – и каждый мог погибнуть.

Это было подлинно народное государство. Государство победившего социализма. И дата построения социализма, то есть полностью послушного, управляемого общества, Сталиным определена предельно честно – 1937 год.

А коммунизм, его чертёж уже был готов после войны – это «Книга о вкусной и здоровой пище». Так что – никакого обмана. Фирма гарантирует.

ПОЛЁТ

– Уважаемые пассажиры, если есть желающие посмотреть на Байкал – пожалуйте, слева по борту.

И точно: в позёмке облаков – лужица, уходящая в белесую даль, низ.

Горят леса под Читой, до самого горизонта. Яркая змейка бежит навстречу ветру.

Увидев сверху при посадке деревянные улицы Читы, впервые понял – родина.

АЭРОПОРТ. БЛАГОВЕЩЕНСК

В ночь на 8 мая в аэропорту Благовещенска я спал, укладывая себя в кресло так хитро, как только может деревенеющий человек. И всё время удивлялся, просыпаясь – мне ведь так неудобно, а время почему-то идёт?

В 6 утра я съел бледный омлет с иссиня-чёрной коркой, обозначающей в общепите, очевидно, «Пережарено, микробов нет!», выпил стакан псевдокофе с рассыпчатым свежим коржиком и ещё раз с удивлением обнаружил, что выспался, наелся и чувствую себя очень бодро. Страдания бичей от жизненных неудобств преувеличены.

Туалет в благовещенском аэропорту страшноват, но после Читы любое сортирное советское предприятие уже не кажется безнадежным (меня, правда, ещё ждал впереди сортир на станции Большой Невер).

Я еду в Благовещенск из аэропорта, *усердно* глядя в даль. Всё ещё серое, ёлочное, голое, хотя вчера было +24.

И рядом с коробками советских серийных безобразий – старые благовещенские деревянные дома с резными ставнями, воздушными четырёхскатными крышами с кружевным подбоем, глазастые, со строгими, спокойными окнами. Такой дом, даже покосившийся, ветхий, не теряет своего дос-

тоинства, образуя с окружающей прямоугольной перспективой улиц, с прижитыми разнообразными черёмухами и рябинами неповторимый восточносибирский, дальневосточный облик.

ЕЩЁ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Единственная, видимо, задача апрельских тезисов была – раздражить гусей, напомнить о себе, заставить кричать о себе на всех углах. Это – кофта Маяковского, пошитая так же хладнокровно, рационально, жестоко. Ленин добился своего. Одним выступлением он стал из эмигрантишки, фразёра, крикуна гигантской, циничной силой, взявшей в союзники тёмную злобу, которую выпустил из опечатанной самодержавием бутылки Февраль. Удивителен не приём – он был всегда, и в Риме, и где только не был, – удивителен результат. Обычно результат бывал локальным и касался личности авантюриста. Здесь же приём, как катализатор, привёл к мгновенному противостоянию: мы – они. Вдруг легко стало определиться по формальному признаку: если ты нищ или мгновенно хочешь стать нищим – ты наш; если ты нищ и хочешь стать богатым – ты брат, достойный сожаления за свою слепоту; если ты уже или ещё не нищ – ты враг.

Схема железная, и она как будто закрепляла ситуацию на века. Но дело всё в том, что не учитывалась одна категория лиц: тех, кому совершенно безразлично было, нищ ты сам или не нищ.

Именно эту категорию пытался нащупать Сталин. Она сидела, как ничтожная, но доводящая до исступления неотделимостью от организма занозка. Сталин был выше Ленина тем, что он *знал, ощущал* убожество схемы ввиду существования «категории лиц», и его попытка борьбы с этой категорией – из попыток космических. Он знал, на что шёл. Он знал о том, что его, Сталина, любить невозможно по многим причинам,

но он страстно желал этой любви, слепой, народной, даже любви из страха, больше того – из ненависти. Он и этого добился: ненависть к Сталину была так сильна у некоторых *рационально* мыслящих людей, что переросла в обожание, в преклонение под маской ненависти, часто незаметное для самого человека. Но он упустил «категорию лиц». Он поскользнулся в крови не в 30, не в 34, не в 37, 38 годах. В войну он был уже мёртв. Где-то в 39-40 годах, в «*тихое*» время он каким-то случаем был срезан. Как-то вдруг. Скорее всего, проскулил кому-то на ухо, как ему плохо. И тут же прихлопнул человека. Ни тот, кого он прихлопнул, ни кто-либо из окружения не поняли, что и почему. И для Сталина это было неожиданно, нелепо – вдруг заскулил. И перед кем? Перед случайным, не понявшим ничего человеком. И этот жест досады из-за того, что проскулил, и – тут же – прихлопнул свидетеля, как мошку. Да. Но мгновенно чья-то громадная ладонь прихлопнула его самого, тем же жестом.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Когда ты в тёплую майскую ночь прилетел в город, где у тебя нет ни одного знакомого, и вошёл в маленький зал ожидания аэропорта, где на колонне в синем стеклянном квадрате написано «Категорически запрещается провозить в ручной клади и в багаже *ртуть* и предметы, содержащие *ртуть*» (а во рту можно? нет, чиновник никогда не заключит в инструкцию весь мир), и поставил свою ёмкую, приземистую, как такса, сумку в ячейку автоматической камеры хранения (так вот почему нас называют азиатами – из-за подражания китайской имперской бюрократии), и положил кепку на областную газету «Амурская правда», а потом вышел не спеша на бетонные ступеньки, в ночь, – разве тебе надо спешить в город, расположенный за 18 километров? Куда? К кому? Ты прилетел встретиться сам с собой, которому меньше (нет, видимо,

под азиатами в этом случае подразумевают монголов) на двадцать пять лет – и это не плохо, не грустно, не жутко.

Тёплая майская ночь. От Байкала на тысячи километров горят леса – эти яркие жёлтые змейки, коронки, бусы брошены во тьму. Вместе с ними в стекле иллюминатора твои кварцевые часы со стальным браслетом, щека худошавая, прошлую ночь почти не спал, собирался в Ленинграде в дорогу, и когда вышел из подъезда, вспомнил, что забыл одну только футболку.

Всё чаще я думаю так: нет, не сильные страсти, не зубодробильная ностальгия, не успех в зале театра или института являются проявлением счастья. Спокойная, уверенная стойка человека, точно отмеряющего взглядом размеры события – только этому стоит учиться, это любить в себе.

Эпос – это то, что не имеет источником книгу.

ЕЩЁ БЛАГОВЕЩЕНСК

Мне так хорошо на родине, что я не могу спать.

С утра 8 мая стояла какая-то жёлтая, ветреная погода. Ветер дул из Китая, из-за Амура, горели леса, и было тяжело, дымно в голове, шло некое забалтывание самого себя.

Я приехал в гостиницу «Юбилейная», намечая, что меня встретят удивлением, удовольствием за мою столичность, важность. А меня продержали больше часа трое тёток, сформированных при прошлом режиме, и я понял, что важность и столичность здесь определяю не я, а они. Это они привыкли решать, важен ты или нет. Меня они возненавидели (спокойно, впрочем) за ту важность, которую я сам себе присвоил, за несоблюдение этикета.

Поэтому, когда я вышел небритый со своей сумкой-таксой на чистейшую площадь перед бывшим обкомом, гостиницей «Юбилейная» и Китаем, во мне уже не было важности и столичности.

В таком состоянии я и пошёл. Идя по плоскому, деревянному городу среди неизвестно откуда появившегося множества машин, без знакомых, связанный необходимостью внедриться в этот город, чтобы получить для эпоса какие-то крохи, вошёл всё же в драмтеатр (зачем?), крашенный изнутри десятки раз масляной голубой краской по краске, с деревянными полами, со знаменем, кривенько, заброшенно стоявшим на тумбе в фойе. Знамя какого-то вишнёвого, липкого цвета, измаявшееся на эшафоте, покорно склонившееся навстречу зрительским усмешкам. Здесь было до революции Общественное собрание.

Не понравились мне лица. Но пьесы я им оставил. Когда заранее решишься что-то потратить – тратишь без всякого смысла, автоматически. Но лица... Нищие, изверившиеся, мелкие. Зато чугунная калиточка в ограде, когда я выходил из парка, в котором драмтеатр размещался весь, кроме фасада, – чугунная калиточка настоящая.

И пошёл я поесть, чтобы избавиться от сиротства. В кафе «Лакомка» развеселила среди пирожных буфетчица своим разбойничьим видом.

В ресторане «Зея», в низком побелённом зале меня обслужила ещё одна, но смешная, разбойница. Поверх пудры и румян она тонкими чёрными линиями нарисовала губы, глаза и прочее. Бедняга лет пятидесяти за моим столом, в чёрном костюме, синей нейлоновой рубашке и чёрном галстуке с дальневосточным лицом каких-то сложных кровей под её гипнозом заказал множество мяс и супов, а я взял икру минтая, блины и чай, чем принудил её к ответным действиям. Блины она не несла долго, любезничала с двумя артиллерийско-танковыми капитанами (вот здесь я развеселился, вспомнив Свободный двадцатилетней давности – да! офицеры, как и во времена Чехова, – это счастье рисованных официанток).

Я долго стоял на улице, ведшей к Амуру, решая и решаясь зайти в газеты. По-прежнему несло дымом, я не видел смысла в том, чтобы печатать что-то в газетах, и видел смысл. Так,

видя и не видя, я делал несколько шагов к Амуру, и снова смотрел на двухэтажный дом с метровыми стенами, публичный дом в начале века, редакцию газеты «Амурский комсомолец».

И пошёл.

Трогательны обиды провинциальных интеллигентов. Но это глубокие, настоящие обиды, от которых дребезжат столицы.

Пришёл посреди обид художник – непрерывно работающий человек. Он делает то, что можно смотреть, оценивать умозрительно.

А в мастерской, где стоит дубовый американский стол с зашторивающейся крышкой, мы сидели втроём, с одной старой провинциальной актрисой, и говорили о театре. Я вдруг попал в другое измерение, в начало века. Даже непонятно, как это произошло. Как актриса в Благовещенске сохранила полностью начало века? Как будто вырезали кусок времени. Я говорил о Товстоногове, а она слышала, видимо, «Станиславский». Я говорил «Петербург», она слышала «Александринка». Художник, похожий на артиста Лебедева, показал несколько рядов саженьцев. Из Михайловского он привез дубки, ёлочки, чтобы посадить в Благовещенске. Чудные люди. Чудные.

Нет, не могу я спать. Погромыхивает от сквозняка дверь номера. Пахнет дымом. Пока темно. Часов в шесть пойду в город.

ИЗ ГАЗЕТЫ

Замечательная фраза из газеты «Амурский комсомолец»: «На углу Ремесленной улицы, где сейчас поликлиника водников, был архиерейский дом – и это первое кирпичное здание от начала Большой улицы».

С востока Благовещенск омывает Зея, с юга – Амур. Причём Зея здесь шире и многоводнее Амура. А также Днепра и Хуанхэ.

«Северная часть города соединилась с деревней Астрахановкой, которая раньше была в семи верстах..., на запад улицы давно ушли за Загородную улицу, окраину города...»

В 1912 году Благовещенск был деревянным городом (им и остался, к счастью – А.О.), лишь кое-где были каменные дома (не кое-где. Великолепнейшая набережная Амура и старый центр застроены на удивление – А.О.). Три пожарных каланчи, все сохранились. К рукояткам насосов обычно становились добровольцы, сбегавшиеся на пожар. Дежурный по каланче отбивал колоколом время суток.

Многие угловые дома были заняты под небольшие магазины («лавочки»). Вы можете их увидеть и теперь, заделанные двери лавочек, кабаков, парикмахерских. Владельцами лавочек были китайцы. Там можно было купить муку, хлеб, крупы, масло, соль, сахар, пиво, квас, керосин, гвозди, посуду и т.д. Парикмахерскими владели японцы. На перекрёстках стояли торговые киоски, построенные в стиле теремов. Продавали развесной пищевой товар. Помещение не отапливалось. Утеплённым был чердак с небольшой печуркой, там жил хозяин.

Любимым зимним лакомством для детей были китайские липучки. Хрустящие, с воздушными прослойками жёлтые мороженые палочки! Вкуснятина ни с чем не сравнимая! Говорили, что китайцы их делают из проросшего овса. На 15-20 копеек – фунт липучек.

Мороженое тоже продавали китайцы. Они возили на двухколёсных тележках бак со льдом – в нём второй бачок с мороженым. Порции отмеривались вафельницей из жести на 1, 3 и 5 копеек. За 5 копеек – примерно половина нынешнего брикета.

Китайцы жили на северо-западной окраине, в Китайском квартале. Узкие улочки застроены были мазанками с деревянной трубой, выводившей дым из очага и обогревавшей каны-лежанки. У дверей многочисленных лавочек висели громадные кисти-цилиндры из разноцветных лент – знак торговли.

Китайцы кроме торговли занимались ремеслом и огородничеством. Это были отличные сапожники, стекольщики, паяльщики, столяры, пильщики, портные, и даже специалисты

по склеиванию разбитого фарфора и фаянса. Огородники доставляли овощи прямо на дом в двух громадных мелких корзинах на коромысле: «Ледис! Лука! Помидрала!».

Картошку выращивали корейцы на хуторах за Зеей, и в пяти верстах по Новотроицкой дороге. Сейчас там Чигиринский совхоз.

Большая (Ленина) улица не имела покрытия, тротуары там были из плах. Посадок деревьев не было. Больше сотни медных проводов несли электричество и телеграфные сообщения между столбами.

Начиная от Зеи Большую улицу пересекали: Набережная, Невельская (Первомайская), Корсаковская, Бурхановская, Ремесленная (Чайковского), Семинарская (Политехническая), Театральная, Кузнечная, Столичная (Трудовая), Бусовская, Чигиринская (Островского), Садовая (50 лет Октября), Благовещенская (Пионерская), Мастерская (Шевченко) – центр города – Американская (Интернациональный переулок), Торговая (Богдана Хмельницкого) – здесь в двухэтажном кирпичном здании был **«Оптовый магазин Чурина»**, а площадь, прилегавшая к Большой между Торговой улицей и Американским переулком, называлась Чуринской. Фасадом к площади стоял универсальный магазин «И.Я.Чурин и К°», сейчас там Дом пионеров; поперёк Торговой улицы, ближе к Амуру стояло громадное сооружение – **«Царские ворота»**, сооружённые в память посещения Благовещенска наследником, будущим императором Николаем II по пути из Японии (тогда Благовещенск был крупнейшим городом за Байкалом), Базарная (Дружбы) площадь, Графская (Калинина), Никольская (Комсомольская), Городской сад (по периметру был огорожен высоким глухим забором, вход для гуляний был платным, вечерами играл духовой оркестр), Офицерская (Мухина), Артиллерийская, Загородная.

Здесь заканчивалась Большая и начиналась Суворовская, где были казармы Благовещенского гарнизона».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Когда в доме покойник, надо сидеть тихо. Поэтому нелепы пляски интеллигенции после 56 года.

ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ГОРОД В ТУМАНЕ

10 мая я вышел с фотоаппаратом, запланировав писать *эпос* обстоятельно, имея под рукой фотографии старых зданий. А для того, чтобы их не спутать, не обезличить, я должен их фиксировать. И, проходя мимо ограды, за которой была стела, скорее всего памятник погибшим в этой войне, потому что всё, что нужно было для войны гражданской, поставлено давно и имеет своеобразный, немного пряничный вид – так вот, проходя, я вынул из сумки блокнот и понял, что моя тщательно запланированная акция провалилась – ручки не было. Когда ещё откроют газетные киоски.

Лишь позже я понял мягкий юмор управляющих мною сил. Очень уж всерьёз я решил создавать реалистическую, этнографическую основу *эпоса*. Очень уж рьяно. Разве имеет смысл хоть что-то, взятое отражённо?

На чём мы все горим? На поисках аналогий. Возникает проблема и вместо того, чтобы решать её так, как удобно и свойственно тебе самому, ты ищешь прецедент. Не надо прецедентов. Жизнь беспрецедентна! – так вот я немного выскочу из свойственной мне сдержанной манеры.

ОДИНОКИЙ ПОГРАНИЧНИК

Необычайно чистый асфальт в Благовещенске. Потрескавшийся, в заплатках, но очень чистый. По городу, во всяком случае, по его центральной улице им. В.И.Ленина (для удобства буду называть её первое имя – Большая) можно ходить в тапочках. Как Пушкин в Летний сад, я в тапочках в Китай.

Я был удивлён. Не было Амура. С набережной, высокой, гранитной видна была бутылка из-под шампанского в жёлтом камыше, затем сухое дно безо всяких водорослей, затем длинная лужа, затем угадывалась в тумане узкая полоска воды. По дну Амура, метрах в ста пятидесяти задумчиво бродил кто-то. Я подумал вначале, что это один из физкультурников забрался туда, один из бегунов трусцой, и мне высверкнуло, что Китай – вот он, рукой подать! Нет границы..! Но тут же я понял, что это пограничник в полутумане, с закинутым на спину автоматом.

Этот пограничник думает сейчас о том, как он будет рассказывать через год-полтора в какой-то компании: «Хожу я по Амуру, туман был на десятое мая, а в Амуре воды не осталось – сушь, леса горят...», и здесь он вдруг замолчит. Он вспоминает, что ходил он по Амуру беззаботно и по-домашнему, как в тапочках по квартире, и все инструктажи и наставления в те минуты были ему смешны. Друзья! Китайцы! Китайки! Давайте устроим праздник Малой Воды! В тумане! Праздник путешествий и карнавалов на амурском дне!

Не было вокруг никого, кроме задумчивого пограничника, но я, предполагая, что на границе фотографировать не рекомендуется, отстегнул футляр и почти с живота, навскидку щёлкнул основание бастиона, закругления набережной, где к предполагаемой воде вели ступеньки: выход был закрыт сеткой.

Так что пограничник гулял в вольере.

Днём же оказалось: Амур не обмелел. Это только отмель, а там, за пограничником, был ещё километр воды.

И ЕЩЁ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Любая великая страна использует свою древнюю, первоначальную основу в качестве закваски. Два-три раза можно использовать эту закваску на приготовление крепкой настойки. Потом закваска дает только отходы, муть.

Англия, выпустив из себя Австралию с Новой Зеландией, ЮАР, Канаду и США, едва сохранила себя от полного упадка. Испания, выпустив Центральную и Латинскую Америки и Марокко, чуть не сдохла. Франция, выпустив свою Африку, Индокитай и земли в Америке, тоже потеряла статус великой державы. Германия, постоянно придерживаясь раздробленности, невиданно благоденствовала в центре Европы. Объединённая, она пережила два невиданных в мировой истории разгрома.

Россия испытывала сильнейшее центробежное ускорение в начале этого века, но подавило его методом безжалостного и бессмысленного террора. Она должна была выпустить из себя десяток стран, в том числе несколько колоссальных – Собственно Россию с Украиной и Белоруссией, Урал, Сибирь с Дальним Востоком и Среднюю Азию. Русскоговорящий мир после этого деления только расширяться бы. Сегодня он неотвратимо станет сужаться.

Нельзя удерживать страну от членения, от родов: иначе родятся уроды, монстры. Что и произошло.

ПЬЕСА «КИТАЙ»

Идёшь по центральной улице, бросаешь взгляд влево, а там улица обрывается (зримо) и туманные тополя на том берегу Амура (воды не видно) как пьеса «Китай».

ШАДРИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

На углу Семинарской и Большой я купил газеты. Сосновая, чёрноберёзовая роща напротив окружала ремонт кинотеатра «Амур». До 26 года она окружала величественную церковь, построенную на деньги купца Шадрин. Она так и называлась «Шадринская церковь». Главный колокол её весил 308 пудов. За церковью был женский монастырь. Это была

самая большая церковь в городе, каменная (по фотографии похожая на Спас на Крови в Петербурге).

Какие-то люди пришли на завод «Амурский металлист» с динамитом и спросили рабочих:

– Вам кирпич не нужен?

– Нужен! Нужен! – закричали рабочие.

– Вот вам динамит. И вот вам Шадринская церковь. Давай, ребята!

Что-то поджечь или взорвать, а потом зачарованно смотреть на пожарище и развалины – глубоко сидящая страсть русского человека. Никаких кирпичей, естественно, рабочие от собора не получили. А вот глыбы стен долго ещё вывозили на субботниках, матеря себя, господ Бога и, осторожно, власти.

ЧУРИН

У Чурина было несколько магазинов одинаковой архитектуры – в Благовещенске, в Харбине, в Сан-Франциско. Сам он жил в Иркутске и, как говорят, в Благовещенске не бывал. Тем поразительнее след, который он здесь оставил. Маленькое подобие Эрмитажа со скульптурами по периметру крыш, бывший универсальный магазин Чурина сейчас занят Домом пионеров. Скульптур осталось немного – что-то пошло в переплавку в военные годы. Надо было, видимо, кому-то не только отчитаться, но и проявить инициативу. Приятно ведь, когда начальник хмыкнет, с недоумением уставится в сводку и спросит: «А это откуда у тебя полторы тонны бронзы?». «А это... это, я, можно сказать, с небес – с Чурина бывшего магазина голых, извините, баб снял. Чтобы детей не совращать». И замрёт на мгновение: вдруг не понравится начальнику шутка? вдруг встанет, шарахнет кулаком: «Ты что же это, сукин кот, творишь?! Тебе ж план надо делать, а не с голыми бабами разбираться!», но нет, ухмыльнулся начальник, качнул головой: то-то передаст

кому-то повыше, и со своей удачи меня, маленького говно-дава, не забудет...

Чурин, Чурин! Нет сведений о нём ни в краеведческом музее, ни в областном архиве, ни в партийном. Писатель К., когда я спросил о Чурине, перекосясь и вспомнил бабу-кухарку, которая знала всех этих благодетелей – живоглотов, жадюг и прочее и прочее.

Но не мог человек, построивший такие дома, выбравший незнакомому городу такой наряд, не мог человек, любивший такую форму окон, длинных, округлых, как тёмные виноградина, не мог этот человек быть хуже, чем сшибатель голых баб и храма Христа-Спасителя. Жадюга изнутри для себя украсит дом, а людям оставит голый фасад.

Такая мысль: все дома Дальнего Востока, с их резьбой, щедрой, радостной внешностью – дома добрые, для соседей, для гостей. Для бахвальства строят богатые, высокомерные дворцы, прячут их за решётки. Для бахвальства и злобы подавляют, а не радуют, вот что. Это относится и к литературе, и к политике, и к религии.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья, конечно, великие создания природы, но и им иногда надо расступиться, чтобы не закрывать горы, здания. Дворец, построенный Чуриным, стоит в удобнейшей котловине, но закрыт беспорядочно растущими деревьями. Вообще деревья хороши каждое в своём месте. Иногда они непеносимы.

ДВЕ ЯКУТКИ

Телевизор у меня в номере не работал: звук был, а изображалась бегущая строка. Я пошёл в холл. Очень мне хотелось посмотреть китайскую программу. В холле молодой человек

смотрел кино про войну. Про то, как молоденький лейтенант в оккупированной Германии вначале гуманно относился к немцам, а потом посетил крематорий и после этого видеть их не мог. Тут ещё мелочность некоторых немцев, но затем, в противовес этой мелочности, некоторые философские разговоры и Гёте. Словом, поработали автор и режиссёр над материалом.

Жалко мне своего времени, но сижу, смотрю. Вдруг молодому человеку надоест? Тогда я переключу на Китай.

И тут входит якутка, молодая, симпатичная девка. Ну, думаю я, теперь будут смотреть до упора.

Но я всё же встал и пощёлкал переключателем по кругу. Из Китая шло два китайских фильма. Вдруг якутка говорит:

– Давай про Китай.

Я оставил Китай. Красивые китайки затеивают друг против дружки интригу, а потом одна из них умирает.

– Жалко, что непонятно, – говорит якутка.

Молодой человек ушёл, и мы остались вдвоём.

– Красивый язык, – говорю я, имея в виду сказать комплимент якутке.

Та соглашается.

Язык, действительно, как музыка.

Входит вторая якутка, постарше и в очках.

Китайки в это время построились в каре и одна, красивая и одетая в меха, начинает на них орать.

– Жалко, что непонятно, – снова вздыхает молодая якутка.

– Всё понятно, – говорю я. – Это публичный дом. А хозяйка кричит, чтобы они не смели крутить любовь с молодыми людьми из приличных семей. У неё из-за этого неприятности.

Якутки, очевидно, ошеломлены. Какое-то время мы смотрим молча.

– Давайте посмотрим русское кино, – говорит якутка в очках.

– Ничего там интересного нет, – отвечаю я. – В плане у киностудии была военная тема, нужный человек написал, нуж-

ный человек снял, получился нужный фильм. Вы сами откуда? – спрашиваю я у молодой.

– Из Якутии.

– Так смотрите Китай. У вас ведь не показывают?

– Нет, – говорит молодая. – Ой, Ир! – обращается она к якутке в очках. – Как они друг друга различают? Так похожи!

Я опешил.

– А у вас там, в Якутске... Он стоит как?

– Что? – холодно спрашивает якутка в очках.

– Всё хочу спросить – и не у кого, – продолжаю я говорить глупости ни с того ни с сего, – он в тундре стоит или есть какие-нибудь кусты?

– Да у нас так же тепло, как в Благовещенске! – отчеканивает старшая.

– А картошка растёт?

– У нас и пшеница растёт! Тепло!

– Да..? Интересно, – говорю я, зачем-то подпустив в интонацию недоверие. Знаю ведь, что там растёт всё.

Из Китая уже всю гонят рекламу японских товаров, фирмы «Жиллетт», китайских мотоблоков.

– Давайте смотреть русское кино, – настаивает якутка в очках.

– Давайте, – соглашается молодая.

Они смотрят на меня.

– Но это же так интересно, – другой мир, из первых рук, из уст в уста и с глаза на глаз, – несёт меня куда-то.

В это время снова начинают показывать тот же фильм, новую серию.

– Снова публичный дом, – говорю я. – Теперь, по канонам китайской средневековой повести умершая должна являться живым и уговаривать их заниматься теми же делами, от которых сама скончалась. А потом займётся вампиризмом.

Якутки молчат.

– А вот и хозяйка публичного дома.

– У него одно на уме, – говорит якутка в очках.

Они поднимаются и уходят.

Мне становится скучно. Но китайки такие красивые и такие у них непростые отношения, что я увлекаюсь угадыванием сюжета и досматриваю программу до конца.

ОБМЕНЯЛИСЬ

Вечером, прогуливаясь у театра, зашёл в парк. Там унылый диск-жокей что-то объявлял, редкие парочки топтались на безбрежной танцплощадке за голубым штaketником. Остальные, жалея деньги в четверг, молча наблюдали за гладиаторами. Гремела какая-то музыкальная дешёвка. Все это низвергалось, к моему стыду, в молчаливый пятитысячелетний Китай за реку.

Но когда я прошёл по набережной вверх по течению, то услышал, что и с китайского берега гремит что-то подобное – там орала китайка в стиле диско. И, может быть, какому-то китайцу именно сейчас очень стыдно из-за того, что ей внимает великая молчаливая Россия.

ЗОНЫ

В Амурской области пять зон.

Две строгого режима (крытки) – в Суражевке и Возжаевке, две усиленного – в Тахтамыгде и Благовещенске (показательная), и одна общего режима в Средне-Белой.

Есть еще «полосатики» – особый режим. Эти долго не выдерживают. Их заставляют много работать, а есть дают мало. «Крытку» также выдерживают немногие, поэтому её чередуют с усиленным режимом.

На зону (2500 человек) – около 120 «машек».

В МУЗЕЕ

Тамара Алексеевна из краеведческого музея уверяла, что нестандартность лиц на дореволюционных фотографиях и стандартность на фотографиях 30-50 годов ей объяснял какой-то фотограф различной выдержкой и экспозицией, а также качеством плёнки и фотобумаги.

Нет. Человек текуч. Когда ему нужно спрятать свою нестандартность, он очень быстро делает это.

Та же Тамара Алексеевна сказала мне:

– Да, Соловьёвск назывался в начале «прииск Васильевский». Там уже в 1870 году вспыхнула первая забастовка.

– А о самом прииске что-то есть?

– Снимок я держала в руках. Но ничего интересного, значительного нет – одни дома.

Это мне! Поклоннику домов!

– А о Чурине?

– Вот фото типографии. Когда там вспыхнула забастовка, Чурин пригласил штрейкбрехеров из Петербурга. Они приехали, но, узнав, зачем их пригласили, также прекратили работу.

– Мне бы что-нибудь о том, что строилось, а не о том, как разрушалось...

– А вы думаете, купцы эти свои магазины и дома для красоты строили?

– И для красоты.

– Нет. Это чтобы народ шёл в магазины. Они ради этого даже из Вены архитекторов приглашали, и из Америки.

– А у вас в МВД бьют людей, как при атамане Гамове. Даже сильнее.

Она смешалась. Её соседка за столом у окна сказала мне потом, что у Тамары Алексеевны муж работает в МВД, в уголовном розыске. Но то, как здесь били в КГБ, несравнимо даже с Тахтамыгдой, даже с Суражевкой.

– А у вас на Западе они взятки берут!

– Но я ведь не говорю, что там хорошо. Плохо, что бьют...

– Да! А как вы думали? Там надо иметь крепкие кулаки!

Такой разговор с искусствоведом.

ЕЩЁ ЧУРИН

Торговый дом «Чурин и компания» основан в 1867 году, то есть в год основания Соловьёвска, первого золота на Дальнем Востоке. Но дом возник в Иркутске. Здесь, в Благовещенске, ему принадлежали спичечная фабрика, типография, магазины. Сам Чурин ни разу так и не побывал в Благовещенске. Как, возможно, не бывал и в Сан-Франциско, где у него также имелись магазины, как и в Китае, и в прочих местах, где он украшал своими дворцами города. Надо иметь большую душу, чтобы подписать проект обычного магазина в дворцовом исполнении. Селёдку ведь, говоря откровенно, купят и в лавке. В Китае, где наследники Чурина до самой культурной революции владели магазинами и фабриками, была даже «Чуринская водка».

Внук основателя дома передал китайцам все свои капиталы, переехал в эзэсэр и поселился в Ялте.

Первые известные фамилии из молокан в Амурской области – Косицыны, Саяпины, Буяновы из Тамбовки. Многие благовещенские купцы – молокане. Это уже после столыпинской реформы начала прибывать в область «*пассионарная*» голь перекатная. Именно она потом разбила атамана Гамова, отрезав своей красной Дальневосточной республикой Семёнова в Забайкалье. Что, в конечном счёте, и решило исход гражданской войны в 1922 году. Так Столыпин помог большевикам.

Железную дорогу строили контрактные рабочие. А «колесуху» от Благовещенска до Хабаровска – каторжные, арестанты. Строили дорогу и китайцы. Они же служили на частных пароходах.

На строительстве были даже экскаваторы с паровыми двигателями. Альбомы в краеведческом музее полны фотографий,

тон у них коричневый. Фиксировались для истории все стадии строительства.

Во время «боксёрского» восстания в Китае в 1901 году собрали огромную толпу китайцев из 60 зейских деревень и загнали их казачьими сотнями в Амур. Почти все они утонули. В этот день скорби китайцы до сих пор пускают фонарики по реке.

НАРЫВ

Один благовещенский писатель боялся крови. А у него возник нарыв на пальце.

У писателя был знакомый хирург, добрейший человек, но удивительно суетливый. Он сам о себе говорил, что у него нет времени хотя бы одну мысль додумать до конца.

Этот хирург страшно уважал своего приятеля, тем более что писатель любил пофилософствовать и каждую свою мысль доводил до конца.

Так что его представления о мире были абсолютно безрадостны. И для того, чтобы не увеличивать скорбей, подобно змеям живущим около сердца, писатель уговорил своего друга хирурга вскрыть ему нарыв под наркозом.

Сделали ему наркоз, но до последней секунды он говорил и говорил с хирургом о бесполезности политических перемен в России. Он сравнивал наше стремление к демократии с известным стремлением старателя, который оказался предательски забыт своим напарником (Европой) в шурфе, и в безумной надежде бросается и бросается на стены своей могилы...

Здесь он уснул. Хирург покрутил головой, восхищённый, и с некоторым дрожанием рук взял скальпель. В тот же миг медсестра сообщила ему об остановке сердца, которое не выдержало наркоза.

Тут уж вся бригада запаниковала.

Начали делать массаж.

Не помогло.

Тогда хирург, весь в поту, вскрыл своему другу грудную клетку и произвёл прямой массаж сердца.

Сердце, к счастью, тронулось, как ходики после осторожного толчка. Зашили писателю грудную полость и как-то расслабились – очень уж большое испытание свалилось на бригаду буквально на ровном месте.

– Снимайте, – говорит хирург, срывая повязку и сдирая перчатки, размышляя невесело о том, что он станет говорить своему другу, когда тот очнётся.

Он поворачивается, чтобы идти туда, где они собирались перед тем, как резать, и в этот момент раздаётся страшный грохот.

Полный самых жутких предчувствий, хирург оборачивается – и точно: писателя во время перекладывания с операционного стола на тележку выронили, и вот уже он лежит на полу со сломанной ногой.

О чём говорили приятели после возвращения писателя из беспамятства, мне неизвестно, знаю только, что нарыв на пальце рассосался сам собой.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

А ещё один благовещенский писатель поехал в Хабаровск, да там и застрял. Денег на обратную дорогу не осталось. Пришлось ему в местном Союзе добывать путёвки на выступления.

За выступление платили 17 рублей, и можно было за вечер заколымить почти полтинник, если там, там и там читателей не набиралось.

Но в одном месте, в общежитии литейно-механического завода, они почему-то собрались.

Удивлённый писатель показал им свою недавнюю книжку с фотографией, которая помогала ему во всех случаях жиз-

ни, особенно при встречах с милицией почему-то, и уже приготовился прочесть оттуда пару страниц, как вдруг услышал от одного из читателей (а их вместе с уснувшими ещё до встречи, было человек пять) такую загадочную фразу:

– Это будет излишне.

– Почему?

– Потому что мы вашу прозу знаем. Читали.

Надо ли говорить, что бедный писатель от этих слов потерял всякое представление о реальности.

Он как будто вынырнул в другой, ликующий мир. О, теперь он понимал, что его мучения за письменным столом, когда из пустоты, безмыслия, отчаяния вдруг проступали контуры рассказа, затем отдельные фразы высверкивали, как самородки, и сам рассказ торопливо, весело катился, наполняясь зноем, стуком колёс, блаженством купания и прочим, прочим – эти мучения не напрасны. Именно здесь, среди бездомных людей, лимитчиков, париев общества – его истинные ценители. Потому что они не окостенели ещё – ещё есть в них свобода.

Почитатель оказался бывшим моряком, штурманом по специальности. Он усадил писателя посреди своей комнаты и начал показывать фотографии острова Врангеля, Анадыря, ещё каких-то островов. Начал рассказывать о чукчах, коряках, эскимосах. Одновременно он давал какие-то распоряжения, молодые хлопчики кивали, куда-то уходили, приходили. На столе возникала закуска в банках и водка.

Писатель был усажен за стол. Пили, конечно, за него. Но странное дело – стоило ему открыть рот, чтобы сказать какие-то важные вещи о русском народе, о том, что только бездомные в этой стране не окаменели и что он сегодня счастлив, – как тут же кто-то начинал или орать, или выбегал с грохотом, или возникал спор.

Один штурман с ласковой улыбкой поглядывал на писателя, да незаметно подмигивал на своих товарищей – давай, мол, изучай.

Но зачем изучать? Писатель был как раз убеждённый сторонник иного подхода. Он считал, что жизнь настолько насыщена и сама по себе достаточна, что её не имеет смысла изучать и описывать, что такой подход имеет ценность только этнографическую, как сочинения Миклухо-Маклая.

А задача писателя одна – попытаться вытянуть из себя, как из зашифрованного обыденностью чёрного ящика, какие-то новые сведения, неведомые в жизни. Не только среди людей – но и вообще в жизни.

В это время в комнату кто-то вошёл, установилось молчание. Писатель, сидя спиной к двери, воспользовался этим и попробовал изложить приведённое выше.

Он даже внимания не обратил на жест штурмана, призывающий его не вступать. Все молчали, пока писатель излагал своё кредо.

Слушали замечательно, глаза у всех стали трезвые, внимательные – нет, действительно в общезитиях люди иные! – вдруг писатель взлетел вместе со стулом. Взлетел, поплыл по комнате к открытому окну и вылетел туда.

Всё это время он держался за сидение, а когда совершал полет в атмосфере, то – мёртвой хваткой. Промелькнуло у него воспоминание о действительном случае, когда на высоте шести километров столкнулись военный самолет и рейсовый, летевший из Хабаровска в Благовещенск. Спаслась одна девушка, студентка, которая при наборе высоты не отстегнула привязной ремень. Самолет раскололся прямо перед ней. Все выпали. Одна она спланировала вместе с хвостовым оперением в лес в районе Завитинска. Сломала два ребра, и только. Она, кстати, как и писатель, вспомнила во время падения точно такой же случай, но в Южной Америке. Видела в кино.

Так что случай в Южной Америке дважды спас хладнокровных людей, потому что писатель ножками стула пробил железную крышу сарая, примыкавшего к общежитию с обрточной от улицы стороны, и – только что ты сидел за столом в

оживлённой компании, а уже сидишь под деревом, в темноте, дождь начинается...

Он поглядел наверх – это был третий этаж. В освещённом окне не было интересующихся голов – оттуда катились звуки побоища.

Что оставалось писателю? Мрачно думать о сегодняшнем дне?

Но вчерашний был значительно хуже.

Да и позавчерашний, если глянуть внимательно, – такая тупость выглядывала оттуда в обрамлении всевозможных ахов и охов девятнадцатого века.

К тому же дождь усиливался. Писатель кое-как спустился с сарая, порвав при этом пиджак и измузюкав последние приличные штаны, расцарапав руки до крови и разбив колено...

На следующий же день он уехал в Благовещенск. Да и пора было: в чёрном его ящике потрескивало.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В АВТОБУСЕ

«БЛАГОВЕЩЕНСК–СВОБОДНЫЙ»

Тридцать лет не видел багульника.

Не бойся что-то пропустить за окном.

Приехал, как японец, посмотреть, как цветёт багульник.

Русские научили дальневосточников строить на один день.

Мелкие, разнообразные сопки с 2-3 соснами на вершине.

Только облака везде одни и те же.

Люблю ручьи и мелкие прозрачные речки.

Здесь кряжистые сосны.

Наталино. В красивом сосновом месте – весёлые, прочные дома.

Семипролётный железнодорожный мост через Зею.

Пыль.

КСД

В городе Свободном долго строили новый вокзал. Старый был деревянный, с вогнутой крышей, и странно видеть сейчас сверху, от площади Лазо вместо привычной бельевой обвисшей верёвки конька белый параллелепипед.

Именно это пытался объяснить командированный Альберт своему попутчику по купе Кореноеву.

Альберт! Тебе сорок два года, а ты пытаешься всё объяснить. Кому интересны твои рассуждения? Уж во всяком случае не Кореноеву, у которого от твоей ностальгии изжога. Хотя ему не скучно. Он вместе с тобой смотрит вниз, на вокзал, двигает челюстью, как будто собирается плюнуть, на голове у него громадная чёрная шляпа, своей вогнутостью напоминающая Альберту старый вокзал...

Завод у Альберта никак не кончается. Наоборот. Брови вздёрнуты, глаза жадно хватают Вокзальную улицу, кинотеатр им. С.Г.Лазо на той стороне горбатой площади, пепельные апрельские деревья, родные дальневосточные фигуры людей – всё это обваливается на двадцатилетней давности Вокзальную улицу и т.д.

– Тот вокзал был старикан, понимаешь? – говорит Альберт. – Подслеповатый такой завхоз. А этот, гляди, набычился, руки упёр в стол – у-у..! Если б ты знал, какие здесь КСД!

– Какие? – зевнув, говорит Кореноев. Он не любит, когда говорят загадками. КСД! Он сам любит говорить загадками. Этот длинный Альберт от Хабаровска прыгает перед ним на проволоке – и хоть бы раз упал. Хоть бы раз! Но ничего. Не скучно.

– Вот! Посмотри! Посмотри, какая! – Альберт незаметно глазами указывает на приближающуюся КСД. Она в стёганой нейлоновой куртке, в джинсах, с подвитыми волосами на плечах, сероглазая, нежнопрофильная, какие на Кореноева и Альберта даже в доме отдыха, от скуки... Да что там говорить! Конечно, нет! Никогда уже!

– Какая? – снова зевает Кореноев в лицо Альберту.

– Да ты что? – в горячке шепчет Альберт. – Это же Красивая Свободненская Девка! Нигде в стране не встретишь..! Ах, какая улица! Это – главная улица, она идёт вдоль железной дороги, видишь? Вдоль Зеи, там, дальше. И вдоль сопок, там, выше. И по ней ходят КСД. Как в Голливуде.

Однако улица перед ними не такая, какую хотелось бы видеть Альберту. Довольно жидкая улица с пыльным выбитым асфальтом, серыми домиками под плоскими четырёхскатными ржавыми крышами, и лишённая к тому же главного украшения – коридора июльских тополей (после дождя, после танцев в горсаду, когда КСД неуверенно расходятся парами, выстилая незаметной оглядкой срочные понижения своих требований). Тополя по всем правилам обрезаны до культей.

Альберту больно видеть это глазами Кореноева. Он отвернулся, прикрыл глаза, снова открыл их. Кореноевская скука, как газовая атака, уничтожала всё живое.

Кореноев. Сколько таких броневиков ползает по территории России! Всё-то их развлекай, всё-то в пасть положи! Заглотит, выжмет под прессом в своем механическом брюхе и снова смотрит скучающе, с усмешкой из золотой оправы.

Альберт. Допрыгался. Со случайным человеком в свой город возвращаешься, да ещё и рекламируешь, как бедный родственник. Допрыгался до сутулости, до язвы, до морщин. Как будто скальпелем во сне разрисовали. Да где же деревянный тротуар на той стороне улицы, который помнят ноги? Где тут встать на колени, в какое окошко зарыдать..?

– Всегда этот город славился своими КСД, ты не говори, – продолжал своё Альберт. – Всегда. Они здесь как в парнике вызревают. А разве мало значит то, что этот город почти не растёт? Когда город не растёт, местные жители проникаются любовью к нему, к реке, к огородам, и у них рождаются красивые дети. Возникает такой мощный генотип, что и природа становится мягче, как в какой-нибудь Аркадии... Вот здесь

была гостиница. Ты смотри! – Альберт озирается во все автобусные стёкла.

«Да как же это? Зачем они это построили? Я же так любил старые бревенчатые дома с узорчатыми наличниками, деревянные тротуары, старый рынок с пыльной площадью! Зачем мне центральная площадь с панельными голыми домами, похожими на ободранных животных?!», – вскричал Альберт про себя.

– Где-то здесь, по идее, – сказал он Кореноеву. – В центре.

Они вошли в гостиницу «Зея». Альберт прикинул возраст администраторши – Да! Не она ли взлетала под баскетбольным щитом в начале шестидесятых, перепрыгивая неуклюжих подруг? Не она ли танцевала с Альбертом в тот вечер в парке ДОСА, после чего за ним гнались знакомые хулиганы из Северного городка и его отбил Рекалов с друзьями. Не она ли..? Альберт с любовью заглянул в её глаза.

– Нет воды, мальчики, – сказала администраторша, по-своему истолковывая взгляд Альберта, – кончилась.

– Это ещё как? – солидно сказал Кореноев. – Впервые слышу.

– В гостинице нет воды, – с уважением посмотрев на солидного Кореноева, пояснила администраторша. – Нет. Кончилась. Сегодня выехал последний гость.

– Да нам вода и необязательна, – сказал Альберт. – Нам только переспать.

– Вы понимаете... – начала администраторша, но Кореноев не дал ей продолжить относительно русского языка и бросил:

– Ясно. Что тут понимать. Нет воды – и нет вопросов. Но куда же всё-таки податься командированному человеку?

– Ну... есть здесь недалеко ведомственная гостиница, – продолжала уважать Кореноева администраторша, – от комбината «Амурзолото»..

– О! Да я её прекрасно знаю! – Альберт с новой волной любви и благодарности заглянул в её глаза. – Это через улицу, да? Во дворе? Там ещё такое симпатичное крылечко в тени деревьев?

– Вы дадите мне закончить? – нет, ещё со школы не привыкла она уважать таких людей как Альберт. Таких вертлявых, недостаточно выбритых, на которых невозможно опереться – с ними даже под руку ходить опасно, того и гляди взбрыкнёт ногами и полезет по воздуху, как по стенке. А кому интересно идти с мужчиной, который неизвестно чего хочет? Который неизвестно даже, хочет ли тебя? Поэтому администраторша переводит взгляд на Кореноева и продолжает: – Но там есть один нюанс... – когда-то ей так понравилось это слово, один гость из Москвы говорил ей: «нюванс», что она сама не заметила, как оно стало её личным, мощным словом, – приехал один высокий человек из области на посевную и туда поселился. Обычно мы для них держим «люкс», но у нас кончилась вода и он переехал к ним.

– Понятно, – сказал Кореноев, выжидательно глядя на неё.

– И он там сейчас живет один. А на праздники он, видимо, поедет домой, в Благовещенск.

Альберт перевёл взгляд на Кореноева и с удовольствием отметил, что на того произвела впечатление тонкость поведения администраторши и человека из Благовещенска.

– Вспомнил! – сказал вдруг Альберт. – Ваша фамилия – Ксендзенская, звать Наташа. Вы в девятой школе учились.

Настала пора удивляться администраторше.

– Н-не помню... – сказала она, внимательно оглядев Альберта.

– Ещё бы! Через двадцать с лишним лет! – воскликнул Альберт, почему-то радуясь происшедшим с ним переменам. – Я же двадцать вторую заканчивал! Альберт Тулупов!

– Тулупов... – повторила администраторша, постукивая шариковой ручкой по конторке. – Тулупов... С Мухинской?

– Конечно! А мои родители вышли на пенсию и переехали на Запад! В Смоленск!

– Поменялись! – недоверчиво спросила Ксендзенская.

– Ну да! Пятнадцать лет назад.

– Прямой обмен?

– Нет. Сначала они поменялись на Чимкент, с одним корейцем. Потом переехали в Запорожье. А уже потом, десять лет назад, в Смоленск.

– Без доплаты? – Наташа никак не могла поверить Альберту. Как будто только после выяснения окончательных условий обмена можно будет признать и самого Альберта.

– Без, – Альберт был удивлен. Как можно за Свободный ещё и доплату требовать?

– А вы... – уже значительно внимательнее посмотрела на него администраторша.

– А я в Петербурге живу. Это под Смоленском, – пошутил Альберт. – Ну какое это имеет значение?! – вдруг с вырвавшимся рыданием воскликнул он, уже как бы имея право на рыдание, заслужив его для себя в глазах Кореноева тем, что – не самозванец какой-то, а действительно местный, признанный, имеющий биографию. И тут он вспомнил, что с этой Наташей он целовался после первого курса, у её дома на Торговой, в июле, после дождя, во втором часу ночи, и он посмотрел на её губы, теперь уже бледные... Она, видимо, также вспомнила этот случай и поджала их.

– Да, друзья, – насмешливо сказал Кореноев, – завидую вашей вечной молодости.

Альберт и на него внимательно посмотрел. И только сейчас понял – действительно завидует! От самого Хабаровска люто, ненасытно завидует! Потому что не может уже сам, не получается!

– Слушай, Натали, – повернулся Альберт к Ксендзенской, стремительно возвышаясь с каждым мгновением над недавним Альбертом Тулуповым. – Послушай-ка меня внимательно. Нет ли у тебя чего-нибудь выпить?

– Выпить? – переспросила Наташа, мгновенно понимая, как всякая женщина, произошедшую с Альбертом перемену. – Мы же закрылись. И ресторан не работает.

– Жаль, – Альберт облокотился о конторку и опустил глаза.

– Намёки у вас, Альберт, надо сказать, необыкновенно тонкие, – сказал Кореноев, нагибаясь за «дипломатом». – И откуда вам известно, что у меня здесь расположено, я не знаю, уважая вашу порядочность...

– Ребята, – сказал Альберт, неощутимо для себя выпив полстакана кореноевского коньяка, – мы же первое поколение в этом веке, которое нормально постарело. Натали, тебя это не касается. Нас оглушила тишина и мы не успели как следует пожить.

– Разве можно так, – поморщился Кореноев. – Это же цыганщина – то, что вы говорите, Альберт.

– Если бы ты знала, Натали, – продолжал Альберт, – как я ненавидел этого человека. Я готов был задушить его и выкинуть из поезда на полном ходу, но предварительно, понимаешь?, предварительно убедив его в том, что всё это – серьёзно. Да! Серьёзно! – Альберт готов был снова прорыдать, поэтому сделал паузу. – Это богатое соболиное, чернобурое пальто моей жизни! Любая минута безнадёжности или тоски прожита в ней с полной ответственностью! Я никогда не сачковал. Не то, что вы, Кореноев.

– Может быть, нам лучше сменить обстановку? – спросил Кореноев. Его, казалось, ничуть не тронуло перерождение Альберта. – Извините, Наташа, но вы напоминаете мне часового, которого забыли предупредить о ликвидации объекта.

В плаще, туго собранном на талии узлом пояса, в чёрной велюровой шляпе с большими полями, с алыми губами и чёрными точками зрачков серых глаз шла рядом с Кореноевым бывшая баскетболистка. Ах, если бы они всегда оставались на расстоянии десяти метров! Этакая парочка из Европы.

Но нет. Альберт надел чёрные очки. Город Свободный немного умерил свою интенсивность. Альберт сам себя спрятал от него и теперь мог наблюдать перемены не так остро.

Улицы, по которым долго ездили и ходили, в особенности, когда их не ремонтировали всё это время, ещё более закрепились в его памяти. Там, в памяти, происходило сличение

топографических карт. Когда же попался деревянный тротуар, доска на этом тротуаре, которую помнила его нога с тех лет, восторг Альберта газифицировался и на какое-то время опьянял его.

Пока Кореноев и бывшая баскетболистка от своего разговора снисходительно-ласково разворачивали внимание к Альберту (а это произошло между десятью и семью метрами от него), у Альберта было достаточно времени, чтобы повздыхать, прилежно припомнить свою службу в армии, послеармейские тусклые годы в Ленинграде (лет, пожалуй, десять-двенадцать), обратить особое внимание на почву. Иногда кажется, что почва везде одна и та же. Какое заблуждение! Альберт мысленно встал на четвереньки и различил между поребриком и травой родной состав. Затем лёг на поребрик, ощущая хрупкость позвоночника, и заглянул в небо. С появления на свет всё это пронизывало и месило состав Альберта, всё по-муравьиному стаскивало к нему одно и отбрасывало ненужное – он снова в этой мясорубке! Но уже другой. Другое *«всё»* квасило его и ломало. И он не сопротивлялся. Кто внушил ему счастье *несопротивления*? Кто позвал не барахтаться?

Жизнь любила Альберта за это. Он знал.

– Можете меня бить, Альберт, – сказал Кореноев, перешагивая семиметровую черту, – но я обнаружил здесь «мерседес».

Ещё один! Из прошлых лет..!

Альберт сидел в мягких кожах, чёрная полировка капота ломала дома и деревья до американского состояния. Рассказ Толика Рекалова, подруливавшего в коричневых перчатках без пальцев совершенно автономно от личности Толика, развалившегося в печальной беседе, поразил Альберта больше даже, чем восстановление баскетболистки.

– Эх, друзья-товарищи! – гудел Толик. – Замучили меня местные власти.

Поражённый Альберт запомнил эту историю. Вот она.

Толик Рекалов после школы никуда не направился, не улетел. Он начал жениться. В школе Альберт помнил его со взбитым коком, с плавными движениями. Стиляга. Приходил иногда к Альберту слушать «Ноктюрн Гарлем» на радиоле «Эстония». А оказалось, что он думал в это время совсем не о том, чтобы поразить кого-то своим коком или плавными движениями (тоже, кстати, играл в баскетбол за сборную школы, был запасным), а уже тогда он размышлял о будущих женитьбах! Он рано понял, что жениться надо в родном городе, не стоит тратить время на дальние поездки. И только служба в армии отвлекла его от этого занятия. Но ненадолго. На втором году службы он познал объятия кирпичнорумяной доярки из соседнего совхоза, познал радости деревенского быта, ночных забегов в еженощные самоволки, постиг силу постоянного давления на командование. Пройдя через четыре гауптвахты, он воспитал подполковника, готовившегося к отставке, и окунулся в плотницкие, скотопригонные и угонные дела, даже расчистка навоза была ему по-хозяйски в радость. Ни один из последующих разводов не был для Толика так тягостен. Крики доярки, плач её, мат, лепет, стоны... Он оставил её с матерью возмужавшей, готовой к новым изменам со стороны солдат его части.

Единственное, что кольнуло Альберта в этом рассказе, было то, что, оказывается, и баскетболистка Наташа полгода, уже тридцатилетней, варила Толику обеды и заворачивала в полиэтилен ужины, когда он шёл в ночную смену, работая таксистом. И она..! Мы не ревнуем абстрактно. Ревность к близким непереносима. К счастью, Толик был для Альберта лишь одноклассником.

Пик женитьб Толика пришёлся на возраст от тридцати до тридцати семи. Он жил во всех концах Свободного. В это время его слава достигла апогея. Женщины как будто соревновались друг с другом – кто остановит его, рвущегося по краю с дыней мяча к заветной черте? Кто соьёт с ног, перехватит чемпиона? Этой счастливицей оказалась учительница начальных классов, крупная женщина в роговых очках. Однако не её женские достоинства были причиной ухода Толика с арены.

Другая страсть накатила: он поставил теплицу. То ли вспомнилось армейское крестьянничанье, то ли прорезался в нём общественный азарт, но скоро учительница бросила третий класс «в», влезла в ватник и резиновые сапоги, взяла в руки вилы; сам Толик скупил всё свободненское оконное стекло, подрядил бригаду армян, бригаду сантехников, начитался агрономического литературного и в марте 198... года вышел на свободненский рынок с огурцами.

Тогда-то и началась его борьба с местными властями. Бешенство этой борьбы нарастало ещё и оттого, что Толик продавал огурцы всем по одной цене: пять рублей за килограмм. Чертог его теплицы сиял по ночам на улице Почтамтской, его счёт в сберегательной кассе сиял для глаз местных властей пожаром контрреволюции. Тогда и был принят горсоветом необычайный указ: «Уволить таксиста А.Рекалова с запрещением ему в дальнейшем работать в государственных учреждениях г. Свободного».

Толик понимал, что этим указом он ставится вне закона. Но он понимал также, что спасти его может одно: непрерывное наращивание капитала. Чтобы только-только родилось обвинение в прокуратуре, как тут же оно должно было бы перешибиться новым символом обогащения, чтобы у властей не хватало времени сварганить ему какое-то дело, не включив в него новое. Он летал в Хабаровск за японской аппаратурой, добывал мотоблоки и хрустальные люстры, упаковывал комнаты и веранду в ковры, начал возводить спортплощадки в микрорайоне, открыл счёт для развития музея г. Свободного и наконец въехал в город прямо с железнодорожной платформы в этом «мерседесе».

В машине воцарилось молчание.

– Можете меня бить даже ногами, Альберт, – сказал Коренов. – Считаю свою иронию преступной.

– Но нет! – воскликнул Альберт. – Вы должны убедиться в том, что КСД – лучшие в мире..! Где мы их будем отсматривать? – властно спросил он у баскетболистки.

– Пожалуй, у стадиона «Локомотив»? А, Толик? – обратилась Ксендзенская к полуседому затылку Рекалова.

Тот кивнул.

«Мерседес» в это время нырнул под железную дорогу, баскетболистка вполголоса рассказывала Кореноеву о Малой Забайкальской ж.д., самой длинной в стране пионеров, которая осталась справа – и они помчались к Суражевке, где должны были выйти у реки. Город возник здесь в 1912 году и назывался Алексеевск в честь сына последнего русского царя.

Так они стояли, четверо великолепных русских на берегу обмелевшей Зеи. Наводнения намечались к концу лета, в сезон дождей. Слева был речной порт с жёлтыми кранами, нагружался техникой для золотых приисков и БАМа сухогруз. Сзади, поверх высокого серого забора страшным звёздчатым пунктиром нависала над зоной колючая проволока. Альберту вдруг стало тошно, язва дала о себе знать давящим изнуряющим вступлением под диафрагму: он вспомнил славу города Свободного в тридцатые-пятидесятые. По слухам, здесь на пересылке были Заболоцкий, Гумилёв, Флоренский, останавливался эшелон с Мандельштамом...

Какие КСД..? Бог с ними...

В ПАРКЕ

В железнодорожном парке тихо, чисто. Чисто до умиления. Никого нет. Задумчивый Маркс алюминиевого цвета стоит в скрещении дорожек на распутии. Все деревянные будочки, сарайки, крашенные домики неизвестного паркового предназначения закрыты на крепкие ставни с болтами, с амбарными замками. Не любит ясного чистого утра мятежная юношеская душа. Ей бы темень, вопли, непогоду. Чтобы отметить судорогой и хрипом своё присутствие на Земле.

Надо быть очень стабильным, чтобы осмелиться сесть в ясное чистое утро на скамейку.

Чёрный муравей тащит между травинки сухой лист. Остальные ушли в разведку в окрестности тополя, рыщут в мусоре, в мёртвых ветках. Бугристые корни перед песчаной дорожкой ими освоены давно. Они заползают в какие-то дырки в песке, снова выскакивают. Присмотришься – базарный день на площади, где основные строения – бутылочная пробка и шелуха от семечек.

Ни одного человека. Припекает. Встану со скамейки, пойду к обрывистому берегу, там начинается пойма Зеи и сама она в километре от обрыва. Плоско течёт.

*«Только в песне да в сказке уместится
Приамурье моё!».*

Такие строки из амурского поэта (неплохого, несмотря на приведённый текст) Комарова намалёваны над летней эстрадой. Всего один раз в жизни читал я замечательные слова на советских плакатах, всего один: «Человек ростом не от головы до ног, а от головы до неба». Эту строчку Конфуция я видел на панно в сумасшедшем доме.

Однако что же меня снова потянуло пройти мимо скамейки по пути к выходу из парка через виадук..? Ну да. Я напрасно сказал о полном безлюдьи. Там, за летней эстрадой, сидела парочка – она в лазоревом плаще у него на коленях. И пока я наблюдал муравьёв, пока ходил на берег Зеи, они сидели всё в той же слитой, исступлённой позе, может быть, с прошлой субботы. Я им остро позавидовал.

БОЛЬНИЧНЫЕ СТИХИ

Чтобы снять какое-то неправильное движение в предыдущем отрывке, что-то не эпическое, не стабильное, что-то подсматривающее, сожалеющее, даже безвольное, готовое к

упадку и к полной сдаче позиций – там-то уж можно накрутить такого! да-да! так что Генри Миллер покачает головой и крикнет, но – молчание. И не потому, что не в традиции. Со словом «традиция» тут же, рядом, находится глагол «плевать». Строго и ответственно. Это девиз русских путешественников. А для снятия уже и этого высокомерия наравне с упомянутым выше верчением (задача усложняется на ходу) я цитирую тексты, списанные мною со стены поликлиники:

*Безволие, неряшливость и лень –
К заболеванью первая ступень.*

*Вини себя за вид болезненный и хмурый:
Не занимаешься ты, видно, физкультурой.*

*Коль заболел, то врач тебя пусть лечит,
А знахарь оберёт и только искалечит.*

*Могучим фактором в задержке увяданья
Рациональное является питание.*

*Щади здоровье и не напивайся в холле –
Воспитывай характер твёрдой воли.*

*Ярмом до Октября являлся рабский труд.
Теперь труд радостью и доблестью зовут.*

ПРИОРИТЕТЫ

Опытная девка иногда больше значит для становления личности, чем вся отечественная словесность (ну никак не уйти от темы!).

О женской груди размышляешь дольше и пристальней, чем о науке и политике, вместе взятых.

ВРЕДИТЕЛИ

Оскудение: вход с улицы в старых домах с резным козырьком над крыльцом заколочен. Всё беднее резьба на домах, всё проще, примитивнее. И всё-таки люди не сами стали хуже, ленивее – так бывает только при дурном обогащении – их десятилетиями заставляли *всё* делать хуже и хуже.

Зачем? Действительно – зачем? Ведь заставляли же? Самих талантливых убивали, самое красивое ломали, жгли. Зачем?

Никто не может объяснить – зачем. Такое впечатление, что все, без исключения, страдали от этого времени, но ничего не могли с ним поделать, не могли изменить порядок вещей. А могли только, каждый по-своему, вредить этому времени, чтобы оно скорее кончилось.

Действительно, вредителей было много. Все были вредителями, в том числе Сталин.

РАССКАЗ ВОЛЬНОНАЁМНОГО

Александр Афанасьевич Бочаров (ныне покойный) в 1937 году работал вольнонаёмным в лагерях города Свободного. Секретарша начальника производственного отдела, красивая еврейка, с которой Александр Афанасьевич флиртовал на службе, как-то попросила его подежурить вместо неё у телефона.

Рядом, в кабинете, располагался начальник лагерей, так туманно называемый «начальником производственного отдела».

На столе у секретарши лежал бланк метеосводки, пока пустой. Александр Афанасьевич обладал красивым басом. Солист Кировского театра, который пел в столовой «Три поросёнка» на углу Сталинской и Торговой улиц, всё уговаривал Александра Афанасьевича поступать в консерваторию.

Как все публичные люди, Александр Афанасьевич очень любил посмеяться. Поэтому он взял с улыбкой бланк, обмакнул перо N 86 в стеклянную чернильницу и написал:

«Ожидаются тропические ливни, дождь как из ведра. Ветер со всех направлений со скоростью 100 кв. км в час. Есть опасность сноса уборных и других гражданских объектов».

И ушёл, посвистывая. А красивая секретарша, не читая, отнесла сводку к начальнику, тот, не читая, подмахнул. Сводка пошла по зонам. Как передавали Александру Афанасьевичу позднее, паника началась страшная. Срочно натягивали брезент на пиломатериалы, вкапывали подкосы под бараки и сараи. Особенно тщательно укрепляли выделенные особо дощатые уборные.

В разгар мероприятий какой-то инженер из управления вспомнил, что видел с утра совсем другую сводку...

Ночь Александр Афанасьевич провёл в карцере вместе с экаами. Спасло его лишь то, что утром, на вопрос начальника караула: «А ты из какой *р о т ы*?» он ответил: «А я – вольнонаёмный».

Не оформили документально. Пожалел его начальник производственного отдела – большой любитель художественной самодеятельности. А когда слушал «Ноченьку», поднимался, как дрожжевое тесто в духовке.

Через год начальник сам попал в зону и сгинул. Секретарша вышла замуж за начальника золотопродснаба, благополучно скончалась в Иркутске, дождавшись правнука. Александр же Афанасьевич оказался в Уфе с сестрой и её сыном-инвалидом. Жена от него ушла сразу после войны. Детей не было. Так и любил всю жизнь одну женщину.

И как теперь, после его смерти, живет его старенькая, рассеянная сестра с больным сыном?

Трудные времена.

НЕКТАР

Я понял, что человек вряд ли несёт всё своё в себе. Он концентрирует энергию извне! И это – принципиально.

Люди получают из среды обитания всё необходимое и трансформируют это в новый, незнакомый пока вид энергии. Так же как растения, человек делает свою часть работы, выделяя *именную* энергию для какого-то общего дела. Эта энергия не может быть выделена принуждением со стороны высших сил. Она должна рождаться совершенно автономно, только тогда она имеет ценность. Да, это – нектар. Что ж.

Когда я шёл мимо ДОСА в сторону площади Лазо, то смотрел на парк, танцплощадку, бильярдную без всякого чувства, совершенно холодно («вымирают все лучшие воспоминанья», Тютчев), потом, на обратном пути, глянул на сад ДОСА через улицу, вне досягаемости мгновенной (когда можно сразу ступить на аллею), и шевельнулось воспоминание, задрожало.

И ещё я понял: мне не хочется взрослым сюда. Я хожу и бессознательно ищу взглядом тех молодых своих друзей. Я хочу в прежний Свободный, в деревянные тротуары. А этот – да, он чище, уютнее. Я согласен. Мне не молодости своей жалко, не того, что она ушла (хотя это неправда), а жалко той среды, где я мощно концентрировался, перерабатывая «Большой вальс», окончание школы, предстоявший отъезд куда-то.

Это ледяное «куда-то».

Это могила.

Но я шёл мимо ДОСА, стучали каблуки об асфальт и думал, глядя на тополя: нет! не возмёмшь! не для себя я сохраняю себя от дряблости, от домашних тапок! для вас, дураков, стараюсь!

Добываю нектар без продыха.

О ГОРОДАХ

Есть города, в которые при рождении вдохнули культуру, и она прижилась в организме. А есть города, порождённые беспорядочностью, угаром, бессмыслицей. В них всё и строится нелепо: то на горе возведут ампирную баню, и она извергает клубы пара, сеет шлак и у пивного ларька собирает никогда не моющихся людей, а то изобретут свой, особый стиль жизни, где все начальники, например, носят белые кашне, а то ещё бывает, что все пьют.

Так вот Свободный (разумеется, Алексеевск) заложили в 1912 году так не по-русски основательно, что все эти годы отсюда вытекает масса культурных уроженцев.

МЫСЛЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Мыслящий человек всё это прочтёт, а потом скажет со вздохом:

– Ну да! Да... Мило, да... Но вот мировоззренчески – нет. Нет! Как будто сел на велосипед и пошёл по шоссе, сам не зная, куда оно ведёт. Куда выведет..! Хотя в этом есть какой-то мелкий, ускользающий смысл... Но кто из *них* оправдывался перед читателем, балагурил с ним? *Они* сразу давали список кораблей на сорок страниц и описание вооружения. Всё!

И посмотрит скорбно на собеседника мыслящий человек: «И этот не тот! Даже говорить не о чем!».

А я непечатно и кратко посылаю его подальше, потому что и эту небольшую главку считаю существенным шагом вперед.

КЛАДБИЩЕ

В Свободном я прежде всего должен пойти на старое кладбище на горе за церковью и найти там могилы деда и бабушки. Дед умер в 1948 году после пятнадцати лет лё-

гочной болезни, в начале которой была жестокая простуда, а бабушка Вера Петровна – в 1972 году, 84 лет, также простывши.

Если идти по направлению к площади Лазо и чуть забирать вверх, то где-то там и расположено кладбище.

Я поднимался по улицам и город открывался в разные концы. Людей почти не было: впереди по-кавалерийски шла старуха в чёрном, но я не стал её догонять, чтобы спросить о кладбище. Нехорошо. Сам найду. Я прошёл мимо деревянной пятиглавой церкви, окрашенной в ядовитый синий цвет. Медный колокол на колокольне выглядел как ротозей. Белые железные ворота на территорию церкви были на замке и хитром запоре. Видимо, местные атеисты школьного возраста приучили причт к бдительности.

Уже у самого последнего подъёма перед кладбищем стояло лицом к городу четырёхэтажное крупное здание кооперативного техникума. К нему вела бетонная лестница, частью обвалившаяся. Её боковые ограничители были выполнены в виде чудовищных тумб. В эти тумбы упрятаны были машины кирпича с полным надругательством над здравым смыслом. Это была демонстрация воли завистливого лентяя. Это было направлено на подавление инакомыслящих, вернее, просто – мыслящих. На этих гигантских тумбах он и находился – дух завистливого лентяя, его примитивное эго.

Нельзя злым приходиться на кладбище.

У общежитий техникума – целая роща коренастых, пышнозелёных сосен. И даль Свободного, хотя и буроватая из-за сопков, не успевших ещё позеленеть, хотя и разбросанная, деревянная, шиферная, но всё же даль, родина с рекой.

У стареньких ворот сидела на скамейке старуха в зелёном пальто.

– Вы не подскажете, как мне найти могилу бабушки? Я был на Западе, когда её хоронили пятнадцать лет назад, – я принял старуху за легендарную сторожиху кладбища, единственную, кто получал зарплату за мёртвых людей в этом

городе. Мне сказали, что она помнит и десяти, и двадцатилетние похороны.

– Та вот я нэ бачу, игде вин е, – старуха изменила непроницаемое выражение лица на доброжелательное. – Собака лае, а його нема. Сама-то в больницу въехала, у Благовещенск. А його нема. Може, могилку кому показывае. Я и у окна стучала. Може, за хлибом пийшов. Та я уж долго сижу.

Я через новые ворота, мимо свалки прошёл на кладбище. Я не надеялся найти их могилы. Деревья росли часто, потеплело, на солнышке было даже жарко. Я сделал круг между могил, оград. Нет. Не найти. Никаких списков, планов, учёта, регистрации. Завистливые лентяи считают, что мертвецы – это лишь часть неорганической природы и думать о них надо как можно реже. Лучше вообще не думать.

СТАРИК НА ИНЖЕНЕРНОЙ

– Вы давно здесь живёте? – спросил я у старика, ссыпавшего золу в траншею.

– Да я и родился здесь, – ответил старик, срывая покровы со своей жизни.

Вся Инженерная улица, уходящая вверх, лежала со вспоротым животом.

– В лютые морозы копали эту траншею. Японским экскаватором, – старик поставил пустое ведро, из него рыжим кольцом высунулось колечко золы и снова скрылось. – Тепло тянут к новой школе. План-то на всех дан в один срок – на землеройщиков, отделочников, сантехников, каменщиков и ещё чёрт те на кого. Но это ж невозможно, чтоб кто-то план не нарушил. Тот нарушил, этот. А землеройщик выполнил в срок. Вот и лежит улица полгода кишками наружу. Я человек мирный, но тех идиотов, которые нам такую жизнь запланировали, я бы за яйца подвесил. Особенно монгола того лысого.

Старик сказал эти слова задумчиво, посмотрел вдаль.

– Или вот дома построили панельные внизу. И сток воде закрыли. И в тех двух своих домах, где люди с рождения живут, вода круглый год под полом стоит. А люди в том не виноваты. Нет. Это сейчас такие разговоры идут: что русский, мол, всегда дурак был. Головоотяп. Раньше, помню, над китайцем так измывались: китаёза, китаёза. А китаёза тыщи лет с такими дураками разговаривает. Это такая природа у человека – слабого топтать. Чуть человек оскользнулся, надо его быстрее глубже вбить. Какое дело – русский или бурят? Или еврей так называемый? Большевики тут правы были – от человека зависит. Но они человека неправильно стали определять. Они его внешне определяли. На уровне бревна. Поэтому я их слышать не могу. Только по телевизору скажут «КПСС», так у меня всё ходуном идёт. Дураки, они всегда вместе держались, кучей шли, но уж до такой крови-то ещё никогда не добивались. Ты чего спросил-то?

– Насчёт? – я был поражён фонтаном свободомыслия.

– Давно я здесь живу? А я говорю – родился тут. И что?

– Да я, наверно, тоже здесь родился, – сказал я.

– Ну что ж, – ухмыльнулся старик, – улица ничего, нормальная. А что так – «наверно»? Не помнишь, что ли?

– Дед у меня здесь жил. Образцов. А отец комнату снимал на Торговой.

– Ну знаю я Образцова. Вон там, сосед мой, в голубом дому. Это ж я молодой был, когда он умер. А потом старушка дом продала. К сыну уехала на прииск. Похож ты на батьку своего. Похож.

У меня немного перекрутилось в голове от соответствий. Отца старик видел лет сорок назад, то есть ему самому и отцу было меньше, чем сейчас мне лет на десять, бабушке было меньше, чем сейчас ему лет на пятнадцать, так почему он называет её старушкой?

– Откуда приехал-то? Инженер, что ли?

– Из Петербурга. Географический закончил, – полтора раза соврал я. Географический я не закончил, и своим заявлением обозначил себе ложную профессию.

– А-а. Георгáф. Работал я тут на малом БАМе в изыскателях по рекам, по мостам. Это в тридцатых годах. Четыре партии было – Селемджа, Буряя, Олекма, Гарь. Зэки там были, конечно. Я в кино пошел смотреть «Далеко от Москвы». Ушёл через полчаса. Там комсомольцы строят. Это ж ты подумай, как человек силён: ведь семьдесят лет всё врут, врут, врут. Ни одного слова правды я за свою жизнь не слышал. И – ничего! Правду говорить стали – и как с гуся вода вся эта ложь! Ну разве не чудесно? Хочется мне перед смертью, дорогой георгáф, увидеть господу Бога и с ним на эту тему поговорить. Поблагодарить за то, что он такую крепкую материю на человека потратил. Но и шелобан я б ему вкатал за такие его эксперименты, которые он над моей родиной Россией инкционировал. Потому что любой сатана прежде, чем дело своё делать, он глазом на начальство косился. И – ничего, порядок! У меня в хозяйстве гвоздь пропадёт, я это замечу! А тут сто лет, понимаешь, детей да стариков, да мужиков с бабами безвинно ломами убивали, да ещё песни при этом пой! Так и в Совгавани в войну, служил я там, далеко от Москвы. Эти лагерь через пять километров, и зэки с кайлом да лопатой, прямо сплошные ряды людей. Норму не дал – паёк урежут. Если урежут, как дашь? Человека там не хоронили. Клали в мох. Берия всех строителей погубил. Посмотри, как строят, это разве стройка? Они же всю землю перевернули, они самое главное воевали с землей, рыли её, взрывали. Крестьянин землю вычёсывал, как шкуру дорогу, и босиком по ней ходил. Он знал, что она живая. А эти её убили. Но не всю. Руки коротки. Ты в командировке, что ли? Вид озабоченный.

– В командировке. Это вот тот голубой дом?

– Я ж сказал – сосед мой. Дом за шесть тысяч продан, за внешний вид. Потому что лес пошел на него – верхушечный. А что внутри? Комнатка там, потом туда кухня, сюда зало, и ещё комнатка. Ажаев его фамилия, этого вруна.

НОСТАЛЬГИЯ

Я хотел обойти квартал с внешней стороны, но свернул во дворы и, пройдя мимо полуразрушенной гостиницы «Амур-золото», вдруг попал на четверть века назад. У котельной лежала мелкая угольная пыль, деревянные заборы потемнели, наклонились... Я подошёл к своему забору, поднялся на груды металлолома, утвердившись на железной, порезанной автогеном плите... В особенности меня взволновали перила на стойке, на балкончике *вышки*, где мы с братом жили летом после армии... И две доски посреди огорода, на бровке, по ним ходил на работу отец вот к этой калитке. Сейчас он почти ослеп и живёт в Донбассе, в чужой стороне... А ещё стоит вишня, которую он посадил, и яблоня-ранетка... Он никогда уже не увидит этот дом...

Я жадно смотрел и на завалившийся парник, и на завалянку с отставшими досками. Дом ещё крепкий, очень крепкий...

Грусть меня охватила. Я повернулся и ушёл.

ДЕМОГРАФИЯ (2)

Город Свободный по переписи 1979 года занимал в СССР 364 место – 74 520 человек.

Рядом находились: Азов, Асбест, Балхаш, Белорецк, Бузулук, Воскресенск, Вышний Волочёк, Гатчина, Гусь-Хрустальный, Егорьевск, Ейск, Эссентуки, Железнодорожный, Каменск-Шахтинский, Кохтла-Ярве, Красногорск, Кропоткин, Лысьва, Мары, Мозырь, Молодечно, Мукачево, Нарва, Небит-Даг, Обнинск, Павловский Посад, Петродворец, Полоцк, Раменское, Умань, Феодосия, Чайковский, Черемхово, Черногорск, Шуя, Шауляй, Элиста, Юрга.

Какое точное стихотворение.

ОТЦЫ

Было время, когда они, захватив к пятидесяти-пятидесяти пяти годам командные высоты, думали, что им не будет сноса. Как они ездили в командировки, как ставили руки локтем на стол, удивляясь, когда рука прижималась сыном, как придирчиво-снисходительно оглядывали избранников дочерей, как пили, в конце концов..!

И вот их уже не берут в больницу, потому что молодым места не хватает, их никто не помнит там, где они работали и властвовали когда-то, и по лестнице они сходят, держась за перила и останавливаясь от слабости.

Что происходит с человеком, почему он стареет? Я этого не понимаю. Это чьё-то преступление или вопиющая халатность – заставлять людей стареть.

Мой отец держался дольше многих. Он и сесть-то начал с семидесяти лет, и дедушкой не хотел называться в этом возрасте. А – сразу и постарел, и согнулся. И почти ослеп.

Жизнь – пошлая и подлая штука. Хотя она и беспрецедентна.

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя жизнь – находка для социолога. Я везде всего попробовал. Родился в предпоследний год войны в городе Свободном. Грудным младенцем попал в авиационную катастрофу. Пяти лет, качаясь на одном электрическом проводе, схватился за другой. Соседский парень сдёрнул меня за ноги. А прибежавший отец не дал невежественным женщинам закопать меня по шею в землю для того, чтобы ток ушёл. Он вернул мне жизнь при помощи искусственного дыхания. Мы в это время жили на руднике Токур, совсем недалеко от Охотского моря.

Господь, видимо, заметил меня после двух покушений со стороны цивилизации и вложил в мою душу презрение к науке.

Где я только не учился, где только не работал, где только не жил. Но ничто меня не коснулось. Мне по-прежнему пять лет. И всё, что я делаю, я делаю без умысла, как Бог на душу положит. Но в моих поступках и в написанном мною окружающие обязательно находят тот или иной умысел. Нет у меня умысла! И никогда не было! Я даже на свет появился без собственного согласия.

Больше того, если я вижу явную выгоду для себя в каком-то знакомстве, или в показе, или в телефонном звонке, я с удовольствием избегаю подобных подарков судьбы.

В этом моя наглость и непрекращающийся раздор с машинной логикой презренной цивилизации, два раза покушавшейся на меня, младенца.

Почему люди страшатся быть дурачками? Ведь дети иногда – такие дурачки! Когда первоклассник обнимает маму за талию и спрашивает, отчего она не хочет побольше есть и родить ему братишку, как тётя Света, то он ведь – дурачок. И любовь к нему оттого, что он дурачок, удесят�еряется.

Все мы дети у матушки-природы. Но любит она только дурачков.

ИЗ ГАЗЕТ

В 1946 году в поселке Экимчан, Селемджинского района Амурской области за убитую волчицу давали 300 рублей, за волка – 200. Кроме того, в качестве поощрения победитель волка получал 10 кг соли, 5 кг мыла, 20 коробков спичек, 2 литра керосина и 2 литра вина.

За 10 килограммов сданных грибов (груздей и белых) или ягод (брусники, голубицы, моховки) можно было получить чулки, полметра хлопчатобумажной ткани, 50 гр мыла, 100 гр соли, 100 гр керосина, 2 коробка спичек, 25 гр махорки, 20 гр чая.

ОПЕРАЦИЯ В ПРОТИВОГАЗАХ

«В Соловьёвской больнице Джалиндо-Урканского приискового управления произведена операция удаления червеобразного отростка слепой кишки (аппендиктория). Оперированный – машинист Соловьёвской электростанции Шевлюгин Д.И. Хирург Вержбицкий С.И., ассистент д-р Даник С.И. и операционная сестра Король Н. – все были в противогазах. После операции через три дня больной Шевлюгин был в прекрасном состоянии и выписался из больницы.

Вержбицкий».

(Газета «Авангард» от 1 января 1938 года)

ФАМИЛИЯ

Секретарь РК ВЛКСМ Нещадим.

ХРОНИКА

«Тов. Ежов Н.И. освобождён, согласно его просьбе, от обязанностей Наркома Внутренних Дел с оставлением его Наркомом Водного Транспорта.

Наркомом Внутренних Дел СССР утверждён Л.П.Берия».

(Газета «Авангард» от 15 декабря 1938 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

«Правительство Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о гибели великого лётчика нашего времени Героя Советского Союза тов. Валерия Павловича Чкалова при испытании нового самолёта пятнадцатого декабря сего года».

(Газета «Авангард» от 18 декабря 1938 года).

ОНА БЫЛА...

Она была такая...

И руки, и плечи, и стремительный позвоночник, готовый вдруг изогнуться, чтобы глаза изучили сосновую веточку, и мгновенно выпрямиться для дальнего долгого взгляда – как бы сторожевой башней, – и изломаться в лени, разветвиться в закинутых за голову руках... Она была такая.

Животное, которое чувствует то, что его пасут, но не верящее в это.

Это грустно.

Никто её не пас.

Как можно пасти шестнадцатилетнюю девушку, которая умнее лошади и опытнее моллюска?

Вокруг костей её скелета было ровно столько круглого мышечного волокна, сколько нужно, чтобы ходить, сгибаться, плавать, танцевать, не думая о том, как это легко.

Да конечно же, она была совершенна! Но её родословная... Ей не хватало французенки в роду. Или дворянки. Или хотя бы актрисы.

Когда она смотрела на меня из листа бумаги, и её лицо заполнялось строчками, которые она, улыбаясь, раздвигала...

Один главный инженер, узнав, что я пишу, самоуничтожился, попросив, чтобы я написал, как они хреново работают.

– И напиши... – сказал он.

«Обо мне», – понял я.

Я напишу.

Я напишу, как он садится в автобус и запах сирени в её руках... и небрежный калач русских волос... и шея с ложбинкой... И ему вдруг становится достаточно своей жизни, которая наполнилась грустью, как балластом, и впервые ему не стыдно лысины в общественном месте... Я напишу.

Она была такая, какой я её выдумаю.

Галя Осипова. Так я её назову. Потому что её так звали. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Нам было по сем-

надцать лет. Можно сказать – около двадцати. Нет, тогда нам было без трёх месяцев семнадцать. Ей чуть больше. Умереть и не проснуться. Галя, ау..? Где ты..?

Когда я смотрел на Енисей под мостом перед Красноярском, я ещё не понимал воду. Во всём мне нужен был смысл. Большая река по имени Енисей, над нею железнодорожный мост, по мосту идёт поезд, в котором я еду на Запад (навсегда) поступать в институт, я еду! Значит, вода должна на это отреагировать. Я не видел её реакции. Я не умел её увидеть. Сейчас я спокойно смотрю на любую воду. Я думаю, что я – её господин. И любой отблеск на её поверхности, и волну, несущуюся по береговым валунам, и выпуклое зеркало водопада я воспринимаю чьим-то приветом мне.

Как я нагл. Как я хорош и устойчив для того, чтобы поместить тебя в раму окна, над вагонным столиком, над недоеденным рассольником из судка разносчицы – какой-то рассольник помогал тебе стоять, опершись выгнутыми руками о столик и долго смотреть на Енисей.

Всё прошло, не начавшись. И чём беднее главный инженер, в голову которого ударила твоя сирень? Тем более, что в тот день он был в вельветовой кепке.

Впрочем, тогда он был совсем молод, лет двадцати пяти, и не успел ещё стать твоим мужем. Это случилось позже. Он не видел тебя в вагоне над Енисеем, поэтому и посчитал свою жизнь напрасной, но сирень..? Не я её придумал. Я только согласился описать то, как он хреново работает, не больше того. Когда же он приходит домой...

Нет. Этого я знать не хочу. Пусть Лобачевский придумывает пересекающиеся параллели, может быть, это полезно. А ты стой себе над рассольником, который скоро заберут, и смотри вдаль, на север, с той женской достаточностью, которая невозможна без зрителя. Как я себя недооценивал! Каким плотным и ненавязчивым зрителем я был! Как я тебе помогал в стремительных движениях позвоночника, после каждого из

которых наша повесть обростала новыми продолжениями. Но они не пересекались. Как будто электрическая дуга летела между ними.

Умереть и не проснуться.

Теперь я скажу:

– Молодёжь! Все мы в конце концов добиваемся того, к чему стремимся. Но дальше нас несёт только недостижимое. Жить можно. Ничего. Не надо строить. Главное – не путаться под ногами – и дом готов.

И зачем мы так выпили? И добавили на Большом проспекте, в шашлычной у Гавани? А на проспекте Нахимова попали под ветер, и сердце моё сжалось в подъезде блочного дома, я сел на ступеньку у плоской батареи. Главный инженер сел рядом. Он был лыс и я не был волосат. Он уважал меня за тот миропорядок, которым я с ним сегодня поделился.

– Моя жена, – сказал он и шумно вздохнул, – не уважает... Какой я к черту главный? Я – тритон...

– А ты знаешь, что я... – начал я, но он прервал меня:

– Её! – сказал он, встал, ещё раз шумно вздохнул и добавил: – С сиренью...

– Я знаю твою жену, – продолжал я. – Она...

– И этот запах! – закричал он, оглянулся и, всхлипывая, снова сел. – Я – тритон... Но я хочу жить... У меня ничего... не было... Меня в детстве... дразнили...

– А меня нет, – жёстко сказал я. – Поэтому твоя жена...

– Дразнили! Тритоном! У меня губы узкие! Как у... как у... Я оставил его.

На Наличной у магазина «Богатырь» живёт моя тётка. Она старая, но всё помнит. Она помнит, как в шестнадцать лет я приехал сюда, чтобы поступить в институт. Но я не зайду к ней. Потому что уже ночь, белая, ветреная. Ветер с Запада, с Финского залива. Жену главного инженера зовут Галя. Она из Читы. Но её девичья фамилия...

Впервые я люблю этот город. Ночью в нём можно передвигаться как днём. Здесь высокие перистые облака. У глав-

ных инженеров тонкие губы. И я был зрителем того, как их жёны летели сюда со всех концов страны.

Время! Я подставлял тебе свою грудь, и ты оставалось во мне, и мне не было больно.

Она повернулась ко мне и сказала:

– Какая широкая река!

АНЯ

Я вернулся в свой вагон, Темнело, но проводник не включал свет. А попросить было некому: человек пять сидело у окон в разных позах, ещё двое лежало, уткнувшись в стенки лбами, как будто в этих стенках была таинственная глубина.

Я сел и начал дотошно осваивать пейзажи. Всегда мне казалось, что вот-вот, ещё немного и я начну читать виды из окна поезда, как египтолог свои иероглифы. Но книга эта редко открывалась мне. Сопки, мари, штабеля шпал... Иногда поезд вдруг пойдёт в обход сопки и станет видна блестящая нитка впереди тепловоза, на которую он жадно насаживает себя, как червяк, ошалевший от боли.

Прилежно глядя на темневшие окрестности железной дороги, совершенно дикие, без следов человеческой деятельности – а свет исчезал, как будто лиственницы, кусты и трава теряли свою светоносность – я думал о парочке, уносившейся в неизвестность. Сращение ненависти и любви, растянувшееся на тридцать пять лет, создавало вокруг себя шатание воздуха, трясучку предметов. Казалось, что полусонный поезд в том месте, где они располагались, даже подскакивает на ходу. В то же время я не мог освободиться от ироничного постоянного взгляда сбоку. Так человек неверующий воспринимает самые яркие проявления потусторонних сил, он пугается и в то же время думает: «Ну-ну, чем вы меня ещё удивите? Я же знаю, что вы специально для меня это разыгрываете... А если без зрителя, без свидетеля, а..?».

– Вы не хотите выпить со мной? – в проходе чёрным силуэтом стояла невысокая, полная женщина с платком на плечах. Вопрос был задан печальным голосом. Интонация подразумевала чаепитие.

Я поднялся с готовностью. Если бы мне предложили таким тоном убить человека, я также поднялся бы, веря больше окраске голоса, чем смыслу.

Но на столике в соседнем купе чуть трепыхалась тёмная бутылка вина, позвякивая о стакан.

Я сел напротив женщины. Подступающий смех делал моё лицо совершенно спокойным. Иронический боковой взгляд становился центральным.

– Если не брезгаете, – твёрдым голосом одинокого пьяницы произнесла женщина, наливая полстакана, а затем решительно доливая до краев. – Вот конфетка. Без тоста.

Я выпил.

Мы помолчали.

– Глупая жизнь, – сказала она, глядя в окно. – Ой, глупая...

Нет, сегодня с меня хватило бы той парочки. Я сразу понял, что сидеть придется долго, может быть, до Тыгды. Или до самого Невера. Но лица её было не разобрать, а модуляции ее низкого, грудного голоса вдруг стали работать на это лицо: то сообщая ему раскосость и скуластость, то старя, то, наоборот, делая юным, с просвечивающей тонкой кожей. Словом, это был спектакль отгадываний. Может быть, вино вступило, не знаю.

– Чёрненький никогда не станет беленьким. А беленький чёрненьким – всегда... Аня меня зовут. Анна. Из Свободного я еду. В Читы. А вообще я из Питера. Вы откуда?

– Из Питера.

– Сколько вас... понатыкано.

– Нас.

– Нет. Я сейчас из Свободного еду. До Читы. А в Петербурге я существую.

– Я тоже из Свободного.

- В командировке?
- Да.
- За что это вас?
- Сам.
- Сам? Тоже свободненский?
- Да. Тоже.
- Ну и как Питер? Намял бока?
- Намял.
- Да-а... Это он может. Слушай, давай на ты?
- Давай.
- Ты случайно не писатель?
- Писатель.
- Да, юмор у тебя чисто ленинградский. Тебя мнут, а ты крепнешь. Хочешь, я тебе жизнь расскажу? Очень долгая у меня жизнь. Очень глупая. Но ты не волнуйся, там есть смешные места.
- А куда нам спешить.
- Да... Да. Уже некуда нам спешить. Ты в очках, что ли?
- В очках.
- Сними. Я тебе в глаза буду говорить. Надоели мне очки эти. Слушай... Давай ещё выпьем, а? А то я разрыдаюсь.
- Я на ощупь нашёл стакан, на звук налил.
- Проводник в соседнем вагоне пьянствует. Ну и хорошо, – она вздохнула, затем выпила, захрустела конфеткой. Я сделал то же самое.
- Мы помолчали.
- Хорошо ты молчишь. Знаешь что? Не буду я тебе ничего рассказывать. Иди спать. Я одна посижу.
- Я нащупал очки на столике. Встал.
- Нет. Ты хороший. Не уходи.
- Я сел.
- Если ты так подчиняешься сознательно... Да. Но этого не может быть. Тогда ты, наверное, дух святой. Дай я тебе расскажу, господи, какая я дура. У нас в Свободном

был хороший дом на Инженерной улице, под горой. Синенький такой дом, обшитый вагонкой. Папа даже забор красил синей краской. А под окном рос тополь. Он рос, рос..., и я росла. Однажды смотрю – а тополь толстый-толстый! Я подумала: как же это он толстеет? У него что, мозг есть? Или им кто-то командует? Ведь древесина же, кора и листья, больше ничего! И корни совершенно разумно куда-то лезут, что-то ищут. А мы в школе ботанику проходили, глупую такую науку. И когда я про тополь задумалась, я страшно поумнела. Ну, когда грудь растёт, волосы появляются – это одно. А когда действительно умнеешь – от этого радость бывает, внутри, как песня. Только некому её петь. Это я поняла ещё в школе. Я в девятой школе училась. А ты в какой?

– В двадцать второй.

– А. Соседи. Надо было нам тогда встретиться. Ты на танцы куда ходил?

– В ДОСА.

– Я тоже. Может, мы даже танцевали..? А-а, чушь всё это. Знаешь, плохо, когда сразу, в один миг умнеешь. Слишком много о себе начинаешь воображать. Вот и я вообразулистая стала. Лучше бы меня ребята тискали, будили другой ум. А я о будущей жизни задумалась. Папа у меня простой плотник был. А мама всё время болела. Она старше папы выглядела. Но он её очень любил. Что он только не делал дома! Какая у нас мебель была уютная! Стол у меня так и дышал деревом. А кровать была как у принцессы. В такой кровати хорошо о будущей жизни думать. Я этот дом после смерти мамы продала за пять тысяч. Сначала папа умер, а потом, через год – мама. Я два раза приезжала из Питера на похороны. Бессердечная. Петербург – это город, который сердце уничтожает. Там ценят другое. Там знания ценят. На вид он как будто бы мечтательный, белые ночи всякие, Нева. Но он мёрзлый весь. И только головы там растут с холодными глазами. Может, в этом наше спасение. Почему я это сказала..? Действительно – почему..? Да! Нельзя слушаться сердца. Вот послу-

шались мы сердца в семнадцатом году, равенства захотели, а пришли подлые, косматые звери и взяли всех голыми руками. Разве таких зверей хоть близко подпустили бы? Они же глупые, тупые, с кровавыми глазами. А мы к ним обниматься полезли... Жизнь ведь состоит не из рабочих и крестьян. Жизнь состоит из чёрненьких и беленьких. И чёрненький беленьким никогда не станет. А беленький чёрненьким... может, и не станет. Но это очень трудно. Папа у меня был простой плотник. Он тоже о будущем думал. Я в него пошла. Но он всё время молчал. Строил и молчал. Он нам с мамой дом построил, такой... как корабль. Чтобы мы плыли в нём с мамой и горя не знали. И когда я в тогда ещё Ленинград рванула, он ничего не сказал. Только он посмотрел на меня, когда поезд уходил... Господи... С такой тоской посмотрел, я вся оледенела и у меня сердце назад, назад побежало! Но я начала шептать себе, что – потерпите, мои хорошие, я вам такую жизнь обещаю! И я действительно всё просчитала. Очень сложно, ответственно. Я просчитала прежде всего себя. В молодости себя трудно просчитать: сегодня у тебя глазки блестят и ты стоишь миллион. А завтра тебе надают по морде и твоя цена копейка. Но я зачёсывала свои волосы в тугий узел и, слава богу, кудряшки у меня надо лбом естественные порхали. Две четвёрки у меня были в аттестате – по истории и по обществоведению. Даже смешно – по истории и обществоведению! Потому что история была моим любимым предметом. А учительница была из косматеньких. Я её в восьмом классе, когда стала вообразулей, поправила по датам... Всё. Не хочу я больше. Выпотрошил ты меня. Прощай.

Я ушёл.

Наутро заглянул в её купе – там было пусто. Может, приснилось..? Но нет. На столике, скреплённые в левом углу, лежали листки с машинописью. Рассказ назывался «Столичная жизнь». Фамилия автора отсутствовала. Аня его зовут.

«СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ»

Нина прочла в какой-то газете о том, что в Ленинграде можно поступить в ПТУ и по окончании его получить прописку и общежитие. И она поехала в Ленинград. Вначале на автобусе добралась до железной дороги. И здесь впервые увидела поезд. Конечно, она представляла себе и поезд, и жизнь в городах, и не думала, что это произведёт на неё большое впечатление. Но на станции, когда мимо прогремел товарняк, масса железа, мчавшаяся по прочным блестящим полоскам стали, заставила её вздрогнуть и внутренне напрячься. И это напряжение уже не оставляло её.

Дома осталась одна мать. Она работала уборщицей в клубе и, сколько помнила Нина, всегда была пьяной, растерзанной и чужой. В школе родительский комитет помогал Нине – то валенки к зиме, то форменное платьице. А в седьмом классе её поселили в интернат. В интернате жить было легко. Хорошо кормили, не ругали, не били, и из бесцветной щупленькой девочки с застывшим и тупым лицом за год подростом странное существо.

Она стремительно выросла из старых платьиц, и это представляло её мучиться. Она с изумлением вслушивалась в себя. Когда наступила весна, и апрель раздавил снег на сопках, в мае ожили деревья, по вечерам стало трудно дышать, как будто то, что росло изнутри, сопротивлялось дыханию, и шла вялая, томящая борьба, от которой Нина слабела. Она часто уходила в лес, и одиночество было приятно ей.

Не она одна заметила перемену. В классе, где на неё раньше не обращали внимания, где она сидела тихо, ни с кем не знаясь, одноклассники вдруг с недоумением и робостью заметили на второй парте у окна под скромными бантами белое лицо и чистые зеленоватые глаза, а под застиранным платьишком и нитяными чулками чужую, не детскую жизнь тела.

Это было время, когда рушились детские истины. Родительские заботы об одежде и питании уже не имели значения,

тело само справлялось с неказистостью, а каша и ржаной хлеб, футбол и разбойничьи бои на листовничных саблях решительно брали верх над булочками и печеньем, филателией и книжками из семейных библиотек. Школьные успехи отошли на второй план, успеваемость катилась под гору, и семиклассников по вечерам выгонял на шоссе, заставлял гулять парами и компаниями вечный четырнадцатилетний поиск.

Нина в младших классах перебивалась с тройки на двойку, а в седьмом была уже прочно в середине. Она привыкла на уроках слушать учителей, о домашнем забывала и, когда пришло это полное ощущение здоровья, уже не смотрела затравленно, думая, что она – хуже всех и не может ничего знать. Она не боялась тишины класса у доски, а, смотря поверх голов на портрет Мичурина, бесстрастно и точно отвечала урок. Учителя ставили её в пример. Но только по географии у неё была пятерка. Она любила карту, подолгу простаивала перед ней и, найдя крошечный кружочек своего посёлка и голубую жилку реки, следила, как ветвится она, как утолщается жилка и, порезав землю в устье на длинные острова, сливается с океаном. По фотографиям в учебнике и в книгах у своей новой подруги, дочери главного бухгалтера леспромхоза, она представляла большие города, степи, пустыню с весёлым названием Калахари, и – повторяя про себя чудные слова Венесуэла, Занзибар, Берег Слоновой Кости – видела чернокожих людей, удивительных зверей и деревья. Вечерами, лёжа в постели и слыша привычные громкие голоса в коридоре барака, она путешествовала по этим словам и, улыбаясь, засыпала.

После окончания восьмого класса Нина пошла работать. Вначале устроилась на пилораму подсобницей. Но ей не было ещё шестнадцати лет, и её перевели курьером в контору.

Их последний в посёлке барак пошел на слом, и они с матерью получили квартиру. Дом был двухквартирный. Там Нина впервые почувствовала себя взрослой. Она и раньше сама готовила, стирала, мыла полы, но мать могла дать ей затрещину, обругать, и она не смела обидеться. Теперь же ей стало стыдно

матери. Нине казалось, что над ней все смеются из-за неё. Раньше мужчины, которых приводила мать, грубо хватали Нину, она вырывалась и с плачем убегала к соседям по бараку. Теперь она спокойно возненавидела всё, что было связано с любовью, и своё томление весной и летом объясняла тем, что ей хочется куда-то уехать и посмотреть на те места, о которых она читала в книгах.

– Если ты ещё придёшь пьяной, я не пушу тебя на порог, – сказала Нина. Мать она никогда не называла «мамой», а просто – «ты». Последнее время мать ходила незаметно и виновато смотрела на неё.

– Что ты, Нинка, на родну-то мать, – тихо сказала она.

– Ты мне не родная, – отрезала Нина. – Родные детей растят, а ты кроме водки ни о чём не думаешь.

Мать заплакала.

– Ты думаешь, я верю твоим слезам? – сказала Нина. – Для тебя заплакать всё равно, что в уборную сходить. Ты не знаешь, что такое настоящие слёзы!

Вечером Нина сидела у окна и ждала мать.

Когда та появилась, было поздно, темно, и у последнего фонаря, там, где у хлюпающего тротуара не просыхала большая лужа, мать оступилась и упала в грязь. Она долго, сосредоточенно поднималась, затем, качаясь, пошла к калитке.

Нина закрыла дверь на крючок. Мать подёргала её, потопталась на крыльце в недоумении, дёрнула сильнее. Нина стояла с другой стороны, напряжённо вглядываясь в черноту двери. Мать заплакала. Она ничего не могла понять. Затем, видимо, вспомнила и завизжала:

– Нинка, открой! Нинка, стерва, открой!

Нина не отвечала. Она почувствовала мстительное удовольствие. Она долго слушала крики и визг матери, затем причитания и униженные просьбы. Постепенно стихли и они.

Нина забеспокоилась, но заставила себя пойти в комнату и лечь в постель. Она подавляла беспокойство, старалась вспомнить все прошлые обиды, но не выдержала, вскочила и выбежала на крыльцо. Мать спала под дверью, свернувшись

калачиком, и стонала во сне. Свет из террасы резко оттенял её худое, дряблкое лицо. Платье и руки были в засохшей грязи.

Нина стояла, склонившись, и долго смотрела на мать. Она уже не торжествовала, и вдруг, присев на порог, заплакала. Нина никогда не плакала так горько. В детстве она плакала от обиды, когда стала постарше – от злости, а теперь её затопили жалость и бессилие. Она внезапно поняла, что у неё не было ни одного близкого человека в жизни, и всё, что будет дальше здесь, в посёлке, так же безрадостно. Всё вокруг было чужое. Даже эта квартира, где она воображала себя хозяйкой, где расставляла сама скудную и жалкую мебель, где вымыла и вычистила всё, что можно, и которую она старалась украсить вырезками из журналов, новой скатертью и покрывалом, купленным с аванса, так же чужая ей, потому что рядом была мать с её пьяной и грязной жизнью.

После того, как она выплакалась, стало легче. Она перенесла мать в кухню. Та не проснулась даже тогда, когда Нина раздела её и помыла из таза.

Уложив мать в постель, Нина долго лежала без сна. Тогда-то она и вспомнила об объявлении в газете. У неё было скоплено сто пятьдесят рублей. Она подсчитала, что через полмесяца, после полочки, будет не меньше двухсот и тогда можно будет ехать. Они никогда не была нигде, кроме своего посёлка и райцентра вверх по реке. Она начала вспоминать всё, что читала и слышала о Ленинграде.

Назавтра пошла в библиотеку и взяла книги о городе. Она уже любила его улицы, Неву, Васильевский остров и Лебяжью канавку. Она снова путешествовала по словам и то, что эти слова были вмещены в одной точке на карте, делало этот город средоточием странно прекрасных людей и зданий. Она не могла дожидаться времени отъезда.

Ей исполнилось семнадцать лет. После нищего, заплаканного детства Нине нравилось быть хорошо одетой, и она сэкономила на еде, забирала деньги у матери, и та унижалась перед ней, выпрашивая по рублю. Она купила хорошее пальто

с коричневым меховым воротником и кроличью шапку, платье и туфли. Она постоянно теперь ощущала на себе взгляды мужчин. Она казалась равнодушной и высокомерной, но что бы она ни отдала за одну только игру в прятки!

Как-то летом у стадиона, под вечер она не утерпела и навязалась играть с ребятами. Она спряталась под трибуной и слышала, как наверху водящий бубнил: «Я иду искать, кто не спрятался – я не виноват...». В щёлку она видела, как пацан растерянно огляделся и с неуверенной улыбкой вслушивался и всматривался в близкие лиственницы, затем осторожно пошёл к ним, поминутно оглядываясь, и его фигура в коротких штанах, стоптанные вовнутрь ботинки, худые ноги с луковичами колен, лобастая голова на тонкой шее в золотом свете солнца, опускавшегося между сопок, показались ей такими родными, что она от наслаждения прикрыла глаза. Пахло сухим смолистым деревом, и небо с серебряными, сверкающими облаками походило на океан и острова, оно было безбрежно. Она смотрела на него в щёлку, нагретый воздух обнимал её, ей казалось, что тело, глаза, волосы плывут в этом воздухе, и она впервые ощутила себя всю, от лодыжек до ключиц. Она смотрела на себя, поднесла к лицу сгиб руки и дышала запахом предплечья. Затем не удержалась и поцеловала свое плечо. Никогда ещё ей не было так хорошо.

При расставании мать плакала, глаза Нины были сухи. Сердце её билось часто. Впереди была такая широкая жизнь, что хотелось петь.

В поезде она не отрываясь смотрела в окно. Заглядывая в маленький карманный атлас СССР, Нина с восторгом узнавала Читу, Улан-Удэ, Байкал, Ангару, Енисей. Её подмывало выходить на каждой станции и оставаться там, пока глаза не привыкнут к новым объёмам земли, к каждый раз новым водам рек, к сумраку новых для неё лиственных лесов. Но затем, в Западной Сибири, она начала скучать. Впечатлений было слишком много и напряжение, с которым она увидела первый поезд и не оставлявшее её, утомляло.

В Москве Нина долго ходила по улицам у Комсомольской площади и ошеломлённо оглядывалась на шпиль высотного дома.

Так она приехала в Ленинград.

Пока устраивалась в ПТУ учиться на ткачиху, поселялась в общежитие, знакомилась с соседками по комнате, узнавала, где ближайшие магазины, как пользоваться газом и ещё множество мелочей, нужных для жизни в большом городе, прошёл месяц.

Зарядили дожди, а у неё не было плаща. Она купила зонтик и ходила в пальто. От общежития до фабрики было недалеко, три квартала.

Вначале Нина боялась города и редко куда выходила. Но любовь к кино пересилила. Ей нравилось то, что можно посмотреть кино по выбору. Так, с подружкой, она объездила весь Ленинград, и сама не заметила, как стала хорошо ориентироваться.

Её подруга, которую звали Таня, была старше Нины, ей уже исполнилось двадцать лет. И вот однажды, зайдя к ней в комнату, Нина застала её плачущей. Она удивилась и стала расспрашивать. Наконец Таня призналась, что вот уже месяц встречается с парнем, и вчера вечером он сказал ей, что или она придёт к нему в общежитие на ночь, или всё кончено. Рассказав это, Таня зарыдала, обняв Нину и спрашивая её сквозь слезы: «Что же мне..? Ведь он такой, сказал – так и будет».

Нина почувствовала, как её опутывают чем-то гадким. Она резко высвободилась и села к столу.

– Ну и что ты? Пойдёшь? – спросила она сквозь зубы.

Таня пожалала плечами. Её слабая, унылая фигура, вялые губы и заплаканные глаза были так противны Нине, что она не сдержалась:

– Ух, ты, кошечка! Иди, что же ты! Тебе ведь хочется, а? Ну, скажи?

– Не знаю... Я боюсь.

– Боишься, – насмешливо сказала Нина. – Кого боишься-то? Он же сам такой же сопливый, как и ты. О! – вскочила она со стула и забегала по комнате. – О, какие вы все дохлые, тихонькие! Напакостят и плачут, и плачут! Ты зачем сюда приехала, а? Зачем?

Таня с изумлением, молча смотрела на неё.

– Зачем, я тебя спрашиваю?

– А ты? – спросила Таня. Она уже не плакала и выражение лица стало колючим.

– Я..? Я приехала, потому что мне нравится этот город.

– И мне нравится.

– Тебе? Тебе нравятся его подъезды и то, что нет матери, которая бы тебя оттаскала за волосы. Вот что тебе нравится!

– Ха-ха, – коротко засмеялась Таня. – Монашка, ха! А кино всё любовные смотришь!

– Я смотрю те кино, в которых настоящая жизнь, ясно? Я смотрю настоящие чувства!

Таня устало вздохнула, встала и начала оправлять постель.

– А где ты их возьмёшь, эти чувства? – спросила она.

Нина хотела возразить, но не смогла и раздражённо ударила костяшками пальцев по столу.

– Тебе хорошо, – продолжала Таня, обернувшись. – У тебя всё на месте, хоть саму в кино снимай.

Нине ещё никто не говорил так, в глаза, что она красива. У неё задрожали губы.

– Да ты что, Тань? Да я... мне противно всё, понимаешь? Мне их взгляды противны и слова... – она глубоко вздохнула. – Знаешь, что я люблю?

– Что?

– Географию!

Таня недоверчиво посмотрела на неё.

– Да! – с воодушевлением начала Нина. – Послушай только: в Тихом океане есть остров Таити. Он небольшой и до прошлого века там почти не было европейцев. Так вот – эти таитяне жили там и думали, что вся земля – это сплошной

океан, и их остров и соседние островки совсем одни, понимаешь? Больше никого нет, кроме них!

– Ну и что? – Таня даже наморщила лоб от усилий понять её.

– Как что? Они жили сами. Вот как в детстве играешь одна и кажется, что никого на свете нет и тебе никого не нужно. У них были свои цари, и эти цари, наверное, думали, что они цари всего мира – и моря, и солнца, и ночи, и дня. Представляешь? Я как подумаю об этом, так у меня мурашки по коже идут!

Таня молчала. Затем поднялась и подошла к зеркалу.

– Глупости какие-то у тебя в голове, Нин.

Она покусала губы, облизнула их, потрогала пальцами волосы на затылке и вздохнула:

– Или пойти, или не ходить...

Нина смотрела на неё, сжав кулаки, затем резко встала и вышла, хлопнув дверью.

Классы были на втором этаже фабричного дома культуры и вечерами туда доносились звуки духового оркестра, который репетировал над ними. Там же занимались драмкружок и изостудия. Нина недавно открыла, что здесь есть библиотека, которая намного богаче поселковой. Она растерялась среди моря книг и покорно брала всё, что ни предлагали. Ей очень хотелось самой проникнуть к заповедным стеллажам, и она каждую неделю приходила менять книги, так что библиотекарша начала подозрительно коситься на неё и спрашивать их содержание. И вот как-то в пятницу Нина набралась смелости и попросилась за стойку. Библиотекарша, помедлив, величественно кивнула, и Нина, покраснев от радости, шагнула в запретную зону. В это время дверь библиотеки уверенно распахнулась, так что её первый, начальный скрип прозвучал писком, и Нина оглянулась.

– «А незаконнорожденных записывать в художники!» – раздался громкий голос из-за порога, затем высунулась голова и, взяв на полтона ниже, продолжала: – Привет, Натали. Шеф не появлялся?

Некрасивая библиотекарша улыбнулась и ответила:

– Здравствуйте, мальчики. Пока не было.

Вошли двое. Первый был невысокий, черноволосый, с красивыми губами.

– Титулованные особы имеют право... – начал он, оглянулся на Нину и воскликнул: – Вот это перл!

Нина в замешательстве посмотрела на библиотекаршу. Черноволосый выхватил из кармана карандаш, прижал его ногтем большого пальца в отставленной руке и сквозь это со- оружение разглядывал её.

– Да-а, – важно сказал он, так же стремительно пряча карандаш. – Как вас зовут, девушка? Ну? Не слышу?

– Нина... – совсем растерялась она.

– Ва-ах, какая проза, – протянул черноволосый, и покачал головой. Библиотекарша тонко улыбнулась. – Ну-с, а фамилия?

– Наглый какой, – неожиданно сказала Нина и испугалась.

– Лихо! – засмеялся второй. Он как будто взорвался смехом, и все от неожиданности вздрогнули. Он умолк так же внезапно.

– Послушай, Славик, – сердито сказал черноволосый, – так смеются только очень глупые люди, понимаешь? Я-то тебя знаю, а что подумает Нина? Она подумает, что Сергей Иванович Грибов неразборчив в знакомствах. А мне хочется, чтобы она думала обо мне, волнуясь.

– Если она будет думать о тебе то, что думаю я... – широко улыбаясь, начал Славик, но Грибов прервал его:

– Нина, давайте дружить, а? Ходить по парку осенним пасмурным деньком, смотреть на гордых красавцев лебедей, давать корм белкам и ждать, ждать... Он же проклянется когда-то, цыплёнок наших чувств..!

Нина поняла, что он шутит, и ушла за стеллажи. Оттуда она слышала, как Грибов рассказывает библиотекарше непонятные анекдоты, а та смеётся.

– Тебя тут спрашивали, – сказала Нине вахтёрша.

– Кто?

– Парень какой-то. Вон, записку оставил.

«Нина, вы меня извините за то, что я приходил без приглашения, – было в записке. – Жалко, что не застал вас. У меня есть билеты на концерт. Приезжайте, если сможете, к 19 часам на станцию метро «Площадь Восстания». Я буду ждать у выхода с эскалатора.

Слава».

Нина сразу подумала, что Слава – один из тех художников, но кто именно, вспомнить не смогла. Она посмотрела на часы. Было шесть. Записка её взволновала, хотя она не хотела сознаться себе в этом.

Она поднялась в свою комнату, переделалась в халат, села за стол с книгой, но скоро поймала себя на том, что вспоминает – кто же из них Слава?

Нина снова посмотрела на часы – было пятнадцать минут седьмого, и вдруг начала поспешно переодеваться.

«Куда я спешу?» – спрашивала она себя, выбегая на улицу.

Впервые в Ленинграде ей показалось, что трамвай – медленный вид транспорта. Она даже прошла к кабине водителя, чтобы узнать, отчего он так часто останавливается. Она увидела мельком своё отражение в стекле и перевязала узел на косынке. Затем впервые пожалела о том, что не делает маникюр.

Эскалатор уже выносил её из-под земли, показался наплывающий белый зал, когда она вспомнила точно, что черноволосый – не Слава. Слава – это тот, другой, она даже лица его не запомнила.

– Неплохой был концерт, правда? – Слава сбоку заглядывал ей в глаза.

Нина шла молча.

Тогда он начал рассказывать ей о голландских художниках эпохи Возрождения, он говорил «колорит», «интенсивность света», она не понимала этих слов и думала, шагая рядом с ним, что никогда не будет понимать того, о чём говорят

в трамваях, на тротуарах, на концертах мужчины в дымчатых очках своим спутницам с распущенными волосами.

Слава взял её под руку. Она резко вырвала локоть. Ей тут же стало стыдно. Слава хихикнул и виновато поджал губы. Нина подумала, что если бы вместо Славы был его товарищ, Сергей, то неизвестно, как он отнёсся бы к этому. И ей стало скучно. Все, что говорил Слава, казалось ей вызубренным. Нина решила даже, что он такой же гость в этом городе, как и она, хотя его отец и известный геолог.

– Постоим немного? – спросил Слава, когда они подошли к входу в общежитие. Кирпичный неоштукатуренный дом нависал над улицей, масляно блестели трамвайные рельсы. Фонари в тумане казались матовыми пятнами.

На Славе была кожаная кепочка, глаза прятались в тени козырька, и со своим полным лицом он походил на переодетую девушку.

– Нина, хотите, я напишу ваш портрет? – неожиданно спросил он.

Она неопределённо пожала плечами.

– У родителей богатая библиотека, – сказал он, когда молчание стало невыносимым. – Они её хранят... – продолжал он со смешком. – Но для вас я готов... Что бы вы хотели почитать? Стихи любите?

– Да, – сказала Нина. – Но я ещё мало читала.

Она вспомнила, как библиотекарьша жаловалась кому-то, что пропала книга Заболоцкого.

– А Заболоцкий есть?

– Конечно. Из «Библиотеки поэта». «Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья, человеческий шорох травы, вещей холод на тёмной руке, эту молнию мысли и медлительное появление первых дальних громов, первых слов на родном языке...», – нараспев прочитал Слава. У Нины холодок пробежал по спине.

– Ещё, – попросила она.

– Всё не помню, – виновато сказал Слава.

– Ну, это же.

В постели она повторяла про себя эти слова и долго не могла уснуть. «Вещий холод на тёмной руке...» – шевелила она губами, глядя в белёсое окно.

Назавтра Слава пришел опять и принёс Заболоцкого.

Он стал ходить часто, его уже знали вахтёрши внизу, а одна из них даже пропускала без паспорта. Таня теперь постоянно бывала в комнате Нины, слушая его рассказы о замках Моравии, о Лувре, о музее Гугенгейма.

– Да, Нин, – вздохнула она как-то, – вот это парень. Всю жизнь бы на него стирала.

– А ему не нужно, чтобы на него стирали, – сказала Нина. – Он сам стирать будет.

– Ну, тогда на него молиться надо.

– Глупая ты, Татьяна. Славик такой человек, что сам любит молиться. И вообще всё это дрянь, дрянь и дрянь!

– Что ты психуешь? – Таня сидела на стуле, по-старушечьи сложив руки. – Хоть ты и красавица-раскрасавица, а лучшего тебе не найти. Лучшие все жадные. Кому ты нужна, пэтэушница? Без квартиры, без денег, со своей географией. Есть девчонки – весело живут, таким и везёт всегда. Будь у меня хоть фигурка, сшила бы себе мини по самое некуда, как прошла бы, а они – налево-направо, налево-направо!

– Чепуха какая.

– Ну, нет. Вот в кино, не влюбится же никто в серость какую деревенскую? Все красивых любят, чтобы волосок к волоску, чтоб ножки были. И такие все красивые у-умные, просто не знаю, куда дуры деваются.

– А что, тебе интересно было бы на них ещё и в кино смотреть?

Таня засмеялась.

– Вот, Нин, за что я тебя уважаю, так у тебя масла много в голове. Почему так бывает, а? Одним всё, а другим ничего. Хоть бы я географию твою любила, что ли. А то ни-

чего из себя не представляю. Ведь не может так быть, Нин, чтобы человек был и в то же время не был? Зря его, что ли, рожают?

– А этот, второй, что с тобой был, – Нина сделала вид, что вспоминает фамилию, – Грибов, да? Он что, хорошо рисует?

– Ты очень верно сказала. Рисует он действительно хорошо. Он – график.

– Ну и что вы, долго учились?

– Долго. С детского сада.

– Я серьёзно спрашиваю.

– Так это правда. Наши рисунки в Индию посылали.

– А у меня в детстве и красок не было. Я только в седьмом классе узнала, когда у меня день рождения, – неожиданно для себя сказала Нина.

Они молча прошли парком до пруда. Слава по-прежнему воровато поглядывал на неё, как будто не мог сдержаться, но сейчас эти взгляды не раздражали Нину. Ей было жаль себя, и казалось, что больше ничего в жизни не изменится.

Посреди пруда был круглый остров, листва там ещё держалась и громко шелестела на ветру. Жирные серые утки плавали около него целым выводком и кричали наперебой, как будто обсуждали скорое начало зимы.

– Нужно быть очень сильным человеком, чтобы любить осень, – сказал Слава. – Как Пушкин.

– Когда тебя с детства любят и учат, можно всё любить, – сказала Нина. Она едва сдерживала слёзы.

– И... когда, если не секрет, твой день рождения? – спросил Слава.

– Второго ноября.

– Так давай отпразднуем! Пригласи Таню, я Серёгу приведу. Мы купим вина, а вы какую-нибудь закуску приготовите, хорошо..?

Они пришли вместе. Грибов, не раздеваясь, поставил на стол бутылку водки и две бутылки вина.

– Вот, наш скромный вклад. А эту девушку я не знаю.

– Таня, – Таня протянула руку. – Калининкова.
 – Прекрасно. Сергей. Грибов. Целый натюрморт. Дорогая
 Нина, – обернулся он к Нине, – позвольте пару строк, трам-
 вайный экспромт:

«Нина, Нина, много лет
 Вам цвести, а нам робеть,
 Как когда-то Грибоед,
 Тёзка, Грузии поэт».

– Да-а, – протянул Слава.
 – Что такое – да-а? Поздравляю, Нина, с надцатилетием.
 Слава вот что-то затемнил в портфеле. Давайте поаплодируем.
 Грибов захлопал в ладоши, его поддержала Таня.
 – Да тут... подарочек... – смутился Слава. Он вынул свёр-
 ток из портфеля и передал Нине. – Потом...
 – Что значит потом? – возмутился Грибов. – Я свой по-
 дарок прочёл при всех. Это нечестно. Разворачивайте, Нина.
 Я не удивлюсь, если под пачкой бумаги окажется соска.

Нина развернула бумагу. В ней был женский шерстяной
 костюм.

Даже Грибов выглядел смущённым.

– Вот это подарочек, – сказал он. – Рубликов на сто пять-
 десят.

– Я... не могу, – сказала Нина. – Это дорого.

– Ну а что, – с мучительной развязностью сказал Слава.
 Он перекалывал раскрытый портфель из руки в руку. – Мне
 родители дают на расходы. Это так...

– Ой, Нинка, – сказала Таня. Она уже держала костюм за
 плечи. – Финский... А размер какой?

– Не знаю. Сорок шесть, по-моему, – поспешно сказал
 Слава.

– Мой размер.

– Э, нет, – вмешался Грибов. – Дорогая Таня, мы сейчас
 выйдем в коридор, как бы покурить, а вы поможете Нине пере-
 одеться.

Они вышли.

– Не буду я его надевать, – отрезала Нина.

– Знаешь что, Нина, – тягуче сказала Таня, – сказала бы я
 тебе по-русски. Ты бы хоть меня пожалела. Что я, не человек?
 Что ты кино устраиваешь?

Нина молча смотрела на неё.

– О чём хочешь, меня проси, – наконец, сказала она, – но
 костюм я не надену.

– А я думала, что только внешность парней привлекает, –
 тихо сказала Таня. – А ты такая... Слава, Сергей, входите! –
 крикнула она.

– Я что тебе говорил? – сказал Грибов Славе. – Молодец,
 товарищ Нина! Такой тест выдержать! Поздравляю! Ну, при-
 ступим..?

... – Талант..! какой в нем толк, если нет *у с п е х а*? –
 говорил Грибов. – Успех стимулирует. Если тебя смотрят,
 читают, ты растёшь. Десятые, двадцатые годы в России,
 когда Кустодиев был художником второго порядка, что –
 тоже талант, одарённость всё решали? Держи карман. Всем
 было место, всех смотрели и все росли из-за этого. А сей-
 час двоим тесно в одном городе, потому что им нужен не
 успех, а успешность, им надо, чтобы о них хорошо писали,
 чтобы им давали звания, выставки и деньги. Все, вроде нас,
 начинающие, думают – дайте мне только время, одиноче-
 ство, беззаботность, и через год вы ахнете. Как же, ахнут.
 Только то, что тебя ждут, может заставить прыгнуть выше
 головы. Остальные работы для вечности – это размазыва-
 ные каши по тарелке. Дай мне десять, двадцать человек,
 которые будут балдеть перед моим пейзажем, и мне напле-
 вать на остальное!

Нина напряжённо слушала их, но то, из-за чего они спо-
 рят, ускользало от неё. Слава, как всегда, говорил мягко, изви-
 няющимся голосом, Грибов сердился, кривил рот, а Таня ску-
 чала. Вначале она, с усвоенной где-то привычкой, подняв бро-
 ви и иронически поджав губы, смотрела то на одного, то на
 другого, но затем, поняв, что на неё не обращают внимания,

сникла и тупым концом вилки стала отрабатывать подпись на скатерти.

– Успех – это много, что говорить, – говорил Слава. – Но когда ты держишь натуру целиком, когда чуть повернёшь её колоритом, и она уже живет отдельно, та же, но уже совсем другая – что тогда говорить об успехе? Ван-Гог...

– Дался вам этот Ван-Гог! – закричал Грибов. – Чуть что – Ван-Гог, Ван-Гог! Вы скоро будете говорить, что нищета и непризнание – основа успеха! Нас же из-за этого хватает то на барельефчик, то на рассказик, то на жанр! Не больше..! Нас не хватает даже на то, чтобы развлечь дам. Чего вы сидите, девушки? Зачем нас слушаете? Искусство только тогда искусство, когда им пренебрегает возлюбленная. Поехали ещё по одной.

– Кому это всё нужно, что вы говорите, – сказала Таня.

Она опьянела от двух полустаканов вина, щёки её покраснели пятнами, остренький подбородок от непрерывных улыбок делал лицо мелким и совсем незначительным.

– Говорите одно, – продолжала она, – а думаете, как все. Что я, не знаю? Чтобы пожить красиво и чтобы всё было. И семья, и дети. И одеться. Путаєте всё.

– Ты не совсем понимаешь, Таня, – вежливо ответил Слава. – Для тебя важно одно, а для другого... Вот ты любишь шить, так? А теперь представь, если бы ты шила не хуже лучшей портнихи, тебе ведь было бы интересно говорить о выкройках, о моде? Так и мы обсуждаем технологию, то, как лучше шить.

– Эх, Славик, она же тебе за жизнь, а ты – ши-ить, – Грибов встал и потянулся. – Ты права, Таня, жизнь проста, как муравейник. Каждый что-то волокёт, а куда волокёт и зачем, об этом знает один медведь. Пойдём-ка лучше потанцуем.

Поставили пластинку на танин проигрыватель, Грибов приказал погасить верхний свет, и они с Таней запрыгали у окна.

– Странно, – сказал Слава, – я так и не научился дёргаться. А ведь меня мама в школу бальных танцев водила в девятом классе, и я там выучился кое-чему. Например, фокстрот и вальс-бостон освоил.

Нина молчала. Чем больше Слава обожал и боялся её, тем больше ей хотелось сделать ему больно. Скуку она ещё вытерпела бы, но постоянные взгляды исподтишка!

– Как-то совсем не удаётся быть современным, как будто я старик, – продолжал Слава. – Как будто меня приговорили заниматься живописью. А так хочется иногда пожить налётом, как Серега! Ты знаешь, как он знакомится? Для него нет проблем попасть куда-то, что-то купить...

– Скучно это, Слава, – не выдержала Нина. – Скучно!

– Да-да, – поспешно согласился Слава. – Хоть стреляйся. А вот Грибов меня уважает и... завидует. Не веришь? Я ведь многое умею и сил много...

– Вот так попрыгали! Даже вспотела! – Таня под села к столу и храбро налила себе вина.

– Поставьте танго, – сказала она, – пожалуйста! Славик, пошли!

– Ну, а теперь, Нинон, ваша очередь, – улыбающийся Грибов склонил голову перед Ниной. Она поспешно встала.

– Пам-пам-пам-пам-па, – пропел он первые такты аргентинского танго, развернул её боком к себе и большими, приседающими шагами потянул за собой.

– Я так не могу, – остановилась Нина.

– Ну вот, – сказал Грибов. – А для другого варианта нужна абсолютная темень. Правда, мы как страусы можем закрыть глаза. Вот так.

Он притянул её к себе. Они были почти одного роста, и Нина совсем близко увидела его щёку с небольшим шрамом у глаза, его чёткие сухие губы. Веки его были прикрыты и она жадно, с жутким чувством смотрела в его лицо.

– Нечестно, – сказал Грибов, не открывая глаз, – закрой сейчас же.

И она послушно закрыла глаза, но это было ещё страшнее. Она почувствовала, как набухают её груди и бёдра, когда касаются его тела, и спирает дыхание. Всё стало безразлично, кроме этого покачивания в такт музыке, движений всё дольше соприкасавшихся ног, прижатия его горячей руки.

Когда окончилась музыка и они сели за стол, какое-то время все молчали, даже Таня, а затем Слава сказал со смешком:

– Родители уже, наверно, всесоюзный розыск объявили. Двушки нет? Автомат, кажется, у остановки, да?

Он, избегая смотреть в глаза, стелясь взглядом, накинул куртку, надвинул криво кепочку, замешкался, решая, брать ли портфель. Его никто не задержал, и он осторожно вышел, долго закрывая двери, как будто боялся прищемить хвост надеждам.

И втроем они сидели молча некоторое время, как раз столько, сколько надо было Тане для осмысления новых обстоятельств. И она ушла тихо, как тень, отчего-то сконфузившись и быстро, с недоумением, оглянувшись с порога.

– Ну и свинья же я, – сказал Грибов. Он рывком поднялся и сел на край кровати. – Ты понимаешь, что мы творим?

– Что? – не поняла Нина.

– Он же тебя... как сорок тысяч братьев! А мы вот так, по пьянке... Подумать только, как у него сейчас на душе погано! Он же идеалист, чистейший, без грязи, без вони, без запахов! Он же тебя как... мадонну, молился на тебя!

– О чём ты?

– А ты? Где твои глаза? Неужели ты не видишь, что Грибов – червь, болтун, лентяй, что я при нём, понимаешь? Я! А не он при мне!

– А мне? – спросила Нина. Она дрожала.

– Что тебе, что тебе? – закричал Грибов.

– А мне – при ком? Мне всю жизнь нё при ком! – она зарыдала.

– Когда я вижу красивых женщин, – бормотал Грибов, одеваясь, – мне хочется, чтобы на лицах у них были шрамы... Хоть какое-то страдание... Ненавижу красивое, ненавижу! Ненавижу берёзки, дикие ущелья, лазурные заливы, лимузины и ковры! Что я тебе сделал, что ты лезешь мне в душу? Своим телом, грудью, взглядом, в котором ничего нет! Мы едва знакомы, а ты всё перевернула, перекорежила! Я ушёл. Да не реви ты, завтра зайду.

Пусто было в комнате, тихо, темно. Соседки уехали домой на выходные. Нина встала, зажгла свет. Невозможно было здесь оставаться.

Она пошла на кухню, села там на подоконнике. Потом присела в угол, поплакала.

Пришла Таня, стала утешать.

Ушла от неё в комнату, долго сидела в темноте.

Затем снова зажгла свет, достала из тумбочки тетрадку, ручку и, сдвинув тарелки, начала писать:

«Здравствуй, мама! Как ты живёшь там без меня...».

ВЕСЁЛЫЙ «УЛАН-БАТОР»

Два раза в неделю трудящиеся Улан-Удэ, Зимы, Нижнеудинска, Красноярска, Тюмени и Екатеринбургa участвовали в многолюдных проявлениях российско-монгольского экономического сотрудничества. Тысячные толпы ждали у перронов скорый поезд номер пять «Улан-Батор – Москва».

– Штаны, штаны берём! Шюбы, шюбы! Мягкие куртки кожа! – женские крики несутся из окон вагонов. Юные монголы в дублёнках и шубах внакидку одна на другую торгуют в толпе с плеч. За пятнадцать минут происходит полнейшее физиологическое удовлетворение: поезд несётся дальше, несколько полегчавший от торговли, а местные расходятся по домам и рынкам, чтобы там оценить приобретённое.

Редкие русские пассажиры, попав в монгольский экспресс, приседают от испуга: купе по самый потолок завалены сапогами, кухонными наборами, кофтами, перчатками. Здесь присесть негде! Но ничего – места находятся. И вскоре становится даже весело, как будто попадаешь за кулисы театра. Если же садишься в Иркутске до Москвы, то можно понять весь механизм челночного буйства.

В русском характере есть многое от наших средневековых обидчиков. Как и русские, монголы не могут сразу приступить к работе. В первый вечер, до станции Зима, поезд гудит. В прямом и переносном смысле. Молодые батыры хлещут водку, играют в карты. Потом начинаются драки. Иногда, по рассказам проводников, откусывают друг другу уши или вытаскивают ножи. В это время с ними лучше не спорить. Только монголки способны как-то влиять на процесс. Словом – всё как у нас.

Правда, бывает, что запьёт монголка, а муж из-за этого становится на неё сердит. В моём купе, например, произошла именно такая история. На станции Зима пьяная жена полезла торговать, муж Эдр (мне представился Эдуардом) оттащил её от окна. Дальше были три часа выяснения отношений. Монголка дико ругалась (монгольский мат по свирепости не слабее русского), муж терпел. Потом начал её немножко душить. Она хрипела и на время успокаивалась. Окончилось это уже под утро, когда он полез к ней на верхнюю полку и придавил к стене своим телом Тараса Бульбы. Наутро они были деловиты и веселы, торгуя в Иланской шапками и перчатками.

Труд челнока – это тяжёлый и рискованный труд. За десятилетие торговли у монголов возникла удобная и налаженная система. В ней, правда, есть узкие места. Основное – провоз товара через границу. Таможня с той и другой стороны лютая. От челноков только перья летят. Однако и таможня понимает, что бизнес должен быть выгодным, иначе он заглохнет.

В Улан-Удэ существует перевалочная база, где накопленный товар позволяет какое-то время пополнять запасы, невзирая на причуды Думы или Хурала в таможенном законодательстве. В Екатеринбурге поезд пустеет – до Москвы едут единицы. Товару обычно хватает и на обратный путь.

Сама торговля из окон и на перроне не лишена известного блеска. Деньги в обмен на продукцию китайского ширпотреба передаются буквально рука в руку. В сложных случаях примерки из окна несется:

– Деньги давай, потом меряй! Сначала деньги!

Иногда, перед самым отправлением, из-под вагона выскакивают бичи, рвут добычу из рук, и снова ныряют под движущиеся колеса.

Весело и взаимовыгодно. Выгодно монголам – челнокам и оптовикам. Выгодно китайцам-производителям. Выгодно проводникам и линейной милиции. Выгодно жителям станций, приобретающим одежду в два-три раза дешевле, чем в магазинах. В Тюмень к поезду съезжается народ из Сургута и Уренгоя. Единственный, кто в данном раскладе остается в дураках – наше чугунозодное государство, не умеющее организовать труд своих дешёвых и квалифицированных портних и обувщиков. Да мы ведь весь мир способны завалить кофточками и шубами! Но – ничего, кроме разрухи.

А до Москвы со мной в вагоне доехал один только негр из Африки. Монголы называли его Малик или Чернок. Вот уж кто торговал совершенно виртуозно! Его сияющая белозубая физиономия вызывала на станциях весёлый ужас.

– Ты где так загорел? – кричали ему.

– меховые куртки, настоящая кожа – пятьсот пятьдесят! Перчатки мягкие кожаные – пятьдесят!, – орал он в ответ.

В Данилове он продал последнюю пару и на Ярославский вокзал пошёл, танцуя, с кожаным рюкзачком, набитом то-

варным эквивалентом. В Черкизове Малик заговарится и помчится до Иркутска навстречу очередному монгольскому экспрессу.

– Ему надо, – сказала проводница с уважением, – у него в Иркутске семья и последний курс университета.

– Понятно, – ответил я. – А вам не кажется, что они слезли с деревьев значительно раньше нас?

ЧАСТЬ III

«Литературная»

Александр Образцов

То, что было чудесно, несбыточно вчера – сегодня от обработки сознанием, к сожалению, тускнеет. Но, к счастью, тускнеет и то, что вчера было невыносимо.

СОН

Сон ли, явь?

Как будто иду я по тёмной улице, заслонённой от неба громадными деревьями, и немного грустно мне и так хорошо и хочется жить и дышать, что грудь не в силах вместить весь этот душистый летний воздух.

И вдруг что-то неуловимое появляется около. Как будто приближаюсь я к страшному месту. Как будто тот, следующий дом, густо-чёрной громадой нависший над улицей, таит для меня весь ужас реально-призрачных ведм, леших, летающих покойников, отвратительных зверей и гадов. Мне кажется, что только сделаю я ещё шаг ближе к дому, как весь он засветится неистовыми шабашными огнями, озарится красно-синими факелами, оглушительно заорёт, захохочет, застонет – и нет мне пути назад! А воздух так затхл, так душно, что нечем дышать, и деревья нарочно сцепились ветвями вверху, и шум их и шелест звучат зловеще.

Вдруг кто-то быстрыми шагами подходит и берёт меня за руку.

Мама! Что-то во мне переламывается и я горько и обильно плачу, прижимаюсь головой к её животу. Она гладит меня по голове и тихонько говорит: «Ну, что же ты, дурачок? Чего ты испугался? Я здесь, с тобою». Она целует меня в макушку и даёт мягкую нежную руку.

Мы идём по улице к тому дому, но мне кажется, что мама замедляет и замедляет шаги, как будто боится чего-то. И вот *он* уже нависает перед нами над улицей. Мама останавливается и я чувствую, как дрожит её нежная рука.

Вдруг внутри меня зародилась неистовая сила. Тысячи холодных иголочек кольнули мои плечи, спину, грудь, слёзы бешенства и ненависти закипели на глазах. Я крепко сжал мамину руку и первый пошёл вперед. Я смотрел на дом, на его высокие близкие окна, на его сереющие бревенчатые стены, за которыми притаился весь этот сброд, и знал, что под моим взглядом он дрожит и разбегается, проваливается и улетает. Мама шла рядом в оцепенении. Её рука безвольно лежала в моей.

Когда мы прошли тот дом и свернули на свою улицу, я посмотрел снизу на её лицо. Оно мертвенно-бледно в свете луны, и тени под бровями, как чёрные впадины.

И я понял, что вся её решимость и сила вошли в меня через мягкую, нежную руку, и что нечисть не проваливалась и не улетала под моим взглядом, а терзала мою мать в то время, как я шёл рядом с нею!

Я взглянул ей в лицо. Чужое, бледное лицо было измученно и устало. Что-то шепнуло мне, что если я поцелую её, то она оживёт. Но я думаю: кто эта чужая женщина с равнодушным лицом, почему я должен поцеловать её?

И я просыпаюсь.

Мама стоит надо мною и трогает меня за плечо. За льдистыми окнами маленькое зимнее солнце, сегодня воскресенье и мне не нужно идти в школу.

ШЕСТИ ЛЕТ Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ УЮТНО В ЭТОМ МИРЕ...

Шести лет я чувствовал себя уютно в этом мире. Моя кровать стояла в углу правой комнаты от кухни. Я любил накрываться с головой ватным одеялом с пододеяльником и свёртываться калачиком перед сном. Там было темно и свой мир, где я оставался наедине с теплотой и мягкостью постели.

У родителей было большое атласное зелёное одеяло с загадочными узорами. Я часто пытался понять смысл этих узоров, простроченных на машинке. Иногда мне казалось, что это – медведи или другие звери. Мне объясняли, что там прошито, но всё равно загадочность одеяла не пропадала.

Когда мамы с папой не было дома, мы с братом и сестрой закрывались на все крючки – ставни с болтами запирались ещё раньше – и, чувствуя себя очень спокойно и независимо от остального мира, забирались под это одеяло, ползали под ним, испуганно вскрикивая при столкновении. Потом на крашеном, тёплом полу около печки в левой комнате от кухни начинались игры. Сестра возилась с ободранными куклами, заворачивая их в тряпочки, а мы с братом рассматривали самолёт, который папа привез из Москвы, из командировки. Этот самолёт летал на своей стреле только один раз после его приезда.

Или я открывал дверцу печки на кухне и смотрел в дрожавший там воздух; мягкий пепел покрывал чуть красные, а иногда синеватые угольки и шевелился. Жар румянил лицо, глаза слезились, ноги затекали в коленях от долгого сидения на корточках.

Или мы вдруг ссорились все и мирились незаметно, принимаясь рассматривать толстый том Пушкина, где на узорчатых синих иллюстрациях был красивый сад, и тонкая Людмила в этом саду, и Руслан с мечом на другой картинке.

Летом внизу под горой играли в волейбол. С одной стороны площадки были хлебный магазин и аптека в бревенчатом

старом доме, а с другой – могила Круглова: большая бетонная плита, по форме напоминая крышку от сундука. И вся площадь с трибуной и крытым рядом базара называлась площадью Круглова. Круглов был директором прииска и когда-то, ещё до войны, разбился на машине.

Волейбол меня очень занимал. Я целый вечер сидел на этой плите или на траве, глядя на взрослых. Там было несколько человек, которые мне особенно запомнились. Был Генка Гладких, красивый, с чёрными густыми волосами и громким голосом, он был капитаном поселковой команды. Обычно вместе с ним играла Верочка Новикова, маленькая и симпатичная, с круглыми движениями рук. Был Сеня Ходорченко. Его левая рука – протез жёлтого цвета с полусогнутыми пальцами – возбуждала во мне неприятное чувство. Гладких подавал резаные подачи, а Ходорченко подкидывал мяч правой рукой и правой же подавал, и это было неизменно весело и интересно. В сумерках кто-то посреди партии вдруг высоко пинал мяч. Генка Гладких, ругаясь, пытался навести порядок, но скоро сам включался в пальбу по темнеющему небу.

Когда все расходились, я лез по горе к дому. Выше дома была больница, а за больницей, на сопке, рос лиственный лес, с берёзами и ольхой. Мне сейчас кажется, что я всегда разбивал колени о камни на этой горе. Я носил чулки на резинках, и эти чулки присыхали с кровью к побитому колену. Причём я не спускал чулок, а так играл ещё на крыше овощехранилища. Над землёй выступала только эта крыша, внутри было тепло и укромно. Это мне нравилось. А дома начинались мучения. Мои коленки смачивали тёплой водой, мама ругала меня, а я ревел. В конце концов чулок отдирался, и, всхлипывая, я садился ужинать.

Книги читали обычно зимой по вечерам. Помню про медведя-деревянную ногу, которому мужик топором отрубил живую, а медведь приходил к нему – скарлы-скарлы – и говорил зловещим голосом: «Отда-ай мою ногу». Этот ужасный момент всегда заставлял бледнеть, незаметно посматривать на окна.

В подполье зимой у нас были китайские яблоки в ящике со стружками.

В углу левой комнаты, за кушеткой, на тумбочке стоял приёмник «Восток». Может быть, тогда я и услышал песни, которые часто пели на гулянках: «Золотой огонёк», «Под городом Горьким», «Прощайте, друзья...».

У аптеки, внизу, играли в чику, в банчок, в пристенок. Там я однажды выкурил папиросу и, придя домой, без чувств упал на кушетку. Родители очень испугались, а когда я немного отошёл, отец дал мне ремня.

О РЫБАЛКЕ

Глядя в мелкую, прозрачную воду на гольянов, упруго и независимо стайками мелькающих там, хочется вторгнуться в это свежее царство, перехитрить их и поймать. Они кажутся крупнее и заманчивее со стороны. Но и поймав, посадив их в жестянку с водой, ощущаешь независимость их лупоглазого мира.

Я хорошо помню детские рыбалки на озерах на банку. Сидишь неподвижно и смотришь, как гольян, потыкавшись о стекло банки и видя хлеб, догадывается войти через воронку из толя; приятно, представляя его разумным существом, вообразить себе соперничество: он думает, что обманул тебя, хватая своим маленьким симпатичным ротиком размокшие крошки хлеба, а ты тихо радуешься вверху. Если же банка опустится между водорослей и тины, то ходишь по берегу в нетерпении и кажется, что она уже полна, вытаскиваешь – туда действительно набились крупные, едва помещающиеся гольяны и краснопёрки. Снимаешь воронку, ощущаешь их биение рукой, с наслаждением вытаскиваешь рыб и опускаешь их в другую банку.

И разочарованно смотришь потом, как в жаркой, нагретшейся воде они всплывают белым брюшком, и кажется, что вся игра насмарку.

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Я помню её хорошо, чёрную карболитовую чернильницу с фиолетовыми жирными пятнами, которую иногда, не слишком часто, я обтирал влажной тряпочкой. Хранилась она в ранце и, хотя и называлась непроливайкой, сумела залить отведённый ей уголок. На парте для неё была круглая дырка рядом с желобком для ручки, где она утопала по самую свою ребристую головку.

Она путешествовала со мной не меньше года из дома в школу. И постоянно мне мешала. Я был аккуратен как девочка. Но девочки носили чернильницы в мешочках, привязанных к ручке портфеля, на внешней стороне, им не надо было опасаться за чистоту рук и учебников. Я же, скатываясь с ледяного бугра, толкаясь в школьной раздевалке, лазая по заборам, постоянно должен был помнить о проклятии, которое носил за спиной. Вопрос «уже?» или «нет ещё?» мучал меня два раза в день. И, поставив дома ранец под стол, я отходил от него осторожно, как от бомбы, никогда не любопытствуя, как там – «нет» или «уже»? Почему-то неопределённость, пусть и неотвязную, как зубная боль, я предпочитал – и предпочитаю до сих пор – совершенно точному знанию.

Были ещё стеклянные чернильницы. Но они бились. И представить, что у тебя в ранце вылились не капли, а все чернила, было страшно.

Я помню ту, карболитовую. У неё на резьбе откололся кусок. Вещь должна быть слишком необычна, чтобы её помнить без поломок, без заплат.

Не знаю я, куда она делась, эта чернильница. Хочу верить, что она попала в канаву у школы, но её не унесло весной или осенью бурными, жёлтыми от глины ручьями вниз, к Джалинде, а осталась она и выросла в почву: скажем, попала меж двух камней и выглядывает её горлышко, пусть самую малость, но выглядывает наверх, чтобы видеть всё.

Ибо та чернильница – моя.

Мне до слёз жалко дом, где прошли мои лучшие детские годы. Его снесли, а землю разровняли бульдозером.

Так почему мне не пожалеть чернильницу, которая, может быть, и пачкала мой ранец только затем, чтобы напомнить о себе?

Такая она была незаметная, побитая замухрышка.

НА ДОРОГЕ

1948 год, конец октября. АЯМ (Амуро-Якутская магистраль).

Небольшой костёр на обочине дороги. За сценой – две машины. Поодаль от костра стоит Карл, в ватных брюках, в ватнике, в суконной шапке с завязанными ушами. Минаев, сидя на корточках, протягивает к костру руки. Он в кепке, в старом драповом пальто, в кирзовых сапогах.

Минаев (обернувшись). Иди, погрейся, фриц.

Карл. Я – Карл.

Минаев. Один чёрт... Что ж ты – разжёл, а сам не греешься?

Карл. Костёр должен гореть, а зэк должен работать.

Минаев. Я не зэк, Карл. Я – ссыльный.

Карл. Я тоже ссыльный. Но я знаю – разжёл костёр и отойди.

Смотри на него. Думай. И никогда не замёрзнешь.

Минаев. Думай... Думай...! Ты что? Кто это тебе, фюрер, что ли, думать разрешил?

Карл. Я – из Немповолжья! Я – антифашист! (Поддавив раздражение). Один в Казахстане сказал мне: эсэс! Потом жалел...

Минаев. Да знаю я вас! (Вздыхает). Вечно заварите кашу, а русский – расхлёбывай. Ты антифашист, а сидишь. Я – машинист, и тоже сiju. (Оглядывается с тоской). Я и не

знал раньше, что такие места есть... Подохнем мы тут, Карл, на этом Дальнем Востоке.

Карл. Надо иметь цель, семью. Может, не подохнем.

Минаев (*тихо*). А ты кладбище видел, у Крестовки..? А-а... То-то...

Пауза.

Минаев. Ты что, действительно портной?

Пауза.

Карл. А ты портной?

Минаев. Я..? У меня отец закройщиком работал. Пиджак не смогу, а вот брюки скрою. И юбку скрою.

Пауза.

Карл. Мне покажешь? Я... очень благодарить буду.

Минаев. Вот ты какой, оказывается... гусь.

Карл. Я тебе заплачу. Весь год буду платить. Оставлю себе на кусок хлеба, а остальное тебе отдам. Только научи.

Минаев. Значит – два шага вперёд – и уже и кладбище не страшно? А..? А русский, значит, лезь в болото с тачкой! Русский с кайлом шурфы бей, так? А ты с иголкой будешь у печки сидеть. Ловко!

Карл. Каждый хочет жить.

Минаев. Только за чей счёт? А ..?

Карл. Я буду платить. Правда!

Минаев. Платить он будет...

К костру идёт Достоевский. Минаев вытягивается по стойке смирно. Достоевский присаживается на корточки, греет руки. Пауза.

Минаев. Может, им помочь? Шоферам?

Достоевский. С зажиганием что-то... Вы ведь портной?

Минаев. А..? Конечно. Но, может, что-то подержать или толкнуть?

Достоевский. Они скажут.

Пауза.

Минаев. А посёлок большой?

Достоевский. Большой.

Минаев (*оглянувшись на Карла*). Это хорошо.

Достоевский. Грейтесь.

Минаев. Спасибо.

Присаживается, тянет руки к огню. Подходят Лысак и шофёр.

Шофёр. Прошлый месяц к Алдану подъезжаю, а у меня масло погнало. Чуть не замёрз... А это что?

Подходит, бьёт Минаева сапогом в зад. Тот летит в костёр. Всккивает. Отбегают с гримасой боли.

Шофёр (*присаживаясь на корточки к костру*). Сволота владовская... Сколько мы их передавили. Гнида поганая.

Лысак. Ты что, в пехоте был, что ли? Не на машине?

Шофёр. Да это я уже здесь выучился. А там я два года на броне катался. И до того они, суки, упорные – не идут в плен, и всё! Себя рвёт гранатой. А в плен не хочет. Я к немчуре спокойно отношусь, а этих видеть не могу. (*Минаеву*). Ну? Сгинь!

Минаев отбегают ещё дальше, отворачивается, ссутулясь.

Лысак. Да этот, по-моему, не воевал. Портной.

Шофёр. Да, портной... Все они сейчас портные, булгахтеры, писаря... Ну, машина мне досталась, друг! Это не описать, как я под ней ползаю.

Лысак. У нас ничего на прииске. Ничего техника.

Шофёр. Да я знаю. У вас, конечно, НКВД. У вас порядок. Столовая одна чего стоит. Пельмени такие, знаешь, с лучком. И пиво... Откуда у вас такое бочковое, а? Всё хочу спросить.

Лысак. Да зэк у нас есть. Варит. И колбаса у нас тоже по восемнадцать рублей килограмм. А? Брал?

Шофёр. Нет, я в магазин не хожу. Я только в столовой.

Лысак. А ты зайди. У нас продснаб работает.

Шофёр. Карточки отменили, теперь можно зайти, конечно.

Лысак. Заходи.

Пауза.

Достоевский. Там надолго ремонт?

Лысак. Да сейчас свечи подсушу... (*Достаёт из кармана ватника свечи, укладывает их у костра*). Потом подёргаем по очереди ручку. Должна завестись.

Достоевский. Нам до пяти надо успеть. Их оформить в управлении, и в общежитие поселить.

Лысак. Шофёра я бросить не могу в беде. Это даже говорить не стоит.

Достоевский. Если не заведётся, возьмём его с собой.

Шофёр. Это вы хотите, чтоб я сел, что ли? Машину на дороге оставил, да? А сам поехал садиться?

Достоевский. Надо было выезжать на исправной.

Шофёр (*встаёт*). А я виноват, что мне такую дали? Ты... меня не зли! Я ведь... начальников не боюсь! Я тебе честно говорю!

Достоевский. А ты зачем незнакомого человека ударил?

Шофёр. А ты его пожалел?

Достоевский. Я за него отвечаю. Что у него теперь с руками?

Шофёр. Ничего. Заживёт.

Достоевский. Ему с иголкой надо работать. И с ножницами.

Шофёр. А мне на пятидесятиградусном морозе руки в лхмотья рвать..? Да? Это ничего?

Достоевский. Сам выбрал такую работу.

Шофёр. Я их, гадов, уничтожал, а теперь он будет в тепле сидеть?

Достоевский. Иди, отремонтируй машину.

Шофёр. Ах ты какой! Вот ты оказывается... Ты, значит, их защищаешь? А!

Достоевский. Лысак. Поехали.

Встаёт.

Лысак. Что ж мы его, замерзать оставим?

Шофёр (*он в истерике*). Их, гадов, не добились! Так я их сейчас... Я их сейчас добивать буду..!

Убегает.

Лысак (*встаёт, обеспокоенно*). Сейчас монтировку возьмёт. (*Карлу, Минаеву*). А ну в лес! В лес бегите! (*Достоевскому*). И вы тоже. От греха.

Карл и Минаев быстро уходят. Достоевский, помедлив, идёт следом.

Врывается шофёр с монтировкой.

Шофёр. Ну? Где..? Этот где? И два фашиста?

Лысак. Зассали.

Шофёр. У, ссуки..! (*Швыряет монтировку*). Ты понял, друг? Он меня здесь оставит, а сам чай будет пить! Начальник, тоже! Я этих начальников..! Начальников этих..! Сколько они нас... утопили... на переправах..! а без артогна..? Ты знаешь, друг... без артогна – вперед!

Лысак. Да брось... Что теперь.

Шофёр (*глубоко вздыхает, смотрит на руки*). Снова... трясушка напала...

Лысак. Ты с ними не связывайся... Ну их. Не сто́ит.

Шофёр (*садится на корточки*). Они тут, понимаешь... на брони они просидели, всю войну... И машины себе... вылизали... А мне металлолом, значит... Как поеду – так ломаюсь на каждом шагу!

Лысак. Да сейчас мы её заведем.

Шофёр. Я не знаю, что б без тебя делал, друг. Наверно, замёрз бы. Тебя как зовут?

Лысак. Николай.

Шофёр. А я – Рэм. Революция, Энгельс, Маркс. Но вообще – Роман.

Лысак. Ну что, пошли попробуем?

Шофёр. Сейчас, обожди... Сейчас я... отойду немного.

Пауза.

Шофёр. С полоборота я завожусь, Николай... Себя не помню... Не помню я себя... Он что, чин?

Лысак. Да нет. Маркшейдер. Две звёздочки в петлице.

Шофёр. Летёха. А уж старик.

Лысак. Один живёт. Фамилия – Достоевский.

Шофёр. Что-то знакомое. Слышал где-то.

Лысак. Да какой-то такой был. При царе.

Шофёр. А.

Лысак. У вас гараж-то тёплый?

Шофёр. Ну.

Лысак. Ты литр спирта поставь слесарю, он тебе заменит карбюратор.

Шофёр. Да мне уж меняли. Что толку.

Лысак. А ты ещё раз смени. Иначе где-нибудь на перевале застынешь.

Шофёр. Мы этих власовцев... Одного взяли... Ты представляешь – троих убрал, зверюга. Так мы ему глаза ложками вынули. Живому.

Лысак (*пауза*). А что... пьяные?

Шофёр. Нет. Трезвые. (*Встаёт*). Ну, пошли, что ли?

Лысак берёт свечи. Уходят. Появляются Минаев, Карл, Достоевский. Минаев, дрожа, подбегает к костру, греется.

Минаев. Наверно, подохну я здесь..., подохну...

Достоевский. Ничего, сейчас заведёмся и поедем.

Минаев. Сколько здесь ещё... километров?

Достоевский. Километров тридцать.

Минаев. Не доеду... В кузове не доеду... Немец доедет... немец доедет, а я – нет... Вот будет... смеху... Привезёте портного...

Карл. Возьми рукавицы.

Минаев. А... чего там...

Карл. Возьми.

Минаев берёт.

Карл. Я тебя прошу. Чтоб держался.

Минаев. Что я ему сделал? Что..? Ну, машинист я, железнодорожник! Ни в полиции не был! Ни у Власова! Что ж меня – от семьи и сюда? Подыхать?

Достоевский. Терпи.

Минаев. Терпи..! А тебя – сапогом! За что..? У меня дочь – невеста! А отца – по сраке!

Достоевский. Работы будет много. Ничего. Будешь шить костюмы. Деньги будут.

Минаев. Нет, я не выживу. Не выживу я. У меня давление... повышенное давление у меня. Гипертония.

Достоевский. Здесь больница хорошая. Главврач молодая, Анна Ильинична. Вообще люди неплохие. Не голодали. Неплохие люди.

Минаев. Нет... Я уж не могу... Не хочу я жить.

Плачет. Слышно, как крутят ручкой маховик машины, раз за разом. Затем всё стихает. Только судорожные рыдания Минаева слышны.

Карл. Это не добрая земля. Как будто яд.

Достоевский. Нет. Здесь как раз ничего. Это у вас там, на БАМе, смертность. А у нас в зоне ничего. Даже лечат.

Карл. Один сосед у меня, Биркин, не полюбил другого соседа, Божко. Как пьяные, так подерутся. Однажды Биркин лёг в огороде с двустволкой, прострелил Божко руку. Через полгода приходит Биркин к Божко, просит соль. Божко стреляет Биркину в колени. Получает два года. Биркин без ног в инвалидной коляске развозит с рынка за деньги. Пьёт. Жену колошматит. Потом жена его и отравила. Зачем жил тот? Другой? Зачем жена? Инвалидная коляска? Непонятно.

Достоевский. Такое время. А может быть, Земля летит в каком-то злом космическом пространстве.

Смотрит вверх. И Карл дотошно исследует небосклон. Один Минаев сидит, нахохлившись, неподвижно.

Карл. Немецкие философы...

Минаев. Заткнись! И чтобы этого слова я не слышал! Давай шапку!

Карл, помедлив, развязывает шапку, подаёт. Нахлобучивает на уши минаевскую кепку. Снова невдалеке гремят ручкой, пытаюсь завести машину. Снова безрезультатно. Но гремят и гремят.

Достоевский. Нет, не завести им.

Карл. Должны. (Пауза). У меня семья.

Минаев. У него одного семья! Вали отсюда! Ну? Иди в лес!

Карл молча смотрит на него. Минаев тянется рукой к монтировке. Карл уходит.

Достоевский. Боже, где мне найти место..? (Встаёт). Чтобы вас не видеть! Никого..!

Почти безостановочно яростно гремит ручка, и вдруг пробивается один чавкающий звук, другой... Машина при вдавленном акселераторе жутко взывает, затем начинает работать на малых оборотах. Прибегает радостный Карл.

Карл. Завелась. Я же говорил.

Подходит Лысак. Достает папиросу, присаживается к костру. Молча курит.

Подходит шофёр.

Шофёр. Ну, спасибо, друг! В Невере будешь, приходи... (Нагибается за монтировкой, показывая на Минаева). Во, видишь. Уже немца раздел. (Замахивается). Собака!

Минаев сидит неподвижно, не глядя на него.

Лысак. Ты всё-таки замени карбюратор.

Шофёр. А, ладно! Как-нибудь. (Мнётся). В общем, спасибо тебе, Николай!

Лысак молчит. Шофёр уходит.

Лысак. Ну, что? Поехали, граждане! (Громко, безобразно ругается матом).

Уходят. Одна машина уезжает на юг. Другая – на север. Только костёр ещё какое-то время будет светиться на обочине. А затем он начнёт дымить, погаснет и от него останется несколько головешек.

Но пока он горит – есть нечто завораживающее в его недолгой жизни.

Памяти мамы

ВОЛШЕБНЫЙ САД

Жанна Васильевна, 40 лет

Екатерина, 31 год

Тося, 16 лет

Дикий яблоневоый сад под луной. Две женщины и девушка. Всё это – как бы в ладонях нежно думающего о них человека.

Тося. Когда-нибудь мой сын об этом напишет!

Жанна Васильевна. О чём?

Тося. О том, как мы шли, шли, наступил вечер... Как хорошо!

Екатерина. У тебя будет сын? От кого?

Тося. Не знаю.

Екатерина. Но если ты представляешь себе будущего сына, то его отца, хотя бы приблизительно...

Тося. Ах, ну зачем об этом? Этого как будто не бывает, понимаешь? Сразу – сын... Я обниму его – и он весь поместится в моём объятии.

Жанна Васильевна. Давайте сядем – и будем мечтать.

Садятся на скамью.

Жанна Васильевна. Как я благодарна жизни за то, что она оставила мне эту способность – мечтать! Уноситься к иной жизни, где я молода, смела и – люблю!

Екатерина. Кого?

Жанна Васильевна. Одного и того же человека. Я не знаю его лица, но слышу голос, мы переносимся в разные места, то теряем друг друга, то снова находим. Нас разлучают недоразумения, но встреча неизбежна!

Тося. Мой сын пойдёт в школу и будет дрожать от страха, уходя от меня.

Он оглянется с порога школы, держа за руку девочку в белом переднике – и у меня всё сожмется от сладкого ужаса – он впервые уходит от меня!

Екатерина. Почему – сладкого?

Тося. Почему..? Может быть, потому, что он всю жизнь будет от меня уходить и всю жизнь возвращаться.

Жанна Васильевна. Как ты прекрасно говоришь, Тося..! Но мне жалко людей, мудрых в юности. Страшно за них.

Екатерина. Почему?

Жанна Васильевна. Жизнь надо постигать медленно, тогда её надолго хватит.

Екатерина (печально). Я, наверно, проживу три тысячи лет.

Жанна Васильевна. Смотрите! Привидение!

Фигура в белом медленно проходит между деревьев, скрывается. Они зачарованно следят за ней.

Жанна Васильевна. Это добрый дух посылает нам привет...

Тося. Я в первый раз вижу привидение. И мне не страшно.

Жанна Васильевна. Конечно! Ведь это добрый дух. Он нас хранит.

Екатерина. Это женщина? Или мужчина?

Тося. Мне не хочется об этом думать. Это тихое внутри нас.

Жанна Васильевна. Помолчим.

Молчат.

Екатерина. Мне уже тридцать один год. Я ждала, ждала... Но она так и не наступила...

Жанна Васильевна. Её не надо ждать. Надо знать, что она уже здесь, с тобой. С самого начала.

Тося. О чём вы?

Жанна Васильевна. О любви.

Тося. Мой сын всем расскажет о ней. Он не ударит ни одного человека. Никогда.

Екатерина. Даже если его будут обижать?

Тося. Его никто не обидит. Разве что нечаянно.

Екатерина. Это бывает? Жанна Васильевна?

Пауза.

Жанна Васильевна (со сдержанным рыданьем). Давайте лучше мечтать!

Тося. Но я знаю – он никого не ударит. Никогда. Я так хочу.

Екатерина. Мальчики всегда дерутся.

Тося. Когда он тоже решит подраться, его ударят по лицу. Пойдёт кровь из носа. Он сядет на землю и закинет голову назад. И никто не засмеётся над ним.

Жанна Васильевна. Так не бывает, Тося..., не бывает...

Тося. Так будет.

Молчание.

Екатерина. Я буду любить твоего сына, Тося.

Тося. Конечно! Как же его не любить?

Екатерина. Ах! Наверно, я тоже хочу, чтобы у меня был сын..! Но я не могу представить, чтобы он *вдруг* стал. Я представляю долгую, унылую любовь, бедное замужество, безденежье... У меня есть физический недостаток – я немного хромаю. Это даже незаметно. Вот, посмотрите.

Встаёт, ходит.

Екатерина. Разве заметно?

Тося (искренне). Нет! У тебя такая красивая фигура. А со спины ты совсем девушка.

Екатерина (садится). Но у меня искательный взгляд. Я, наверно, с ним родилась. А о том, что я хромаю, мне сказала

мама. «Не хромай!» – постоянно повторяла она, но я хромала всё больше и больше. «Держи голову прямо!» – говорила она..., а я склонялась к земле... Какая печальная жизнь!

Тося. У тебя замечательные глаза! Такие доверчивые!

Молчание.

Екатерина. Как здесь хорошо!

Жанна Васильевна. Вы говорили... вы говорили неправду.

Молчание.

Жанна Васильевна. Всё лучшее – внутри нас. И только иногда оно выходит, как будто из крепости, когда добрый дух хранит нас.

Тося. Разве человеку нельзя помочь?

Жанна Васильевна. Нельзя, Тося. Нельзя. Только он сам...

Тося. Но если я хочу помочь? Если я так хочу помочь, что даже могу умереть ради этого желания?

Жанна Васильевна. Нет, Тося. Нет.

Тося. И сыну я не смогу помочь?

Молчание.

Жанна Васильевна. И сыну.

Тося. Даже если умру?

Жанна Васильевна. Не знаю... Этого я не знаю.

Тося. Тогда я умру.

ЛИНИЯ ПЕРЕМЕНЫ ДАТ

Книга 2

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ. II

Когда с севера на Невский громадно и медленно наползает чёрно-синяя слоистая туча, охватывая своими крыльями Думу и Спас на Крови, очевидный за Пассажем, и середина августа, середина августа.

По первому снегу в сумерках пройти до леса, посмотреть на небо, хмыкнуть, и слоняться, пока совсем не стемнеет, до первых фонарей.

Лежать в траве и долго вникать в жизнь муравьёв, белёсых каких-то крохотных гусениц и кузнечиков – фельдгегерей Господина Леса. И вдруг уснуть на мгновение, в июле.

Найти полку на кухне, где мама прячет конфеты, воровать их по одной. Со сладострастием, урча, поедать. Потом придумать – всего на один миг – и слопать все до одной.

Найти незнакомую фотографию раннего-раннего детства

Зимой купить тёплый батон с хрусткой корочкой и громадными укусами съесть его за полквартала

Летним вечером, когда из-за духоты двери зрительного зала в клубе открыты и в них сидит на стуле билетёрша, подсмотреть из-за её плеча фильм до шестнадцати лет, в котором целуются.

Выходит из летнего леса, северного, чахлого, бледный, по виду городской, человек с прислушивающимися глазами. Он долго смотрит назад, в лес, в эти ёлочки, осинки, болотный багульник, как бы пытаюсь обозначить понятием то, откуда он вышел, чтобы рассчитаться с ним, не держать за спиной непонятного. И это как будто удаётся ему, потому что он удовлетворённо вздыхает, даже делает движение рукой, едва заметно прощается с лесом.

И тут же глаза снова становятся тревожными, прислушивающимися. Он подходит к рельсам. Здесь – одноколейная дорога. Поэтому она не так индустриально выглядит. И чем-то напоминает просёлок. И всё же маслянистые, чёрные шпалы, горячие от солнца белые рельсы – чужие здесь. Это понимает бледный человек. Он с заметным отвращением и тоской подходит к рельсам. Становится на колени, ощупывает пальцами гайки, головки костылей. Наклоняет голову и прижимается ухом к рельсу. На лице его появляется удивление. Он слышит что-то необычное для себя. Видимо, тембр звука меняется, он становится мощнее, пронзительнее.

Человек страдальчески морщится, сползает по насыпи.

Надвигается звук поезда.

И вот уже накатываются чудовищной массой колёса. Они проносятся мимо бледного человека, припавшего к земле, к редкой траве среди чёрной железнодорожной гальки. Грохот, сотрясение земли, косая тень вагонов не оставляют просвета для осмысления на лице человека.

Сейчас у него – лицо идиота.

В КОРИДОРЕ КУПЕЙНОГО ВАГОНА

Медведев стоит у окна в коридоре купейного вагона. Поезд фирменный, «Россия». Медведев, подёрнув штанину, ставит ногу в новом чёрном, с высоким каблучком полуботинке на кожух отопления.

Проводник, расторопный рукастый молодой человек, проходя мимо, роняет:

– Снимите ногу. Не пачкайте.

Медведев поспешно и послушно снимает ногу.

В дали коридора стоит пузатый задумчивый моряк, также с ногой на кожухе. Проводник проходит мимо него молча.

Коридор действительно очень чист. И дорожка под серым холстом. Поезд идёт во Владивосток.

В КУПЕ

Медведев отодвигает дверь, входит в купе. Он давно бы переоделся, переобулся, как эти двое играющих в карты мужчин, но его как будто распирает изнутри. Радость, что ли? И для этой радости нужна соответствующая упаковка: чёрные блестящие полуботинки с боковой медной декоративной молнией, синий костюм, австрийский, во вдавленную полоску, узкий бордовый галстук. При близком рассмотрении голова Медведева если не сегодня, то не далее чем вчера побывала в парикмахерской. Взгляд его ласкает предметы, пейзажи за окном, обтекая людей. Медведеву не двадцать пять. Ему все тридцать, и он понимает уже, что радостью надо делиться не с людьми, радостью надо делиться с неодушевленной природой – она не предаст.

ДВОЕ ИГРАЮЩИХ В КАРТЫ

Один из играющих помнит колоду. Второй не знает, что надо помнить хотя бы выходящие из игры козыри. Играют в подкидного. Этот, Второй, ни разу в жизни не встречал игрока такого класса. Потому что в карты играл с женой, которая во время игры думала о своём. Он вначале с удивлением, а потом и с ненавистью косится на партнёра. Ему кажется, что тот – железнодорожный шулер. Он ждёт, когда Шулер предложит сыграть партию по рублику. И готовится сказать «нет» и победно залезть на свою вторую полку, чтобы искоса, мимо журнала «Огонёк» поглядывать на одураченного Шулера. А потом и захрапеть демонстративно, пусть побесится. А пока он повторяет, раз за разом сдавая карты:

– Ишь ты. И чего это так везёт? Ты, наверно, в детстве говно ел.

ХУТОР

Как обычно бывает в поезде, вдруг что-то за окном привлекло всеобщее внимание. И Медведев, и двое игравших в карты проводили глазами три тёмные дощатые крыши в полукилометре от дороги, на горках, вдали друг от друга, среди елей. К ним вела как бы дорога из моренных валунов. Дикое место.

«Шулер» посмотрел на Медведева и кивнул на столик, на карты. Медведев отрицательно покачал головой и снова вышел в коридор. Подумал и поставил ногу на козюх отопления. Свысока глянул в конец коридора. Проводник возился у титана. Пузатый моряк рассказывал в своё купе неслышимый отсюда анекдот. Затем отсмеялся, повернулся и по-прежнему задумчиво начал смотреть в окно.

В ПТО

Медведев входит в четырёхэтажное жёлтое здание, поднимается по лестнице на второй этаж, спрашивает о чём-то у богато одетой, но с как бы зачёсанными небрежной рукой волосами женщины. Та ведёт его по коридору. Они входят в ПТО – производственно-технический отдел.

Медведев объясняется с начальником отдела. Это всё довольно далеко от нас. Так же, как путешествие Медведева с начальником ПТО к главному инженеру на третий этаж, а затем к директору судоремонтного завода на четвёртый.

В ДОКЕ

В доке – рыболовецкий траулер. Здесь, снизу он кажется большим кораблём. Он на среднем ремонте. Ему покрасили днище чёрной краской, а сверху создают ощущение окончательной готовности к плаванию ровная белая ватерлиния, отметки осадки судна.

Медведев и группа ремонтников, среди которых выделяется конторским видом оплывший начальник мастерских, подходят к корме. Медведев показывает рукой на винт. Один из ремонтников разворачивает чертёж. На чертёж падает капля чёрной краски. Все одновременно поднимают головы, отходят от траулера, расстилают чертёж на бетоне, садятся на корточки. Оплывший начальник мастерских сопит, опершись руками о колени, смотрит на чертёж из-за голов. Медведев, адресуясь к его заместителю, свободно сидящему рядом, объясняет очередное достижение столичной инженерной мысли. Начальник мастерских сопит совсем громко, распрямляется, смотрит на бухту, на причалы, забитые судами. Тучи чаек вьются над сейнерами, пришедшими с моря.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА МАСТЕРСКИХ

Черноволосый парень, лет двадцати пяти, говорящий с южнорусским «г», заваривает чай в кружке, кружку ставит сверху на кипящий чайник.

– Это у вас там голова работает, – говорит он Медведеву. – Да ещё ведь важно пробить. У нас попробуй пробей, а? Лев Фомич? – поворачивается он к начальнику мастерских. Тот хмурится и начинает громче сопеть. Не нравятся ему, в отличие от заместителя, все эти нововведения, которые там где-то пробивают.

– А вы, выходит, сразу – раз, и кандидат наук, – говорит заместитель. – А там чего-то нам, дуракам, вставьте в одно место и – доктор. И верно, а, Лев Фомич? Иначе мы бы до сих пор на пару ходили. Как этот чайник. У вас там Невский как?

– Что – как? – не понимает Медведев.

– Эти ходят? – заместитель делает волну рукой.

– Ходят, – усмехнувшись, говорит Медведев.

Начальник мастерских перестаёт сопеть, вздыхает и говорит:

– Мда.

НА БАЛКОНЕ ГОСТИНИЦЫ

Медведев вынимает из полиэтиленового пакета обувную щётку, крем в тюбике. Вечер. Он не спеша, тщательно покрывает кремом один полуботинок, затем второй.

Ждёт, поглядывая на город, пока крем не подсохнет.

Затем чистит оба полуботинка.

До зеркального блеска.

У КАССЫ

Медведев в кассе судоремонтного завода (не у окошечка, где мощно гудит очередь, а со стороны бухгалтерии) получает деньги.

– Обязательно пересчитайте! – просит кассирша, желтоволосая плотная загорелая женщина с морщинами, похожими на шрамы.

– Ну, что вы... – говорит Медведев, намечая состричь. Того же ждёт от него кассирша. Не дождавшись, она со вздохом открывает окошечко кассы и рычит:

– В порядке очереди..! Круглов..!

Медведев, небрежно сунув деньги во внутренний карман пиджака, выходит в коридор.

На лестничной клетке вынимает деньги и, отвернувшись к стене, тщательно пересчитывает.

В СКВЕРЕ

Медведев в плаще и вельветовой кепке сидит на скамейке среди кривых берёзок. Заметно, что его не тяготит такое вот не по возрасту бессмысленное сидение. Он как будто утверждает в новом для себя состоянии, как бы вырабатывает новое поведение. Взгляд, которым он провожает достойных внимания женщин – заинтересованный. Но не голодный.

Медведев смотрит на часы, вздыхает, улыбается. Ещё уютнее устраивается на скамейке, нога на ногу. Сидит, смотрит.

И среди полного расслабления, отдыха вдруг резко, помолодому встаёт, идет к вокзалу.

ДВА ЧЕМОДАНА

А вот чемоданчик, который он достаёт из сейфа автоматической камеры хранения – старенький, из кожзаменителя, с оторванной в нескольких местах молнией. Как бы чемодан из прошлого. И, судя по тому, как небрежно, привычно берёт его за ручку Медведев, как равнодушно понесёт – он привык к этому чемодану. А заменить его – просто руки не дошли.

Рядом с Медведевым вспоминает свой шифр рыжеволосый стройный моряк с тонким девичьим лицом, совершенно конопатым. Видно, что он так интересно задумал комбинацию цифр, что помочь ему теперь может только дежурный по камере хранения. Моряк (а это ясно по углу тельняшки из-под рубахи) собирает волю в кулак, страшно напрягается и – вспоминает шифр.

Жёлтый кожаный чемодан с медными сверкающими застёжками, который он достает, это – ч е м о д а н.

Они, эти два чемодана, так и проходят один за другим через здание вокзала, перрон, ставятся один за другим у вагона, пока хозяева их предъявляют билету проводнику, и вносятся в одно и то же купе. Там их пути расходятся. Чемодан Медведева ныряет под нижнюю полку, под защиту хозяина. А чемодан рыжего

моряка легкомысленно летит вверх, в нишу под потолком, где такого класса чемоданы бывают редко, и где подразумевается пыль, конфетные обёртки, пробки от пива и другой невидимый снизу мусор, который так любят дети, если им посчастливится попасть в такое купе вдвоём, а еще лучше – втроём.

Но моряк, помимо чемодана, внёс в купе ещё и «дипломат». Его он определил под столик.

ТОЛИК УВАРОВ

Пока Медведев вешает плащ на плечики, кепку, подунав, кладет под полку, на чемодан, рыжий моряк уже готов к знакомству.

Он заинтересованно посмотрел ещё, как Медведев причёсывается алюминиевой блестящей расчёской перед дверным зеркалом, затем решительно встал и, держа оттопыренную ладошку перед грудью, сказал:

– Будем знакомы. Толик.

Медведев побегал глазами – очень уж не хотелось знакомиться – подал свою руку:

– Медведев.

– Официально? Тогда Уваров. Сели?

Они сели. Медведев сделал движение шеей, как бы освобождаясь от тугого галстука.

– Командировка? – спросил чутко следивший за каждым движением Медведева Толик.

– Ммдаа... – промычал Медведев.

– Инженерия или наука, если не секрет?

И здесь Медведев, едва заметно усмехнувшись – то ли пококетничать вдруг решил, то ли от умных разговоров себя обезопасить – ответил:

– Аспирант.

– Аспирант? – переспросил Толик и на его лице появилось сострадание. Лицо вырвалось из состояния неопределённости, которое было для него мучительным.

ПЛЕМЯННИК ТОЛИКА

В купе вошла пара молодожёнов. Они образовывали вдвоём крепкую группу. Видимо, были уверены в том, что каждый из них представляет собой лакомый кусок для аферистов, хулиганов и развратников. Поэтому к миру они стояли спина к спине. Рассказ Толика предназначался и им тоже, но было сомнительно, заметили ли они Толика вообще, раскладывая вещи.

– Иркутск. Государственный университет, – Толик делает паузу, обводит всех глазами. – Все представили? Теперь представляете моего племянника, на три года меня старше. Он идёт в науку. Он идёт, не считаясь с жертвами. Хотя его отец, дед и другие – вполне обычные люди, которые живут, как труженики, но тоже не ищут лёгких дорог. У всех свои дома на берегах реки Лены и специальности, связанные с речным флотом. А он, Вовка Уваров, такой вот с детства: нос ему разобьют – и он уже задумался, чуть не плачет..

Молодожёны вскочили и дружно замахали руками провожающим, потому что поезд тронулся.

– Мы писать не будем! – как будто только что решившись на этот шаг, закричал молодожён.

Провожающие родители, ничего не расслышав, заулыбались, начали кивать головами и, чем быстрее шёл поезд, тем они быстрее кивали. Затем отстали.

Молодожёны сели и начали мять друг другу руки, ничего перед собой не видя.

ПО ВАГОНАМ

Толик, открыв «дипломат», вынул оттуда две бутылки «Полюстрово», заложил их во внутренние карманы пиджака и, подмигнув Медведеву, пригласив его следом, вышел в коридор.

– Хотя у нас половые дела осуждаются моралью..! – кричал он, переходя из тамбуров вагонов в соединительные тамбуры, – но я так считаю, что им в данный момент на это плевать! Ты как думаешь..?

Медведев, пользуясь тем, что идёт сзади, может корчить вслед Толику любые рожи, тем самым теряя своё лицо, так старательно наживавшееся во Владивостоке.

В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

В вагоне-ресторане тихо, пустынно. Буфетчик завершил приём товара, подбил баланс, теперь сидит, выпятив щёточку усов, как сытый кот. Официантки и разносчица обедов сидят за столом, склонившись головами друг к другу, рассказывая бригадные сплетни, лениво усмехаясь. Все они в возрасте, но ещё не сдались.

И пока экспресс «Россия» пересекает Дальний Восток, пока мимо окон тянутся сибирские леса, можно долго, очень долго сидеть в вагоне-ресторане, постепенно пьянея под недоумевающими взглядами буфетчика и официанток.

Хотя безоглядно и радостно пьянел только Толик, а лжеаспирант Медведев от «лжеполюстрово», напротив, становился зол, мрачен, угрюм. Он не любил пить, есть, вообще жить не на свои, но не мог также почему-то решительно отказываться от угощения. И сейчас – то ли его удерживают соображения о молодожёнах, то ли не желает он осложнить себе жизнь решительным отказом, но – сидит. Сидит, слушает рассуждения совершенно размякшего, ласкового во хмелю Толика о том, что все люди – родственники, почти братья, – слушает и помыкивает, похмыкивает, дозируя эти помыкивания и похмыкивания, чтобы не войти нечаянно в роль х а л я в щ и к а. То есть Медведев собирает себя из обломков, одновременно разрушаясь с других, ещё крепких сторон – со стороны суверенности и привычного лидерства.

А Толик, пока Медведев борол сам себя и рвал кусками на части, на салфетке начал высчитывать (вынув ручку, он поднёс её к глазам Медведева и тот должен был покачать головой от притворного удивления – женщина в глазке избавлялась от купальника), сколько предков тысячу лет назад начинали здание, на вершине которого сегодня находился Толик в единственном числе. Получалось, если средний возраст одного предка брат в тридцать лет... Толик считал долго, затем подключил буфетчика.

Тот быстро постучал на калькуляторе, не поверил механизму, пересчитал на счётах...

Официантки были ошеломлены, когда оказалось, что за тысячу лет у Толика было 8 589 934 592 предка.

Однако нельзя сказать, что Медведев мучался только из-за того, что Толик угощал. Даже если он и думал так, то лгал себе. Медведев мучался в основном оттого, что предполагал, как Толик вдруг спросит: «А что, Виктор, ты располагаешь жилплощадью..?», и он, как всякий культурный человек, не сможет ему отказать, и пригласит его к себе в двухкомнатную квартиру на Лиговке, выменять которую стоило невероятных трудов и куда он даже родственников ещё не запускал.

Но Толик заговорил о Невском проспекте. И вот уже буфетчик и официантки наперебой превозносят проспект и уничтожающе отзываются об его обитателях. Даже Медведев вступает в спор о том, что раньше – «Оптика» или кинотеатр «Нева»..?

Хорошо вдруг оказаться земляками в дороге, неотвратимо приближаясь к родным местам.

РАЗОШЛИСЬ

Раннее утро. Из арочных ворот Московского вокзала выходят Толик и Медведев. Возможность просьбы Толика о ночлеге ещё витает над головой Медведева, потому он мрачен,

якобы с похмелья, старается забирать влево, к трамвайной остановке, но Толик вдруг спрашивает:

– Да, совсем забыл. Виктор, ты мне можешь оказать одну услугу?

– Мм?

– Понимаешь, еле-еле нашёл среди родни родственника в Питере. Получается так: моего двоюродного дяди жены племянник. Я так и отбил из Владика: «Буду двенадцатого проездом Толик Уваров племянник Лидии Михайловны Лапшенок». А..? Как мне до Ново-Измайловского добраться..?

Медведев объяснил и они разошлись.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

После майских дождей и поливки, когда вены на щиколотках клодтовых юношей почти пульсируют в зайчиках волн Фонтанки, когда город, как пловец, набирает полные лёгкие озонированного, отфильтрованного парками и зелёными массивами пригородов воздуха, чтобы целый день дышать часто и хрипло, как астматик, и лишь к ночи, загнав в гаражи хищную свору машин, перевести дух – в этот город, часу в седьмом утра, на его центральную улицу вступил с чемоданом в правой руке и с «дипломатом» в том же чемодане рыжий моряк Толик Уваров.

Его засасывал, тянул в себя легендарный во флотах и в литературе Невский проспект.

Он открылся ему, внезапно поглупевшему лицом от предвкушения, за углом кремового пятиэтажного дома, открылся до самого шпиля. До самого шпиля уступчато, водопадом низвергался блестящим асфальтом, выдвинутыми вывесками и рекламой главный проспект, где рыжему моряку уготованы были три основных для него в настоящее время неприятности: музыка, вино и женщины.

А сейчас сделаем сейчас небольшой отпрыг от этого текста в сторону автора, пытаюсь мгновенно вскочить на подножку, чтобы уже в следующую минуту, расправившись со всеми *почему* и *зачем*, катиться с этим самым Толиком и подобными ему попутчиками по страницам, как в простынях уютного купе, куда? конечно же, на восток, на родину автора. Автор этого хочет. Этого же хотят две солидные газеты – петербургская и московская – нет, не могу в такой компании всё это делать как бы и мимоходом, ещё раз вставлю сюда кусок официальный, поясняющий – хотя, конечно, зря – но он уже тут как тут:

«Я доехал до метро “Приморская” и вдоль гранитно-железобетонного берега Смоленки прошёл до Финского залива. Там я спустился к воде по бетонным плитам, рассечённым в промежутках жёсткой серозелёной травой и, для гарантии отойдя ещё метров на двадцать от устья, намочил подошву своего правого ботинка водой Атлантики. Ботинок не тёк.

Сразу хочу расставить все точки над *i*. Два месяца, июль и август, я ждал финансирования. Вначале мне обещал оплатить купе до Владивостока и самолёт обратно главный редактор петербургской “Вечёрки”. Увы. Денег не дали ни Октябрьская железная дорога, ни Аэрофлот. Затем я вступил в заочные переговоры с главным редактором “Независимой газеты”. В “Независимой” я напечатал за последние два месяца десятка полтора статей и очень надеялся. Меня попросили прислать чисто журналистские материалы. Я прислал. Они оказались слишком художественны. К тому же во Владивостоке у “Независимой” появился собственный корреспондент и необходимость в моих журналистских статьях отпала. Стала не так актуальна, скажем так. Хотя я обещал продиагностировать состояние России на всём протяжении её основной коммуникационной артерии с ослепительно чётким и волнующим маршрутом: Петербург-Москва-Ярославль-Вятка-Екатеринбург-Тюмень-Омск-Новосибирск-Красноярск-Иркутск-Улан-Удэ-Чита-Благовещенск-Хабаровск-Владивосток. Я скромно

упомянул о маршруте молодого Чехова на остров Сахалин. Не забыл – об установлении братских связей с газетами всех часовых поясов...».

За это время, повторяю, Толик успел перейти на другую сторону Невского, к станции метро «Площадь Восстания» и, пересечя улицу Восстания и миновав булочную (сейчас там неизвестно что и улица называется Знаменская), а затем магазин «Товары в дорогу», «сосисочную», которая его заинтересовала, и далее целую серию кинотеатров, магазинчиков и ресторанов, шагая по зернистому, сырому от поливки тротуару и встречая редких в этот час прохожих с очень симпатичными ещё, домашними после сна лицами, остановился на углу Литейного проспекта. Здесь его заинтересовало пущенное под стекло напоминание, которое заставило покачать головой, опустить чемодан на асфальт и ещё раз перечитать, чтобы занести его текст в разряд нужных для застольных бесед фактов: «Венерический профилактический пункт. Работает круглосуточно». Напоминание это помимо познавательного имело для Толика ещё и характер настораживающий. Он нахмурился и посмотрел вокруг взглядом педанта-провизора, вдруг заметившего в своем стерильном заведении муху, но успокоившегося тут же мыслью об её обречённости среди сверкающей разноцветной посуды, белоснежных халатов, матовых стёкол и тишины.

Далее Толик взял такси, случившееся рядом, и, погрузив чемодан в багажник, шёл некоторое время рядом с машиной, не обращая внимания на свирепые взгляды шофёра, шёл с «дипломатом», специально извлечённым из чемодана ради подобного случая, – и задумчиво-растроганно смотрел на знаменитый проспект с клодтовыми укротителями.

Затем прыгнул в машину и умчался на Ново-Измайловский огорчать своих родственников, проведших после его телеграммы несколько головоломных семейных совещаний по расшифровке, сравнимых, быть может, только с трудами советского ученого Кноррцова о языке майя.

Но нашей целью остается всё же сам проспект, а не личности, пусть даже и достойные, вроде коренастого кандидата Медведева или менее достойные и давно погрязшие в скитаниях и сомнительных связях. Слава Богу, проспект тут не при чем, и мы при всём желании не можем предъявить ему обвинений ни в прелюбодеянии, ни в оговоре, ни в чём-то ином, в чём мы грешны поодиночке и целыми коллективами.

О ФОТОГРАФИИ

Какой-нибудь сумасшедше-смелый фотограф, решившийся сделать панораму Невского проспекта и избежать при этом повторения банальнейших ракурсов с видами сплошного потока голов на тротуарах или занесённого жёлтой листвой сада отдыха у Дворца пионеров, и контраста запустения там и тысячной толчеёй на тротуаре перед Елисеевским магазином, заброшенности Мойки с тем же фоном, жанровых сценок со старушками, собачками и группами галдящих финнов, несомненно встал бы в тупик и, после продолжительных колебаний, подобно художнику или писателю, решившемуся на передачу любовного сюжета в его невыигрышном и наивном, чистом виде, для чего необходима величайшая смелость, потому что и малейший профессионализм здесь невозможен и попросту губителен, так вот и этот фотограф, как мне кажется, должен абсолютно забыть о ракурсах и о композиции и проделать массу бесполезной на первый взгляд работы. Он должен снимать изо дня в день, постоянно, должен потратить массу фотоплёнки, непрерывно печатая снимки и сортируя их по меняющимся непрерывно ассоциациям, пока не сложится в мозгу непонятно как и почему совершенно ясная и непередаваемая панорама, где в соседстве, казалось бы, банальнейших снимков со сценами тысячи раз снятыми, вкраплениями, как в геологических структурах, идут сцены собственно искусства, и именно в этом соседстве возникает не тема людс-

ких судеб отдельно, что под силу и одному, и не серии снимков, а тема проспекта – или, ещё того выше – тема города, которую ни в коем случае нельзя отождествлять с отдельными удачными попытками в живописи, прозе или музыке, и запечатлённое мгновение этого города, или вдруг? а вдруг? и современности – а это уже выходит за рамки искусства и ремесла, как выходит за их рамки поэзия Петербурга Блока или польская музыка Шопена.

Но где этот сумасшедше-смелый фотограф..?

Так что оставим его и спустимся на почву, многократно мощёную то настилом из досок и деревянных плах, то забитую галькой, щебёнкой, песком и различной строительной крошкой, а поверху стянутую брусчаткой из доломита, а далее и современным покрытием, с чёткими белыми полосами островков безопасности, различных знаков для городского транспорта, исключая – а тем самым подтверждая избранность магистрали и её значение для города – грузового автотранспорта и мелких двухколесных тварей, имеющих обыкновение проноситься без глушителей.

СНОВА ТОЛИК

Ранний вечер или поздний день в мае, как угодно.

Голова Толика, а затем и весь он появился из-под земли на станции метро «Невский проспект». Мимо него текли люди, всплески их речей обдавали Толика наподобие морских брызг. Люди обтекали его, сбивались в водовороты и куда-то рассасывались. Куда? Почему эти люди, целый поток голов, если посмотреть с возвышенного места, непрерывно питаемый из различных прилежащих улиц и из транспорта, не выплескиваются через борт? Ведь может же прийти в голову всем жителям города посетить в одно время свою центральную артерию? Что тогда? Или люди, подобно крови, так же равномерно орошают город? Это не ка-

кие-то волны морские, решил Толик, и осмотрелся уже со знанием цели.

На другой стороне проспекта он увидел ресторан, единственное учреждение на земле, где человека действительно ждут, и где заботятся о нём.

Толик никогда не обращал внимания на свои отражения, но в таких высоких зеркалах отражаться ему ещё не доводилось. Его чуть удивило то, что он не так высок, как казался себе до сих пор. Более того, в зеркале он показался себе даже мелковат, и это, а также то, что справа волосы упрямо торчали рогом, привело его на миг в мрачное состояние.

Однако он тут же изгнал его, игриво пропев вполголоса «грустить – не на-адо». Всегда, стоило ему хоть немного захандрить, пел он эту строчку. И не было случая, чтобы она его подвела. Как будто эти слова отметали от его глаз ненужный хлам и жизнь снова была морем.

Поэтому в круглый зал на втором этаже он вошёл так: одна рука ладонью всунута в карман пиджака, вторая энергично резала воздух.

ДИАНА

А вот и женщина за столиком с надписью «стол не обслуживается» – интеллигентная, красивая, задумчивая. Официант за стольничек подводит Толика к ней (зал битком), усаживает со словами «Наш гость из Владивостока» и отскакивает, бежит на кухню. Скоро он появляется с подносом, обслуживает соседние столики, но к ним не подходит, поглядывая иногда умными, вежливыми глазами. А незаметно, из-за портьеры – и с усмешкой, долго смотрит, как видно, наслаждаясь созданным альянсом.

Женщина же смотрит так сурово и даже зло на Толика, в зал и в особенности на пролетающего официанта, что Толик,

пытаясь побороть неловкость, привстаёт и представляется: «Толик», и садится. Женщина в упор, неприлично долго смотрит на него, размышляет и вдруг, сменив гнев на милость, говорит в ответ: «Диана». «О-о! – говорит Толик. – Дина?». «Диана» – повторяет женщина и улыбается ему. Толик краснеет внезапной волной, вскакивает и со словами «Минуту! Айн момент!» быстро выбегает из зала, спускается по лестнице. Он уносится так стремительно, что швейцар ловит его в объятия с криком: «Ну да? А платить кто будет?».

– Уваров будет платить! Граф Уваров собственной персоной! – патетически вопит Толик, суёт в карман швейцару паспорт и выбегает на Невский.

Он возвращается с белыми гвоздиками, они стоят уже в высоком бокале в минеральной воде, Толик танцует с Дианой, а официант смотрит из-за портьеры, едко усмехаясь и недоумевая.

– У тебя какое образование? – спрашивает Диана.

– Восемь.

– А у меня университет. О чём говорить будем?

– О школе.

Диана отстраняется и, посмотрев на него, качает головой. И усмешается. Толик счастлив.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Вдруг Толик со словами «Пardon! Минуту!» оставляет Диану и бежит через зал. Возвращается он с Медведевым и его женой. У жены безнадежно усталый вид, хотя она и ведёт себя так, как будто ей до смерти надоели эти рестораны. Но нет, не надоели. И причёска накручена «Локоном», и шерстяной костюм надевался по праздникам лет восемь, не меньше...

Толик и в ресторане платит за Медведева и жену. Медведев совершенно сатанеет, кричит, что купит всех с потрохами, но... платит всё равно Толик.

Такова расстановка сил.

Вообще же эта история – о празднике на Невском проспекте. Толик отмечает своё знакомство с лучшим городом страны, все люди кажутся ему родными, его Праздник – с большой буквы. Празднуют и Медведев с женой. Он только что стал кандидатом, получил хорошую должность, а до этого семью тянула жена, свои лучшие годы отдавая троллейбусному парку, сверхурочной работе. Сейчас, кажется, и её праздник – можно устроиться куда-то, где и на работе чувствуешь себя женщиной.

Мрачноватый праздник у Дианы. Она когда-то поставила на «официанта», готовила его, как тренер, к научной карьере, а он бежал в ресторан – и вот она пришла в годовщину этого предательства. У них – сложные игры. Стремительные, злые диалоги. И Толика она настраивает против официанта, и Толик бегаёт за ним по подсобным помещениям. А Медведев тяжело, надсадно влюбляется в этот вечер в Диану.

Кружится карусель их отношений, переходя из ресторана на Невский, где уже поздний вечер. Затем попадают они в сад отдыха у Дворца пионеров. Редкое состояние детской беззаботности овладевает ими. Они решают играть в прятки. «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых людей». Выпадает водить Толику. Он находится в последней степени восторга, уже рядом с истерикой. Такого чистого и радостного дня у него не было никогда и, видимо, не будет. Он добросовестно считает до ста и идет искать. Но искать уже некого.

За эти секунды Медведев успевает прокричать вдогонку Диане: «Диана! Я твой гончий пёс!». Успевают его жена, давась рыданиями, убежать в метро. Успевают Диана поймать-таки своего официанта после смены и уйти с ним по Малой Садовой, разрывая белую ночь взаимными претензиями.

А Толик долго ищет их. И не находит. Тогда он выбегает на середину Невского и кричит «Ау!».

Нет ответа.

Мы видим весь Невский с высоты и маленькую фигурку Толика. Мы движемся по направлению к Литейному, не теряя Толика из виду, и снижаемся над другой фигуркой, которая также кричит в одиночестве свое «ау!» за Аничковым мостом. Это – Медведев.

Много всего впереди.

Александр Драгункин

(Из книги «5 сенсаций»).

О РУССКОМ МАТЕ.

Чего только не говорят о русском *мате* – самая частая *версия* – это то, что его «навязали» нам *татары* (или *монголы* ..?) ... –

– Ан, нет! **Все** чисто наши дела ..!

Сейчас *мы* с Вами пойдём от *языка*

и от *здорового* смысла:

1) «**Пи...да**» – это чисто *русское* слово, образованное по законам *русского* языка от нормального слова «*писа́ть*» (= просто одна из *функций* этого роскошного «*органа*») – См. стр. 181.

А у итальянцев это *русское* слово приняло уже форму «*figa*» (от нашего «*ника / нйка́ть*» (+, например, чешская «*piča*»), что ещё раз подтверждает верность моих слов о *семантике* этой *штуки*;

2) «+**Нуй**» ← “*p-huj / пхай*” ← звукоподраж. “*Ph ..!*”.

Отсюда же «*п(х)а-леи*» → “*pha-llos / фаллос*”,

и именно *поэтому* мы («*стесняясь*»!)

иногда вместо “*hui*” говорим или пишем «*фуй*»,

например: «*Ни фую себе пироги!*» (+ «*смефуёчки*»);

3) Слово «**Е...ать**» имеет **конкретнейшую** «*родственную*» связь со словом «**иметь**» («*м-б*»).

Причём *русский* язык – это **единственный** язык, в *разговорном* (а значит, в *реальном!*) *варианте* которого значения этих двух (***теперь*** уже *разных* слов!)

полностью совпадают:

«Я её раз пять по-**имел!**».

Ещё более интересной является

«*высокопарно*»-матерно-разговорная *цепочка*

«**бр**-ать» → «**бар**-ать» → «**пор**-оть»,

причём от последнего слова «**пор**-оть/**пор**-ка») произошли «*европейские*» слова

“*por-no*” → “*por-no-graph-ia*»;

4) Самое употребительное *матерное* ругательство звучит как «**Job** твою **мать!**» ...

С таким ругательством обычно обращаются от «*высшего*» к «*низшему*» – то есть, этим «*выражением*» человека как бы «*ставят на место*».

Но ведь слово «*Job ...*» **не является** *формой повелительного* наклонения глагола “*jebatj*” – **нет!**,

это – одна из *форм его прошедшего* времени ..!!!

Зная это, мы **можем** предположить, что данное выражение является «**неполным**», и что ранее оно звучало как

«**Я** job/jebal твою **мать!**» –

– то есть, соответственно, имело смысл:

«Я – твой отец!»,

из чего вытекало, что, мол,

«Я *старше* / *важнее*, чем ты!».

Конкретнейшим подтверждением *правильности* этой разработки является (реально существующая) ещё более грубая (синонимичная) русская фраза:

«Я твою маму *jebal!*».

А «*мат*» потому и называется «*мат-ом*», что он «*построен*» на *неадекватном* использовании слова «*мать*».

ДОПОЛНЕНИЕ.

Посмотрите – «*английское*» слово “*fuck*” (как и «*немецкое*» “*fick-en*”) имеет «*предшественниками*» (The Penguin English Dictionary, 1992, стр. 377) древнескандинавские слова “*fukk-a/fock-a*”, значившие «*трахать*» и «*бить*» (у этих русских слов *тоже* значение *одинаковое!!!*).

В свою очередь слова “*fukk-a / fock-a*” восходят к *звуко-оподражательному* (а значит, *первичному!!!*) *РУССКОМУ* корню «*бух*» (→ “*rug*”, греч. “*rug-me*” = «*кулак*» и т.д., который дал и русское же разговорное слово «*буцк-ать*» = «*бить*», «*трахать*»

(английское “*f-*” в начале слова –

– это почти всегда русские «*б/п-*»).

Так что, *и* в *этом* случае «*наши*» подсуетились!

ПОДСЕНСАЦИЯ №2 !!!

«ДАЙ МНЕ *ДОЛЮ* ОТ *РУБЛЯ!*»

Самая крупная *русская* мера веса – это «*пуд*»!

Слово «*пуд*»

этимологически связано со словом «*вес*» – и

опять *одинаковый* состав согласных «*пд-вс*» (кстати, по-французски, например, слово “*poids*” = «*вес*» тоже ведь «*явно является*» *искажённым* русским словом «*пуд+с*»).

При *заимствовании* (или при *наследовании*) «*пуд*» превратился в английский “*round*”, который мы называем «*фунтом*», потому что к нам это слово (как бумеранг) позднее вернулось уже ещё более *искажённым* через язык немецкий (“*Pfund*”).

На разницу в *весе* между «*пудом*» и «*фунтом*» прощу внимания не обращать, так как в истории полным полно примеров, когда *меры веса* или *единицы измерения*, имея *одинаковое* название,

имеют *разное* «*наполнение*»

(например, в немецком «*центнере*» не 100 кг, а 50,

да и «*мили*» тоже бывают *разной* длины!).

Теперь смотрите:

Полное название английской валюты – «*фунт стерлингов*», что значит «*фунт серебра*», так как

“*sterling*” – это «*чистое серебро (с пробой)*».

Серебро никогда не продавалось или обменивалось *россыпью* – оно всегда было **в слитках**,

то есть «*куском*»!

(*Шлихта* же **всегда** сплавлялась!)

А **что** Вам нужно сделать, если Вы должны заплатить не целым слитком, а только

кусочком от него?

Правильно! От слитка нужно «от-**руб**-ить»!

А **как** нужно назвать «от-**рубл**-енный» кусочек?

Чисто ↑ *русский* суффикс «-л-»

Правильно! Его нужно/можно назвать «**рублём**»!

А **как** «обозначается» «1 *фунт стерлингов*»?

Правильно! Молодцы! =

= “**£**” –

– то есть «*перечёркнутое* “**L**”!

А **почему** так? Почему “**L**”?

Да потому, что по-латински «*фунт*» будет “**LIBRA**”!

(Это и пресловутый французский «*ливр*» = “*livre*”, за которым/-и охотились мушкетёры, и который тоже значит «*фунт*»!!!

И это же – кстати – и итальянская “*lira*” !!!).

А **откуда** эта «*либра*» взялась? – Правильно!

От нас !!!

“*Libra*” ←= «*Рубль*»!!!

(“*l-b-r*” ← «*р-б-л*»),

то есть «от-**рубл**-ено» (от «*пуд*-а») !!!

А **что** делать,

если Вам нужно заплатить **ещё** меньше?

Правильно! Нужно от «*рубля/libry*» «отделить»

«**ДОЛЮ**» малую (= «*часть*») !!!!!

Вот и получилось:

«**ПУД**» → «**РУБЛЬ**» → «**ДОЛЯ**»
 “**POUND**” → “**LIVRE**” → “**DOLLAR**”!!!

Ну и как, дамы & господа?

Дополнительные информации!

- 1) По-русски **ТОЖЕ** определённую **меру веса** (44 миллиграмма) называли «**долей**» (причём «*долями*» мерялось именно **золото**!);
- 2) В средневековой Европе был “**TOL**-аг”;
- 3) По-шведски: «*часть*», «*дол-я*» = “**DEL**”,
 По-немецки: «*часть*», «*дол-я*» = “**TEIL**”
 (читается: «*тайль*»).

Старинная немецкая *денежная единица* называлась «*талер*» = “**Tal-er**”.

Вспомним «теле-визор» ←= «дале-видец!»

Значит, «тал-ер» – это ←= «дол-ец!»

А Вы знаете, **КАК** на разговорном *польском*

звучит слово “*dollar*”?

Прааавильно!!! Умницы!!!

“*DOLEC*” = «ДОЛЕЦ»!!!

Что получается?

ДОЛЯ → *ДОЛЕЦ* → *DOLLAR/TALER!*

Вот Вам и конкретнейший пример,

когда *подсознательная семантика*
просто **рвётся наружу!!!**

Поехали дальше (вернее, глубже)!

Русское слово «доля»

имеет **ДВА (разных!!!)** значения:

«*часть*» и «*судьбина*» (= «ю+*доль*»).

↑↓

«у+*часть*»!!!

А через «*меру веса*»

русское слово «доля» связано и с *деньгами!*

Смешно, но и «английское» слово “*dole*”

тоже имеет **ДВА (разных!!!)** значения:

“*Dole*” = 1) «*судьбина*» и 2) «*скудное пособие*»

↑

(= «доля»)

↑

(= «вы-дел-енные деньги»)!!!!

Через **какой же** язык (кроме **русского** ???!?)

«английское» слово “*dole*” могло «получить»

такие «**специализированные**» значения ???

NB.

А от слова «**вес**» произошло ещё и слово «**масса**»!

Думаете, это всё ..? – Нет, далеко не всё ..!

Дело в том, что тщательный анализ показывает, что

названия практически ВСЕХ

«*главных*» европейских *денежных единиц*

имеют **чисто русское происхождение ..!!!**

Ведь даже тот же самый «*пуд/Pfund/фунт/pound*» через своё *первоначальное* значение «**вес**» (по-французски, например, «*вес*» = “*roids*” – постоянное *чередование* «*д-с*») дал Европе испанское “*pes-o*” (здесь обратите внимание и на **постоянное** *чередование* губно-губных *согласных* «*п-в*») – а уже отсюда и – пресловутая «*пес-ета*».

Продолжим *демонстрацию* с «*европейского*» слова

«*марк-а*» ...

«*Марк-ой*» в Европе раньше назывался *земельный участок* (отсюда, например, – римская “*parcella*” английское “*landmark*”), а чтобы этот *надел* можно было *оценить*, его, естественно, нужно было «из-*мер-ять*»

«*мерк-ой*».

Потом слово «*марк-а*» перешло и на денежную единицу, так как **и** *земельный участок*, **и** *деньги* были единицами *измерения стоимости* –

– «*мер-ами*» или «*мерк-ами*» ...

Так что, «**мар-к-а**» = это просто «**мер-к-а**», да ещё и с нашим же, с русским *словообразующим* (в данном! случае) суффиксом «-к-» («тёр-к-а», «пор-к-а», «нор-к-а» = «ныр-яющий зверёк» и пр.).

То есть, когда-то «Дай мне 5 **марок!**»

значило

«Дай мне 5 **мерок!**».

Следующим источником для образования всяких *названий* денежных единиц стали *русские* слова «**мен-а**» (→ например, румынские “**ban-i**” и «*европейское*» слово “**moneta**” ←= «**меня-та**»), а также слово «**злато/золот-ой**».

Особенно *продуктивным* оказалось слово «**злато-ой**», так как оно дало миру такие *вещи*, как итальянские “**sold-i**” = «**деньги**» (а отсюда → «**солд-ат**» !!!), византийский “**solid**”

и голландский «**гульд-ен**»!

Смотрите, ведь:

з-алив = **g**-ulf,

з-олото = **g**-old,

з-елён-ый = **g**-reen,

со-**з**рев-ать = **g**row, и многие

прочие ...

Слово «**мена**» (= «об-**мен**») в свою очередь имело и форму «**менк-а**». Отсюда (учитывая опять же *постоянное чередование* и начальных *губно-губных* согласных «**м-п/б**») произошли «*европейские*» слова

“**bank**”,

скандинавское “**peng-ar**” = «**деньги**»,

венгерское “**peng-o**”,

английское “**penny**”,

немецкое “**pfennig**” и пр. –

– и во **всех** этих ↑ словах сохранился *русский* (теперь уже) *уменьшительный* суффикс «-к-» (в форме “-g/-y” – см. чуть далее!), абсолютно *неэтимологизируемый*, *если* эти слова *не русского* происхождения !!!

Но всё же самый *сногшибательный* и *показательный* результат даёт анализ *английской* денежной системы !!!

С «**фунтом**» мы уже разделились, теперь возьмём слова

“**penny**”, “**farthing**”, “**guinea**” и “**crown**”.

То, что “**penny**” – это «**менк-а**» подтверждает и тот факт, что во *множественном* числе это *английское* слово *сохранило* (в написании !!!) русский *уменьшительный* суффикс «-к-», абсолютно *необъяснимый* без *русского* фактора:

“pence” – это «много **penny**» = «много **менКи**» !!!

Тем более, что английское “-y” на конце слова – это практически *всегда* русские (и не только русские!) «-к-», «-г-» или «-х-»:

bay = бух-та (англ. синоним “bight”),

Bye! = Поке-да!,

cry = крик,

may = мог-у, mag-en (нем.),

pay = pag-are (ит.),

say = säg-a (швед.),

boy = pag-e (фр.), и т.д.

+

Penny = p(f)ennig – и *кранты*, ребята, Европе!

Поехали дальше:

слово “*fa-rthin-g*” однозначно даёт нам **100%-е совпадение** костяка согласных с **наирусским** словом

«**по-лтинн-и**к**»**

(“*f-rog*” = «**п**-рыг», “*f-loat*” = «**п**-лыть» и т.д.),

а уж о **русскости** **СОСТАВНОГО** слова

«пол-(с)тина» = «пол-ста»

я и говорить не буду ...

Дальше – больше!

“*Guin-e-a*” = «гинея»

явно произошла от древнерусской монеты «**куна**».

От этой же «куны» произошло и английское слово

“*coin*” = «монета» !!!

Но самое **крутое** получается

с красивейшим словом “*crown*” = «**крона**» !!!

↑

ОТКУДА здесь это “-w-” ?????

НИКТО не знает !!!!! – А **я** Вам скажу!

Корень «гол» («гол-ова») имел и форму «гр» – например, в слове «гри-ва» (а ведь раньше «гривой» назывались **не** волосы, а **верх** головы, и «за-гривок» же был «за гривой» – это потом уже понятие «гривы» сместилось на «шею»!).

Знаете, как называлось **древнерусское** женское **драгоценное** украшение (**серебряное** **нашей**ное кольцо), название которого позднее перешло

и на **денежную единицу**?

Оно называлось

«Г Р И **В** Н А» !!!

↑

И **ЧТО** же это за «-в-» ?????

А если вспомнить, что в «закрытом» слоге гласные «-и-» и «-о-» в родственных языках **ПОСТОЯННО** чередуются

(рус.-англ. «холм» – “hill”,

рус.-укр. «ночь» – «ничь»,

«соль» – «силь»,

нем.-англ. “Stock” – “stick” и т.д.),

то жить становится чрезвычайно радостно, потому что тогда

«**crown**» легко, элегантно и органично

возвращается в состояние «**гривн-ы**» !!!

Вот Вам и «гордый Альбион»

с его пресловутой денежной системой:

«менка» → «penny»,

«полтинник» → «farthing»,

«куна» → «guinea»

и «гривна» → «crown» !!!

Да и пресловутый “**sovereign**” – это же просто **наш** «**сберегун**» (то есть «средство накопления»)!!!

И вспомните «доллар» = «доля» – каково, а?

Хотите **ещё**? – Нет проблем ..!!!

Вспомните, **как** раньше *писалось* обычное немецкое слово «**талер**» (тоже – как понимаете – «предшественник» или «разновидность» доллара)?

“Thaler” – вот **так** оно писалось !!!

А **откуда** здесь это **среди́нное** “-h-” после “Т-” ???

Это “-h-”, видимо, передавало *придыхание*, с которым – возможно! – **когда-то** и **кем-то** произносились *начальные* славянские *согласные* «д-» и «т-» (именно таким образом, например, могли произойти и «английские» слова “d-hom-e” ← «д-ом», “d-hol-e” ← «д-ыр-а» и пр.)?

Причём на санскрите «дом» будет “d \underline{h} ama”!

Значит, русское слово «дол-я» могло «у кого-то»

иметь и норму произношения “dhol-a/thol-a” ...

Соответственно, если (**бы**) оно было **и** у греков (от нас, естественно!), например, то оно *писалось* (**бы**) как «θολα», поскольку «европейскому» буквосочетанию “Th-” в греческом языке в начале слова **всегда** соответствует звук “θ-”, который **по-русски** (и в некоторых **других** языках!) передаётся как «Ф-»:

“Theodore” = “ Θ eodoros” = «Фёдор» !!!

Или наоборот:

«Фёдор» = “Theodor”.

Теперь, смотрите!

Среди родственных *славянам* племён были и *массагеты-саки-сарматы*, занимавшие ещё в V-VI веках **до нашей эры** огромные пространства от Тобола до Дуная.

Так вот:

знаете, **как** называлась «их» основная *денежная единица*?

Основная *денежная единица* сарматов называлась (не более и не менее!) просто и элегантно:

«Фалар» = “Thalar” !!!

(А ведь уже тогда многое заимствовалось, передавалось и распространялось и *через* греков ..!).

Но **и здесь** дело именно в том, что **без** русской «доли» слово «Фал-ар» **не** этимологизируется –

– то есть **без русского** языка **невозможно**

выявить *происхождение* данного слова и его *семантику* – то есть его **первоначальный** смысл !!!

А это значит, что начиная **с самой глубокой** древности (здесь это VI век до нашей эры!) и до нашего времени (“Thaler”) именно **русские** слова/корни (в том числе **русская** «терминология» и **русские** «реалии») – как *праоснова* – были **базой** и продолжали составлять словарные запасы «уже *других*» языков.

Ведь и у *аваров* (VI век уже *нашей* эры!) **тоже** был «фала-р»!

А что Вы скажете о **такой** древности как «тала-нт»???

КАК – **кроме** того, что мы уже начинаем понимать –

могло получиться, что *основой* для почти всех названий

денежных единиц Евразии и Ближнего Востока

был **один и тот же** корень? – причём, **наш** ...

Видимо, в те времена и **сама** денежная система вся была

ЕДИНОЙ!

NB.

Вот Вам хороший пример «*скрытого* корня», который **можно было бы** принять за *редуцированную приставку* «*хо/ху*»:

Возьмём русское слово «*хлеб*», которое все чёрт-те знает из чего *пытаются* вывести, но дальше обычных *балтийских, готских и древнеисландских «родственников»* дело не заходит (хотя, есть и очень привлекательный и великолепный – для тех, кто умеет читать между строк – пример и *древнекитайского* (!) сопоставления: “*gli-er*” = «*рисовые зёрна*»!!!).

Но всё равно даже у *древнеисландского* слова **должен быть корень** – вот об этом *корне* сейчас и пойдёт речь ...!

Я считаю, что наше слово «*хлеб*» является ничем иным как видоизменённым = «*редуцированным*» словом

«*кол-об*» (= «*шар*»)

с вездесущим *пракорнем* «*кол*» – и слово это легко и элегантно образовано от *формы*, которую раньше имели *хлебцы* – это были *с-леп-ленные*

«*кол-об-ки*» из теста,

которые запекались на углях костра.

«*К-*» и «*х-*» очень *близки*, поэтому на определённом этапе у **разных «родов»** или «*дымов/домов*» нашего «*пранарода*» могли появиться и **разные формы** слова «*кол-об/хлеб*»:

↓ а это = «*рожь*»

литовск.: «*Kliap-as*» = «*ков-рига*»,

латышск.: «*Klaip-s*», ↑ это же **тоже** «*кол*»

и («*кр-углая*» форма!!!)

готское: «*Hlaif-s*»,

древнеисл.: «*Hleif-r*».

Потом (как это часто бывает – Вы уже видели!) появился **новый корень**, образовавший **новый глагол**:

КАК делали «*колоб-ки*»?

Им руками придавали *форму* «*х-леб-а*» –

– то есть их «*х-леп-пили*» –

– и **отсюда** (то есть из русского «*х-леб*»)

уже пошли:

и русский глагол «*леп-ить*»,

и русские «*леп-ёшки*»,

с «*лап-шой*»

и греческие «*лоиб-араи*»,

и кавказский «*лав-аш*»,

и финское “*leip-a*”

и английское “*loaf*” = «*лом-оть*», и др.

Очень красивым было бы *предположение*, что и слово «*х-леб*», и слово «*леп-ить*» произошли от слова «*леп-ота*» = «*красота*», так как теоретически можно (?) сказать, что «*изготовление хлебцев*» – по какой-то неясной причине – приравнивалось к созданию *предметов искусства* ...

Но тогда опять со всей *неотвратимостью* – как айсберг перед «Титаником» – выплывает «*моя*» *приставка* «*ко-хо-*» – и что же Вы прикажете с ней делать ..?

Ведь если **бы** «*х-*» являлась «*редуцированной*» *приставкой*, то тогда она должна была **бы** быть прибавлена к всё-таки непонятному *звукосочетанию* «*леп*», которое в этом случае являлось **бы** *корнем* –

– но ведь у нас **уже** есть *корень* «*кол*» и слово «*колоб*» –

– и они гораздо «*явнее*» ...!!!

И в любом случае – в какую бы сторону я ни «*ошибался*» – слово «*хлеб*» является **чисто русским** *произведением*, произошло ли оно от древнего и *всеобъемлющего* корня «*кол*», или от «*красивого*» корня «*леп*», но в *европейские*

языки это слово (в по-разному *искажённых* формах) явно пришло именно

из русского!!!

А, может, так было:

«с-леп-лено => «красиво» ?!

Кстати говоря, «германские» слова, значащие «хлеб» (= “*bread*”, “*Brot*”, “*broed*” и т.д.), тоже, естественно!!!, произошли **из русского**:

«*брод*-ить»

(но «*бродить*» о *тесте*,
а *не* в смысле «*иляться*!») !

Александр Драгункин

**КРАТКИЙ
РУССКО-ЯПОНСКИЙ
учебный этимологический
СЛОВАРЬ**

для быстрого заучивания части японских слов.

В японских и в русских словах мною выделены те их *части*, которые могут помочь более быстрому *запоминанию* японских *слов* –

– но, конечно же –

и японские, и русские слова читаются *не* по слогам, а *слитно*, как единое слово.

Сначала идёт *русское* слово, потом – *японское*, а потом – через тире – «*однокоренное*» русское (или «*инострannое*») слово/слова с выделенной *схожей* частью.

А

автомашина (*разговорн.*) = курума – колыма-га

альый = +ак-ай – м-ак

аромат = +фууми – пар-фюм

Б

бабка = баба

бабушка = баба

бадьа = таг-о – таз

б-ак = +ок-э
 баня = фур-о, мур-о – пар, пар-ная
 бахрома = фус-а – влас-а
 бездна = фучи+ – пучи-на
 белая берёза = сир-акаба – сер-ая
 белый = сир-ои – сер-ый
 белый флаг = сир-ахата – сер-ый
 берег (*реки*) = кис-и – соас-т (*англ.*)
 бе-рег (в *составном* слове) = -бэ:
 бе-рег моря = уми-бэ
 бе-рег реки = кава-бэ
 бе-рег моря = хама-бэ
 бесполезность = муд-а – муд-янка
 беспорядок = +одоро – order (*англ.*) = п-оряд-ок
 б-ить = +утс-у
 = наг-уру – k-носк (*англ.*)
 бич = муч-и
 Б-лагод-арю! = +Arigat-oo! («*лгд-ргт*»)
 бледно- = ас-а – яс-ный
 блек-нуть = бок-эру
 бок = вак-и, +ок-у, хок-а
 болезненный = ит-аи – p-ity (*англ.*)
 болеть = ит-аму – p-ity (*англ.*)
 болото = нума – nevo (*фин.*), Нева
 большими глотками = габ-у-габ-у – gulp (*англ.*)
 большой глоток = габ-уноми – gulp (*англ.*)
 большой палец = юб-и – th-umb (*англ.*)
 бор = мор-и
 бор *сосновый* = мацу-бара
 босс = +ос-а
 бочка = тар-у – тар-а

боязнь = kow-agari – cow-ard (*англ.*)
 бояться = +осор-эру, +осор-у – п-озор-иться
 бра-нь = бар-и
 бросать (*вверх*) = тоб-асу – top (*англ.*)
 бросать (*вниз*) = куд-асу – кид-ать
 будоражить = sawag-asu – savag-e (*англ.*)
 бурный = а-бар-э, +ар-аи
 б-уря = +арэ, +араси – h-arrass (*англ.*)
 буюнить = а-бар-эру – бур-ный
 бывать там и сям = +aruk-u – w-alk
 бык = +уси – +ох (*англ.*)
 быть = ару – are (*англ.*), är (*швед.*)
 быть достаточным, хватать = тар-у, тар-иру –
 – за-тар-иться
 быть зарытым = умар-у – умер-еть, bury (*англ.*)
 быть обращённым к ... = мук-ау, мук-у – бок
 = нодзом-у – носом к ...
 быть погребённым = умар-у – умер-еть, bury (*англ.*)
 быть обязанным = оу – owe (*англ.*)

В

вар-ить = мур-асу – пар-ить
 = мус-у – мусс
 вата = wata
 великий = +эраи – г-ерой
 ве-рх = +уэ
 = хор-о – гор-а
 ветер = кадз-э – гас-ить, gas, haz-e (*англ.*)
 в-ет-ка = +эд-а
 «ветр-ить» = ватар-у

вздор = мут-я – муть
 вздыхать = наг-эку – neigh (англ.) = «ржать»
 взморье = кат-а – с-кат, coast
 вид-еть = мир-у – mir-ar (исп.), мир-аж
 вина = тог-а – долг
 во-да = уо+
 возмездие = татар-и – тартар-ары
 возмещать = +ага-нау – p-aga-re (итал.) = платить
 войти = иру – ir (лат.)
 в-олк = +оок-ами
 волна = н-ами – navi-, w-ave (англ.)
 волшебник = мадзюцу-си – magici-an (англ.)
 вонь = нио-и – ню-х
 вонючий = кус-аи – кис-лый
 ворота = кадо – gate (англ.)
 вошь = сир-ами – сер-ая
 враг = ад-а – ад
 вр-ащение = ма-вар-и
 вр-ед = ад-а – ад
 время = коро – hora/hour/heure (европ.)
 = +ори – п-орá, +ора (итал.) = время
 все = мин(н)а – пан-, man-у (англ.) ← мн-ого
 вс-тать = таг-су – s-tand (англ.)
 вульгарный = +ияший – п-ошлый
 вход = кад-о
 выгодный = бор-ои – бол-ее
 выдалбливать = э-гур-у – car-ve (англ.), у-глу-блять,
 кр-омсать
 выз-ов = мэс-и – mess-age (англ.)
 выйти = дэр-у – дор-ога, др-апать

выпить залпом = габ-ури – gulp (англ.)
 выполнять (законы) = мамор-у – memory (англ.)
 вырезать = хор-у – хир-ург, кр-омсать
 вы-сас-ывать = сус-уру – сос-ать
 выставить на по-каз = кадз-ару
 вялый = дар-уи – ус-тал, dull (англ.)

Г

гас-ить = кэс-у
 гвоздь = куг-и – крюк
 глухой (о звуке) = ниб-уи – нем-ой
 гнать (машину) = хас-эру – has-ten (англ.)
 гнаться = +оу – go (англ.)
 гнев = икар-и, икар-у – anger (англ.)
 гнедой = кур-игэ – кар-ий, кор-ичневый
 голова = кабур-и – колоб
 = куб-и – чуб
 го-лос = ко-э
 гора = яма
 горб = коб-у
 гор-буш-а = +мас-у
 гор-дось = хо-кор-и
 гореть = +як-эру = о-жог
 гор-ный ветер = +оро-си
 городок = мати – mjasto (польск.)
 горь-кий = кар-аи
 горячий = ат-атакай – h-ot (англ.)
 = ат(с)-уи – h-ot (англ.)
 господин = тон-о – дон
 = кат-а – God (англ.)

готовить еду = мак-анау – мук-а́
 град = фур-и – бур-я
 градуировать = мор-у – мер-ять, мер-а
 греть = а-бур-у – вар-ить, war-m (англ.)
 грех = тсум-и – doom (англ.)
 громко = вай-вай
 группа = ката-мари – каста
 групповой = куми- – соп-
 грусть = +ус-а – m-iss (англ.)
 грязь = дор-о – дёр-н, тор-ф, чёр-ный
 гуш-а = кас-у – каш-а

Д

дать = дас-у
 д-ва = фу – t-wo (англ.)
 дверь = то – door (англ.)
 двор = ниwa – нива
 дворец = тон-о – дом
 девочка = мус-умэ – miss (англ.)
 деревня = мур-а – вол-ость, о-бол-ость / о-бл-ась,
 borou-gh (англ.)
 держать на руках = дак-у – tak-е (англ.)
 десять тысяч = ман – ту-ман (см. стр. 49)
 до = ма-дэ
 добавить = дас-у – дат-ь
 дождь = фури – буря
 долг = ои-мэ = owe (англ.)
 должен = хадзу дэ – has to ... (англ.)
 дол-я = тор-и(-маэ)

дом = +ут-и – х-ат-а, h-ut (англ.)
 = +яд-о – х-ат-а
 домогаться = нэр-ау – near (англ.) = «близкий»
 д-оро-га = дооро, +ооро, то, тоори
 доска = +ита – b-board (англ.)
 досуг = хима – сиба-рит
 д-ум-а = +ом-ои
 д-ум-ать = +ом-оу
 дуть = фук-у = фук-ать, пук-ать
 дым = кэб-у – коп-оть
 = кэм-у – коп-оть,
 = кэмур-и – хмур-ый, chmur-a (польск. «туча»)
 дымка = кас-уми – газ, haz-e (англ.), gais-s (латыш.)
 дыра = ан-а – ан-ус
 дышать = цук-у / т(с)уку – дых-нуть
 дьявол = мамоно – маммона

Е

ерунда = мут-я = муть
 ещё = моо – бол-ее, more (англ.)
 если бы = моси – може-т, ...
 есть, кушать = табэру – table (англ.)

Ж

жабры = +эра – д-ыра
 жажда = кат-су – hot (англ.)
 жарить = а-бур-у – вар-ить, boil (англ.)
 ждать = мацу/мат(с)у – wait (англ.)

жевать = кам-у – chew (англ.), kauen (нем.)

NB. «жев» = «кам» – нормально!

женщина = онна – она, д-онна

жечь = +як-у – о-жог

живот = хар-а – hear-t (англ.)

(жидкая) каш-а = каю

жидкость = эк-и – аq-иа, l-iq-uid

жить = сум-у – сом-атический, Zoe (греческ.)

жрать = хаму – хав-ать

жур-авль = дзур-у, цур-у

З

заблуждение = мад-ои – с-мят-ение, mad (англ.)

забор = сак-у – за-сек-а

з-авер-шаться = +owar-u – be over (англ.)

з-авер-шение = +owar-u

з-ад = +ат-о

задолженность = ои-мэ – owe (англ.)

заканчиваться = +owar-u – з-авер-шаться, be over (англ.)

заклинание = maji-nai – маги-я

закон = нор-и – нор-ма

закопать = умэр-у – умер-еть

замач-ивать = sawas-u

замерзать = коор-у – хол-од

запах = нио-и – ню-х

заплаканное лицо = nakí-gao – х-нык-ать

зарыть = умэр-у – умер-еть

застава (историч.) = сэк-и – за-сек-а

затумани(ва)ться = кас-уму – газ, haz-e (англ.)

заяц = у-саг-и – зайк-а

звук = моноото – моното-нный

= нари – со-нар

зелень = мидор-и – verd-e = зелёный (франц.) –
– изу-мруд

зелёная во-доросль = мари-мо

земля = ти – te-rra

зерновые = муг-и – мук-á

зима = фую+ – вью-га

злаки = муг-и – мук-á

зло = ад-а – ад

= ак-у – ach-e = «боль» (англ.)

= тсум-и – doom (англ.)

злоба = ник-утэй – низк-ий

= ад-а – ад

злой дух = мамоно – маммона

змея = хэб-и – serp-ent (лат./англ.) – “h-s”

зоб = коб-у – горб

зубило = таган-э – чекан

И

игла = хар-и – хер

= бар-и – бал-ка / пал-ка

идти = +юк-у, +ик-у – б-ег, w-alk (англ.)

= +оу = go (англ.)

= +арук-у – w-alk (англ.)

изгиб = ма-гар-и – кр-ивой

изгородь = сак-у – за-сек-а

излишек = а-мари = «море» (= много)

и-меть = мот(с)у

имя = на, нам-аэ – name (англ.)
 ин-ей = с-имо – с-ин-ий
 и-ск-ать = саг-асу, саг-уру – seek, search (англ.)
 искупать = +ага-нау – р-ага-ге (итал.) = платить
 испуг = одоро-ки – оторо-пъ

К

камень = ис-и – п-ес-ок
 кам-орка = ком-а
 капля = тсуб-у – drop (англ.)
 капля (дождя) = (книжн.) +утэк-и – +утёк, вы-тек
 капризы = мура
 капюшон = хор-о – гор-а
 кара = бать-и – бить-ё
 каска = кабу-то – сар-о, чуб
 каш-а (жидкая) = каю
 каш-тановый = кур-ииро – кар-ий, кор-ичневый
 кв-ази- = +эсэ-
 квартира = +яд-о – х-ата
 куда-ть (вниз) = куда-су
 кипяток = +ою – b-oi-l (англ.)
 кис-нуть = кус-ару
 кисточка, кисть = фус-а – влас-а
 китовый ус = +ос-а – вол-ос-ы
 кл-адовая = кур-а – с-кл-ад
 класс = кур-аи – кр-ужок
 клетка = каго – sage (англ.)
 клешня = тсум-э – thumb (англ.)
 клюв = хас-и – кус-ать, куш-ать
 кн-ига = хон – kön-ув (венг.)

когти = тсум-э – thumb (англ.)
 колдунья = мај-о – маг
 колодец = ид-о – p-it = яма (англ.)
 кол = куи – hui
 ко-лос = хо+
 колоть = сак-у – рас-сек-ать, сек-атор
 колючка = тог-э – тык-ать
 ком-анда = кум-и
 ко-мар = ка+
 ком-ната = ком-а
 = хэй-я – каю-та
 ком-плект = кум-и
 конвульсии = шяк-у – shak-e (англ.)
 конец = +owar-i – з-авер-шение
 конкурент = катак-и – контакт-т
 кончатся = +owar-и – з-авер-шаться, be over (англ.)
 кор-зина = коор-и
 = каг-о – cargo (англ.)
 = фуг-о – выюк, пук
 кор-ка = кар-а
 корм = эс-а – яс-тва
 кормить = мак-анау – мук-á
 корова = +уси – +ох (англ.) ← б-ык
 к-оса (волосы) = +оса(-гэ)
 косить (траву) = кар-у – кр-омсать
 кос-ой = хас-у
 костёр = хон-оо – bon-fire (англ.)
 кость = котс-у
 = хонэ – bone (англ.)

младший (ребёнок) = масси – младший, масе-нький

молчать = дам-ару – dum-b (англ.)

мозг = ноо – ноо-сфера

морг-ать = majirog-u

мошенник = катар-и – «кидал-а», «хитр-ец»

мошеннически вымани(ва)ть = катар-у – хитр-ить,
«кидал-а»

(моя) лачуга = +абара-я – х-ибара

муж = нус-и

мўки = мод-аэ – муч-ить

МУТ-ь, вздор = МУТ-я

муж = нус-и

мужать = масэр-у = матер-еть

мыше-ловка = масу-отоси

мышь = нэдзу-ми – несун

мясо на рё-бра-х = +бара-нику

мяч = мар-и – вал, вр-ащать, ball (англ.)

Н

надевать на голову = кабуру – капор

наказание = бат-и – бить-ё

направление = мук-и – бок

= ката – Куд-а? Гд-е?

направляющийся = мук-э – бок

напротив = мук-оо, мук-аи-но = бок

насекомые = муси / мушь-и – мош-ки, мух-и

наседь = нэ-гура – кура

насыщенность = кос-а – гус-тота, каш-а

начало любви = нар-эсомэ – нра-виться

небо = sor-a – сол-нце, ciel (франц.)

н-ев-од = am-i

неготовый = +ar-a – с-ыр-ой

некий = sar-u – cer-tain (англ.)

неметь = кор-у – хол-од

непостоянство = мура

непригодность = дамэ – dama-ge (англ.)

неприятный = +иян-а – п-бян

непрочный = мор-ои – мал-ый

низкая точка = тан-и – дн-о

н-ить = +ит-о

новый = атарас-ий – интерес-ный

нога = +ашь-и – п-еше-

ногти = тсум-э – thum-b (англ.)

носки (японские) = таби – топ-ать, топ-топ

О

оба = м-оро – all (англ.)

обжечься = кор-иру – об-гор-еть

оби = японский пояс – обви-вать

облако = кум-о – ком, chm-уга (польск.)

обмануть = дам-асу – dum-му (англ.)

о-бор-от = ма-вар-и

обращённость (к) = мук-и – бок

о(б)сы-пать = abis-eru

объединяться = гассур-у – gather (англ.)

обычай = нар-аи, нар-э – нра-в

ово-д = абу+

огонёк = акар-и – ярк-ий

одежда = ко-ром-о – роб-а

оди-н = ити+, jede-n
 окно = мад-о — с-мoт-реть, вид
 о-коло (примерно) = коро, кур-аи
 окончание = +owaг-i — з-авер-шение
 омут = +тор-о — за-тор
 онемение = кор-и — хол-од, col-d (англ.)
 опасность = +осор-э — р-озог = «внимание» (слав.)
 опрокинуться = короб-у — колеб-аться
 опухоль = коб-у — горб
 организация = кумитат-э — комитет
 основа = мот-ои — под
 о-сок-а = суг-э
 останавливать, прекращать = ям-эру — jam (англ.)
 останавливаться = том-ару — торм-озить, s-top (англ.)
 острие = хо+ — ко-лос
 остров = сим-а — зем-ля, ziem-ia (польск.)
 осу-шить = х-осу
 отбросы = кудз-у — cas-t (англ.)
 отверстие = ап-а — ан-ус
 от-кр-ыть = а-кэр-у
 открытое море = оки — оке-ан («п-окой-ный»)
 очевидный = ак-ирак-ина — ярк-ий
 очень нажи(ва)ться = бор-у — тор-е (англ.) = бол-ее

П

падать (о снеге) = фур-у — у-пал, fall (англ.)
 пак-овать = фук-уру — вьюк, пук
 палец = +юби — thumb (англ.), tsum-e — «ногти» (яп.)
 панцырь = коор-а — кор-а
 пар-ить («вар-ить») = мур-асу — war-m (англ.)

пар-ная = фур-о, мур-о
 партнёр = катак-и — контакт-т
 певчая птица = naki-dogi — х-нык-ать
 перебираться = кос-у — коч-евать
 перегородка = мас-э — меж-ду, меж-а
 перегородка межд-у комнатами = мадж-икири
 переливаться через край = а-фур-эру — пере-пол-нять
 пере-пол-нять = а-фур-эру
 переправляться = кос-у — коч-евать
 пересекать = коэру — go over (англ.)
 переселяться = кос-у — коч-евать
 переходить = коэру — go over (англ.)
 = кос-у — коч-евать
 перо = хан-э — fan (англ.) = «вен-тилятор»
 песок = сун-а — san-d (англ.)
 п-еть = +ут-ау — в-ыть
 печ-ка, печь = хи-бач-и
 печь = а-бур-у — вар-ить, war-m
 пещера = хора — hole (англ.)
 пить вместе = кум-у — кум(-овство)
 плакальщица = наки-онна — х-нык-ать
 плакать = нак-у — х-нык-ать
 плакса = наки-муси — х-нык-ать
 пл-амя = хо-мур-а — мер-цать
 плакать = нак-у — х-нык-ать
 плач = наки-, нак-у- — х-нык-ать
 = наки-гоэ — х-нык-ать
 плотина = сак-у — за-сек-а
 плотность = кос-а — гус-тота, каш-а
 пл-охой = war-ui — вр-едный, пор-тить
 плут = катар-и — «хитр-ец», «кидал-а»

побелеть = сир-акэру – сер-ый
 побледнеть = сир-акэру – сер-ый
 поведение = манэ, манэр-у – манер-ы
 п-ове-рхность = +омо – +ove-г (англ.)
 по-вор-ачивать = ma-war-u – tuo-ver-e (итал.)
 по-вор-от = ма-вар-и
 повышение = а-гар-и – гор-а
 под = мот-о
 подделка = мог-и – fak-e (англ.) – бяка
 поднимать = а-гэр-у – гор-а
 подражание = манэ – мане-ры
 подражать = манэр-у – манер-ы
 по-дрем-ать = ма-дором-у, dream (англ.)
 подъём = а-гар-и – гор-а
 поездка = (книжн.) +ооро – д-оро-га
 п-оз-дний = +ос-ои
 п-оказ-ания (свидетельские) = +акас-и
 по-каз-ать = кадз-ару
 по-кр-ивить = ма-гэр-у
 покупать = кау – kau-fen (нем.)
 пол-ный, целый = мар-у
 полосы = сим-а – seam (англ.) = «шов»
 получать = +уру / +эру – +ear-n (англ.), б-ра-ть
 понимать = wak-aru – с-мек-ать, ку-мек-ать
 понос = ку-дари – дри-сня, diarr-hea (англ.)
 = ку-дари-бара – дри-сня, diarr-hea (англ.)
 по́ра (в коже) = ан-а – ан-ус
 порá (= «время») = хар-у / коро – hour/heure (европ.)
 порыв ветра = +аор-и – п-ар, +air (англ.)
 по-сер-еть = сир-акэру – сер-ый

поступь = ходо – ход
 посылать = о-кур-у – кур-ьер
 поток = нагарэ – na-vi-gare (лат.-итал.)
 почва = доро – дёр-н, тор-ф
 правило = нор-и – нор-ма
 правка, точ-ка = тог-и – ток-арь
 прекращать = ям-эру – jam (англ.)
 приблизительно = коро, кур-аи – о-коло
 привыкнуть = нар-эру – при-нор-овиться
 привычка = нар-аи, нар-э – нра-в
 приглашение = мэс-и – mess-age (англ.), ВЫЗ-ов
 приём, сп-особ = суб-э
 призрак = тоорима – дрёма
 = maboroshi – maverick (англ.)
 приманка = otori – attire (англ.)
 примерно = коро, кур-аи – о-коло
 при-нор-овиться = нар-эру
 приправлять (уксусом и т.п.) = +aeru – п-оли-вать
 пристрастность к своим = эк-и – эг-о
 притворные слёзы = naki-mane – х-нык-ать
 происходить = okor-u – occur (англ.)
 проливание = кобор-э – капл-я
 про-меж-ность = мат-а – меж-
 проклятие = татар-и – тартар-ары
 проноситься (о «ветре»!) = watar-u
 просачивание = мор-и, мор-э – мор-осить; мор-е
 просачиваться = мор-у, мор-эру – мор-осить
 противник = катак-и – контакт-т
 противный = +иян-а – п-ьян
 = ник-уи – низк-ий

противоположный = мук-аи-но – бок
 проходить = тоор-у – тор-ить (путь), throu-gh (англ.)
 = хэру – t-hrou-gh (англ.)
 прыгать = тоб-у – top (англ. = «верх»)
 прыжок = тоб-у – top (англ. = «верх»)
 птица = тор-и – p-ter-os (греч.), п-тах-а (“*r-h*”)
 пугаться = kow-aku naru – cow-ard (англ.)
 пук волос = mag-e – wig
 пустой = +ак-и – в-ак-уум
 пустота = +ак-и – в-ак-уум
 пустошь = арэт-и – arid (англ.)
 пустыня = ар-ано – ar-id (англ.)
 пустяки = суэ – сусе-та, в-сусе
 путешествие = таб-и – топ-топ, топ-ать
 пут-ь = мит-и – мет-од, pat-h (англ.)
 = +ооро – д-оро-га
 пучи-на = фучи+
 пучок волос = маг-э – wig (англ.) – пук
 пыл-ать = моэр-у – fir-e
 п-ять = +иц-уцу

Р

разби(ва)ть вдребезги = барас-у – брос-ать
 раздражаться = ира-ира суру, ир-адацу – irr-itate (англ.)
 раздувать (пламя) = +аор-у – п-ар, +air (англ.)
 разливание = кобор-э – капл-я
 разногласия = гэк-и – crack (англ.)
 раз-орять = арас-у – h-arrass (англ.)
 раскрашивать = эдору – adore (англ.) = «обожать»

распря = арас-ои – h-arrass (англ.)
 рассветать = сир-аму – сер-еть
 рас-сек-ать = сак-у
 расточительность = муд-а – муд-янка
 р-ебро = +абара
 редкостный = ots-u – odd (англ.)
 резать = кир-у – кр-оить, кр-омсать, chiru-rg
 резец = таган-э – чекан
 река = кава – a-qua
 рис (в зерне) = ком-е – corn (англ.)
 рискованность = абунагэ – обнаглеть
 рисунок = гар-а – кол-ер
 робость = kow-agari – cow-ard
 рогожа = ком-о – ков-ёр (“*m-v*”)
 родинка = +адз-а – п-ят-но, sp-ot (англ.)
 родиться = умарэру
 рожать = нас-у – нос-ить (ребёнка)
 рождение = умарэ
 ромб = хис-и – кос-ой
 роса = тсую – dew (англ.)
 рот = кут-и – куш-ать, кус-ать
 рука = удэ – уд, h-and (англ.)
 рукоятка = +цука – ру-чка
 ру-мян-а = бэн-и – ру-бин, пун-цовый
 ру-чка = +цука
 рыба = уо+ – во-да
 = сака-на – шука
 рыскать (за кем-н.) = асар-у – азар-т

С

сад = ниwa – нива
 саж-а = сус-у – soot (англ.) (“s-t”)
 саке = сак-э – сок
 самец = он
 самка = мэс-у – miss (англ.)
 с-бор-ище = мур-э – с-вор-а
 свая = куи – hui
 свет = акари – ярк-ий
 светлеть = сир-аму – сер-еть
 светло- = ас-а – яс-ный
 светлый = акар-уи – ярк-ий
 = ак-ирак-ина – ярк-ий
 свинья = бут-а – бут-уз
 свиток = мак-и, мак-у – пук, вьюк
 свободное время = хима – сибарит
 с-вор-а = мур-э – с-бор-ище
 седина = сир-ага – сер-ый
 седой = сир-ои – сер-ый
 седые усы = сир-ахигэ – сер-ый
 сезон = +ори – +ога = время (итал.) – п-орá
 семья, фамилия = +удзи – +узы, с-вяз-ывать
 сердце = ко-кор-о – сог (лат.)
 сер-ые перья = сир-аха
 сетка, сеть = а-ми – w-eb (англ.), н-ев-од
 синяк = +ад-за – п-ят-но, sp-ot (англ.)
 ск-ат = сак-э
 скачок = тоб-и – top (англ.)
 скважина = ан-а – ан-ус

с-кис-нуть = кус-ару
 с-кл-ад = кур-а – кл-адовая
 ск-лон = сак-э
 с-кор-лупа = кар-а, коор-а
 сл-аб-ый = +aw-аи
 = дар-уи – ус-тал – dull (англ.)
 = ус-уи – уз-кий
 слава = хаэ – хвала, Хайль (“s-h”)
 сл-ед = +ат-о
 следовать за ... = цуг-у – цуг-ом
 слепень = абу+ – ово-д
 случаться = окоги – оссиг (англ.)
 слякоть = дор-о – дёр-н, тор-ф
 с-меш-ать = мадз-ару, мадз-иру, мадз-эру – mix (англ.)
 смеяться = war-аи – мер-гу (англ.) = «вес-ёлый»
 (“m-v”, “r-s”)
 с-мот-реть = мир-у – mir-ar (исп.), мир-аж
 смысл = мун-э – mean-ing, min-d (англ.), мн-ение, мн-ить
 с-мят-ение = мад-ои – mad (англ.)
 снаружи = сот-о – е-ход-ud / ек-сод-us / вы-ход
 снег = +юк-и – в-юг-а
 снегопад = фур-и – бур-я
 снимать (одежду) = нуг-у – наг-ой
 собака = +ину – к-ино-лог
 со-бирать = кум-у (лат. cum-pania)
 соблюдать (законы) = мамор-у – memory (англ.)
 соединяться = гассур-у – gather (англ.)
 сойти с ума = кур-уу = cr-azy (англ.)
 сокрушаться = waб-иру – воп-ить

сом (амурский) = нама-дзу
 сонливый = нэм-уи – нем-ой
 сонный = нэм-уи – нем-ой
 сообщник = гуру
 соса-ть = суу, сусу-ру
 со-ставлять = кум-у (*лат. cum-pania*)
 спазмы = шяк-у – shak-e (*англ.*)
 Спасибо! = +аригат-оо – Б-лагод-арю!
 сп-особ = суб-э
 старуха = баба
 статья вялым = дар-эру – ус-тал – dull (*англ.*)
 стена = кабэ – каме-нь
 стол = так-у – deck (*англ.*)
 столб = куи – hui
 стонать = у-мэк-у – мек-ать, бек-ать
 сторона = ката – Куд-а? Гд-е?
 = мук-оо – бок
 страна = куни – ис-кон-ный, пос-кон-ный,
 kin = род (*англ.*), kuni = племя (*готск.*)
 странный = ots-u – odd (*англ.*)
 страх = +осор-э = п-озор
 = kow-agari = cow-ard (*англ.*)
 страшный = +осор-осий – п-озор-ный
 стричь = кар-у – кр-омсать, кр-оить
 структура = кумитатэ – комитет
 стру-на = тсур-у
 ступка = +ус-а – м-ис-(к)а
 судак = судзук-и
 суе-та = суэ

суетиться = sawag-u – savag-e (*англ.*)
 супруг = нушь-и – муж
 сушить = а-бур-у – вар-ить, war-m
 сущность = бак-э – back-ground (*англ.*)
 сын = мусук-о – мужик

Т

тар-елка = sar-a – тар-а
 тверд-ыня = торид-э
 твёрдый = кат-аи – hard (*англ.*), ciet-s (*латышск.*)
 = kowa-и – кова-ть
 телега = курума – колыма-га
 тело = карада – колода
 тесный = сэм-аи – sm-all (*англ.*)
 тетива = тсур-у – стру-на
 течь = мор-у, мор-эру – мор-осить
 = нагар-у = na-vi-gare (*лат.-итал.*)
 тёмный = кур-аи – кор-ичневый, каур-ый, кар-акуль
 толк-ать = док-эру
 = +ос-у – p-ush (*англ.*)
 = цук-у – тык-ать
 толпа = ката-мари – каста
 толстеть = фут-ору – get fat (*англ.*), «бут-узеть»
 толстый = фут-ой – бут-уз, fat (*англ.*)
 толчок = цук-и – тык-ать
 только/тока = дакэ, tik (*латышск.*)
 тонкий = ус-уи – уз-кий
 торопиться = +исо-гу – b-usy (*англ.*)
 т-ос-ка = +ус-а – m-iss (*англ.*)
 точ-ить = тог-у – ток-арь

Ч

чеш-уя = кок-э – корк-а

чёр-ный = кур-ои – кар-акуль

ч-ужой = +утои

Ш

шаблон = кат-а – cut (англ.)

шел-уха = кар-а – s-hell = раковина (англ.)

шея = куб-и – чуб

шиньон = маг-э – wig (англ.) – пук

шип = тог-э – тык-ать

широ-кий = хиро-и

шишка (на лбу) = коб-у – горб

шлем = каб-уто – кеп-ка

шторм = +арэ – б-уря

шум = моноото – моното-нный

шуметь = sawag-u – savag-e (англ.)

шумно = вай-вай

Щ

щель = гэк-и – crack (англ.)

= ан-а – ан-ус

щебетать = нак-у – neigh (англ.) = «ржать»

щит = тат-э – шь-тит

Я

явный = ак-ирак-ина – ярк-ий

яд = док-у, док-усо – дох-лый, тух-лый

яйцо = тама-го – egg (англ.)

якорь = икари

ярк-ий = ак-ирак-ана

ясный = ак-ирак-ана – ярк-ий

Дорогие друзья!

Полная версия этого словаря (более **1500** слов)
будет издана отдельной книгой.

А пока читайте мою же книгу
«Происхождение японского языка».

Заявки принимаются в интернет-магазине моего сайта

www.dragunkin.ru

Велимир Хлебников**ЕДИНАЯ КНИГА**

Я видел, что черные Веды,
Коран и Евангелие
И в шелковых досках
Книги монголов
Из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки зарей,
Сложили костер
И сами легли на него –
Белые вдовы в облако дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы – большие моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка-закладка,
Где остановился взором читатель, –
Реки великие синим потоком:
Волга, где Разина ночью поют,
Желтый Нил, где молятся солнцу,
Янцекиянг, где жижа густая людей,
И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги,
И Ганг, где темные люди – деревья ума,
И Дунай, где в белом белые люди,
В белых рубахах стоят над водой,
И Замбези, где люди черней сапога,
И бурная Обь, где бога секут
И ставят в угол глазами
Во время еды чего-нибудь жирного,
И Темза, где серая скука ...

1920 г.

(Авторская пунктуация сохранена).

ЧАСТЬ IV**Политизированная**

Александр Образцов

ОРАНЖЕВЫЙ УЖАС

Что такое революция?

Если сдёрнуть с этого слова романтические пелеринки, то оно означает одно – нетерпимость, перешедшую грань возврата к диалогу.

Революция – это шаг в неизвестность, то есть в пропасть. Все революции имели катастрофические последствия для стран, где они состоялись. Причём революция подобна джинну – обратно в бутылку её не загнать. Она идёт как цепная ядерная реакция, до конца. То есть – всеобщий террор, пожирающий вначале её участников, а затем громадные массы мирного населения. Двадцатый век дал множество примеров развития революций. Все они начинались одинаково: народ сотнями тысяч выходил на улицы, легко захватывал власть и ликовал. Вторая фаза – борьба небольших групп за упавшую власть. Затем следовала победа одной из групп и внутригрупповая борьба. И вот они – казни, всенародное одобрение, диктатура.

Классический пример – Французская революция 1789 года. Русская 1917. Иранская 1979. И десятки других – Эфиопская, Ангольская, Кубинская, Кхмерская.

Но все эти революции происходили либо в монархиях, либо при жёстких авторитарных режимах.

Чешская «бархатная» революция не привела к обычной цепной реакции только по причине мгновенного распада страны на Чехию и Словакию. Как бы *цели* её были таким образом достигнуты, и народ, с некоторым недоумением почесав затылки, разошёлся по домам.

Институты США, занимающиеся моделированием общественных отношений, видимо, решили, что наконец-то найдена формула использования революций в мирных целях, своеобразная управляемая ядерная реакция, и возник некий

прорыв в науке управления людьми и государствами. Оказалось, что толпы безоружных сильнее любых армий и сил подавления. Надо только их немного поддержать извне. А принцип домино, так испугавший когда-то США в Центральной Америке, вполне можно применить к неудобным и несговорчивым странам.

Применение метода в Югославии затопило её кровью. Ничего, первый блин комом. Дальше будет почище.

Три *цветные* революции в Грузии, на Украине и в Киргизии и были почище. В смысле крови. Но они прошли только первую фазу.

Здесь мне смертельно не хочется оказаться пророком. Потому что у меня есть родные и близкие. Да и сам я не хочу сгореть вместе с остальным человечеством в результате системной ошибки институтов США.

Что произошло в Грузии и на Украине? Почему были избраны две православные страны, традиционно наиболее близкие к России? Думаю, что из особого щегольства американских научных работников. Им захотелось предельно усложнить свою задачу, показать всем фигуры высшего пилотажа.

Было бы ещё более эффектно провести такую же ювелирную работу в Белоруссии, но – увы. Белорусы оказались не столь эмоциональны.

Потому первая – Грузия. Использование двух факторов – абхазского и чеченского – вкупе с небывалой для Грузии нищетой раскачали антирусские настроения. Что случилось дальше – всем хорошо известно. Шеварнадзе не помогли ни личные заслуги перед Западом, ни его безусловная покорность. Он стал красивой жертвой ферзя. Последовало мгновенное превращение проходной пешки – Саакашвили – в новую грозную фигуру. Этакое чистенького вождя. Но основным в этой партии был не личный момент. Основным было другое. Надо было за дымовой завесой многотысячной ликующей толпы спрятать нарушение основного принципа демократии – насильственное (якобы стихийное, неуправляемое) свержение

законно избранной демократической власти. Что с того, что люди ворвались в парламент без винтовок, а с розами в руках? А если бы демократы ворвались в Белый дом? Если бы королеву Англии на руках отнесли в аэропорт и под аплодисменты отправили бы её в изгнание на Лазурный берег?

После действий Саакашвили и его спаянной группы в Грузии по Уставу ООН должны были бы войти ооновские войска. Но нет у нас ООН. Не стало после 1991 года.

Далее – Украина.

Меня страшно поразил один момент, на который обратили мало внимания. На Западе (в Брюсселе, кажется) было заявлено, что *любые* итоги президентских выборов на Украине – кроме победы Ющенко – будут признаны недействительными.

Господа! Но ведь даже Гитлер победил на альтернативных выборах! Даже Ленин созвал Учредительное собрание! Это уже напоминает историю о коне Калигулы, ставшем членом римского сената. Это – вызов всему миру. Это – тест на управляемость. Это – катастрофа цивилизации. Это – её конец.

Далее следовала всё та же дымовая завеса всеобщего ликования на Майдане. Здесь также использовалось несколько факторов: западноукраинская вражда к «москалям» (при чём тут «москальи»? Их уже 15 лет нет), ревность Киева к Москве, украинские гастербайтеры в России и авансы Запада о дальнейшей совместной жизни. И деньги фондов. Вы понимаете? Открыто из-за границы финансируется избирательная компания одного из кандидатов в Президенты! Что сказали бы французы, узнав, что Конгресс США выделил деньги на поддержку одного из своих кандидатов? Они *допустили* бы его к выборам?

Далее. Побеждает Янукович во втором туре. Мгновенно появляются десятки томов со свидетельствами нарушений в его пользу. Мгновенно меняется Конституция. И так далее.

Но это ведь государственный переворот! Человек, решением Избирательной комиссии избранный Президентом, должен стать им. И только после этого суды и следствие дают

оценку «честности» проведения выборов. Тщательно поработав. Здесь ведь не иск о наследстве, а судьба страны.

Странно, что мне приходится очевидные вещи проговаривать. Даже скучно. Но в комментариях СМИ и в заявлениях политических деятелей тема *попытки* государственного переворота рассматривалась только в отношении Востока и Юга Украины. Но это – попытка. Это – общественные собрания на тему отделения и уже *после* государственного переворота в Киеве! А здесь, на Майдане – именно государственный переворот! Можно назвать это революцией (оранжевый цвет так же кровав, как красный) – неважно. Революция страшнее государственного переворота. Тем более, революция в стране отчаявшейся, с неустойчивой и противоречивой властью.

Подталкивать отчаявшихся людей на Майдане или на тбилисских улицах особо и не надо было. Они были готовы в своём ослеплении от нищеты и несправедливости выступить куда угодно и против кого угодно, лишь бы выплеснуть свой гнев. Подталкивать этот гнев – преступно. Тем более подталкивать его к своей выгоде, к удовлетворению своего мстительного чувства к недавнему, но также слабому противнику, который тоже болен разрухой, деревни и посёлки которого больше напоминают лазарет, а города стонут от бездомных и беспризорников. Какие нравственные и религиозные сентенции можно подложить под хладнокровную работу Запада по *раскачиванию* стран бывшего СССР и Восточной Европы? Где здесь благородная повадка рыцарей, помогающих подняться поверженным, но не добивающих их? Где уроки Руссо, блаженного Августина, где наследники матери Терезы?

Ничего, кроме ледяного нетерпения ОБСЕ, мелких змеиных укусов Европейского парламента, торжествующих резолюций Конгресса.

Что вы ждёте в ответ? Лобызания рук? Вы – не умеющие усмирить басков и палестинцев, отгородившиеся в крепостях Ирака и Афганистана? Вы – поучающие народы, многократно

наказавшие сами себя за неуправляемую стихию предыдущих революций? Теперь вы сами приносите их. Так чем вы лучше?

А теперь – о последствиях данных революций. Грузию здесь рассматривать не имеет смысла – масштаб не тот. Кого заботят события в Эквадоре или Либерии? А Украина – это смертельно. Это не Югославия.

Повторяю, мне страшно оказаться пророком. Но, может быть, люди услышат это предостережение и их голоса смогут приостановить цепную реакцию оранжевого ужаса? Может быть, весы качнутся.

Вот что будет.

Уже сейчас Ющенко всё менее принимается в расчёт закусившей удила Тимошенко. Продолжается фаза внутригрупповой борьбы. Тимошенко, всё более укрепляясь, выстраивает аппарат исполнительной власти и может победить на парламентских выборах 2006 года. *Как* – всем хорошо известно.

И здесь вступит в действие фактор раскола Украины, который был обнажён и обострён оранжевыми.

Любые итоги, кроме победы Востока на выборах, не будут *там* приняты (коромысло качнулось в обратную сторону). Митинги, беспорядки в Донецке, в Харькове, в Крыму – везде на Юге и на Востоке.

Новые майданы, теперь уже на русском языке.

Испуг России. Она не хочет таких подарков.

Предоставленные самим себе, загнанные в угол шахтёры, металлурги, станочники, учителя *не желают* отступать. Один, два, три выстрела в толпу. Чьи? А кто это узнает? Тимошенко (по характеру) пойдёт на подавление. Стихийные объявления независимых (3-4) республик (Крым, Донецкая, Одесская и пр.). Обвинения НАТО в адрес России. Ультиматум России о прекращении поддержки Востока Украины. Закрытие границ. Резня в полосе раскола Запада и Востока Украины.

Дальнейшее – беспросветно.

Таков может быть итог «научных» исследований американцев. Но не они, не профессора принимают решения.

Президент Буш с самого начала производил впечатление странное, мягко говоря. Осыпаясь насмешками «высоколобых», растерянный, закомплексованный, он продолжает играть роль рубахи-парня, этакого ковбоя, который сам себе на уме и всем докажет, что он умнее всех умников, остроумнее всех шутников и дальновиднее далай-ламы и папы римского.

В сущности, мир впервые столкнулся с ситуацией, когда действительно *один человек* может решать его судьбу. И этот человек – Буш.

Но ведь всё поведение президента США прямо указывает на то, что он не совсем нормален. Может быть, у себя на ранчо он вполне адекватен: кому добавить овса, какие гектары засеять люцерной.

Но вы только вдумайтесь: президент главной страны мира с веками апробированной Конституцией раз за разом нарушает эту Конституцию и главнейшие принципы демократии: он не сумел защитить народ США 11 сентября, даже будучи предупреждён заранее о теракте. Он беспричинно напал на Ирак и втянул в эту войну полмира. Он организовал свержение законных правительств в демократических странах Европы и Азии.

Разве это не симптомы опасной болезни? И от этого человека зависит само существование единственной разумной планеты во Вселенной?

Буш – безумец. Он значительно опаснее Гитлера, потому что Гитлер был всего лишь маньяк.

Вообще, ситуация в мире ужасна, она зеркальна концу 30-х годов прошлого века. Западный мир, который испытывает упоение от блицкрига США в Европе и в Азии, когда под барабанный бой сдаются Восточная Европа, Балтия, Украина, Молдова, Грузия (вспомним – Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Бельгия, Голландия, Норвегия, Югославия, Греция, Франция), уже не может мыслить здраво. Месть бывшему

СССР (= России) должна быть полной. Уже недостаточно того, что Буш сидел на Красной площади, принимая парад в честь 60-летия Победы – теперь русские должны колоннами рабов пройти перед ним. Затем китайцы тем же порядком на Таньаньмэнь, и – всё! Мир во всём мире!

«Опомнись, старый мир!», – так сказал Блок.

Не хочет опомниться. Каюк нам, братцы. Всем. В мире. Каюк.

ЧУЖИЕ

Надеюсь совершенно искренне, что события 11 сентября не контролировались властями США. То есть, надеюсь на невозможное, по сути, сцепление обстоятельств, когда загадочное, непостижимое движение Аль-Каида, сидевшее в пещерах Афганистана, организовало и провело операцию, которой не было аналогов в мировой истории. Все эти похищения МОССАД и внедрения агентов ЦРУ и КГБ – ничто в сравнении с кинематографически эффектной картиной трагедии.

Представим на миг, что теракт организует, допустим, Китай, Иран или Франция. Чтобы какие-то структуры обычных стран настолько вышли из подчинения своих властей? Исключено.

Представить можно, что Аль-Каида, насмотревшись американских боевиков, сообразила бы соорудить нечто подобное. Однако размах операции в чужой, враждебной стране, с одновременным захватом нескольких громадных самолётов в разных местах и чрезвычайно точным по времени веерным исполнением ими терактов (причём Пентагон ювелирно задет был чисто условно, а Капитолий столь же ювелирно был только намечен целью) также говорит о невозможности её проведения без содействия влиятельных сил внутри США.

Неизбежно следующее предположение: власти США вбросили эту идею в мифическую Аль-Каиду и успешно ку-

рировали реализацию этой идеи и на всём протяжении операции. Это представить легко (имея в виду результат), но и невозможно совсем по другим причинам. Тогда весь Западный мир при условии разглашения целей и задач теракта оказался бы политическим банкротом.

Однако гибель нескольких тысяч американцев в данном случае стала ничтожной платой за дальнейшее продвижение американской модели «порядка» во всём мире. (Не правда ли, что-то до боли знакомое в этих словах «новый порядок»?). У США оказались полностью развязаны руки для любых операций в мире, целесообразность которых диктуется теперь «священной безопасностью США».

Думаю, что так же увлечённо, как все, смотрят американские боевики *о себе* и сотрудники их спецслужб, а поэтому и кино прямым образом формирует поведение этих сотрудников. Они представляют себя не реальными чиновниками и обычными людьми, а Костнерами и Шварценегерами.

Идеология американского кино непонятным образом совмещает две взаимоисключающие возможности: спасение беззащитного (чаще всего ребёнка), и громадное количество остальных жертв ради его спасения. Безусловным является также принесение в жертву части ради спасения целого. Здесь – противоречие. Но оно, как обычно в Америке, не замечается.

Вообще, создаётся впечатление, что американское общество состоит из людей, безраздельно существующих внутри него. Всякий американец (хотя бы и Бобби Фишер), пытающийся взглянуть на него со стороны, отойти от колонны, опередить её или отстать, тут же вычёркивается из американской жизни безвозвратно. Вернуться в эту закрытую секту практически невозможно, потому что не только критика её, но даже сомнение, намёк, стон тут же регистрируются.

Все американские фильмы – об этих выпавших, почти всегда – по недоразумению. Но почему же тогда эти «выпавшие» сражаются практически со всем американским миром, почти

не встречая ни в ком ни малейшей поддержки? Видимо, потому, что американский мир в данном случае отказывает «выпавшему» в любой степени внимания. Он, «вытащенный из гнезда», мгновенно становится врагом стаи.

Тогда суть американского мира – аморальна, античеловечна. Мир этот – машина, компьютер, выпав из которого, человек теряет себя. В данном случае кино, как всякое настоящее искусство, всего лишь безжалостно и строго отражает реальность. Беда в том, что такая реальность устраивает всех.

Потому официальная интерпретация и теракта 11 сентября, и убийства Кеннеди, и многих других случаев не подвергается малейшему сомнению. Машина (американский мир) не может, не способна ошибаться. С этой точки зрения теракт 11 сентября вполне мог быть организован и проведён (отслежен) спецслужбами США, и они не испытывали при этом ни малейших сомнений в своей безнаказанности. Больше того, они убеждены были в том, что надо пожертвовать двумя башнями в Нью-Йорке («очень жалко силуэт») и несколькими тысячами людей («героев, мы их будем помнить, жаль, что они не знают того, какие они герои и как их жертва поможет Родине в наведении порядка в этом грязном и опасном мире»).

Итак, мы никогда не узнаем настоящих преступников. Пока существуют США. А они надеются жить вечно и заставить остальной мир жить *как полагается*.

Американская же картина «Чужой» (о схватке в космосе) показывает монстра, который неуязвим и захватывает всё вокруг. Может быть, американцы всё же смогут представить *нас* на месте экипажа, а *себя* – в виде монстра?

И чем в таком случае американская модель общества отличается от сталинской? Только тем, что сталинская была не так защищена, не так продумана, не так универсальна.

Иначе мы до сих пор «наслаждались» бы борьбой двух систем.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ «МАТЬ РОССИЯ»

Граждане России!

Я – писатель, и моим рабочим инструментом является слово. Сегодня слово кажется всего лишь средством общения, не больше. Однако не надо забывать, что именно слово создало человека и сила слов никогда не иссякнет. Ни экономика, ни оружие, ни деньги не способны делать людей сильными и счастливыми.

Название новой партии – «Мать Россия». Именно сегодня и именно это название способно сделать то, что не под силу экономике, оружию и деньгам. Название «Мать Россия» убивает другое название современной России – «Большой брат». Английский писатель Оруэлл запустил этого «большого брата», и он внёс в головы людей, населяющих нашу Родину, сумятицу и отчаяние. Страна, лишившаяся «матери», попала в полосу межнациональной розни. Это – первая причина наших бед.

Вторая причина – психологическая. Мы почему-то поверили Рейгану, обменявшемуся рукопожатием с Горбачёвым в Рейкьявике и провозгласившему окончание «холодной» войны. Мы, подобно боксёру, прекратившему бой по приказу судьи, опустили руки. Однако наш противник и не думал останавливаться. Поэтому его удары по открытой цели были так прицельны и беспощадны. Первым ударом были сбиты армия и оборонка. Вторым удар уничтожил промышленность. Сельскому хозяйству было достаточно лёгкого «джебба». И особенно чувствительным был удар по культуре.

Как мы после всего не оказались на полу? Мы прижаты к канатам, нас бьют и бьют. Мы закрываемся и не поймём, что это, откуда этот ураган? Ведь мы вышли с миром и ожидали ответной дружбы. Нет.

Нам надо понять, что идёт война. Современная война. В мире, где атомная угроза казалось бы уничтожила само по-

нятие войн, они стали бескровными. Не гибнут солдаты, не рушатся города от бомбардировок. Но последствия современной бескровной войны не менее страшны: вымирают дети, старики, инвалиды, сотни тысяч молодых людей умирают от намеренно отравленной водки и намеренно вбрасываемых наркотиков. Само понятие Родины, России, втаптывается в грязь «деятелями культуры» и агентами чужих влияний. И разве важно, чем руководствуются эти люди – собственным недомыслием или чужими указаниями?

Третьей причиной бед России является фальсификация её истории. Нам надо понять, что противостояние Востока и Запада существует не сто, не двести, а не менее тысячи лет. И Восток всегда на протяжении веков был простодушен. Да, его армии жестоко били Запад. И владычество Востока было жёстким. Но и Запад бил в ответ.

И надо сказать, что фальсификация истории стала одним из сильнейших ходов Запада. В самом деле, история России в их трактовке сводится к нехитрому русско-тюркскому противостоянию. Вначале якобы били русских методом татаро-монгольского ига, а затем русские били тюрок в ответ. Тем самым фальсификаторы добивались многих целей. Нагнеталась вражда между вечными союзниками. Создавался миф о «варварстве» русских, тюрок и финно-угров. Крепостное право, введённое западными ставленниками Романовыми, якобы «доказывало» извечную рабскую натуру наших народов.

И что же? Сегодня эти мифы отрывают нашу молодёжь от Родины. Фальсификаторы почти добились американизации страны. Поверхностная, ничтожная американская «культура» секса, насилия и наживы захлестывает сознание людей.

Однако Россия – страна последнего патрона. Вот-вот откроются глаза и освободится слух. Татары, тувинцы, коми, удмурты, ингуши и многие народы России никак не могут добудиться русских и зачастую начинают *самоидентифицировать* себя как *русские*.

В чём причина русского сна? Или не сна? Может быть, тяжёлого нокдауна?

Два исторических слома сознания испытала Россия за последние пятнадцать лет. Первый слом – крах коммунистических идей. Второй слом – крах капиталистических идей. Как тут устоишь?

Но пора подниматься.

Если искать аналогии нашему сегодняшнему положению, то совершенно очевидно сравнение с тяжелейшей осенью 1942 года: враг окружил Ленинград, бои в 200 метрах от Волги, одна Москва цветёт и пахнет.

Не за горами Сталинград и Курская дуга.

Стране нужен всего лишь центр веры, ухватившись за который она встанет с колен, и тогда мы сравним – у кого какой рост.

Центром веры станет новая, совершенно чистая партия – «Мать Россия». Когда уже нет никаких сил верить каким-либо партиям и деятелям – наступает момент веры и энтузиазма.

Мы выплывем.